

Decoration Disorder Disconnection 1

Перевод с японского: **Каэнс**

LivingFLCL
Редактура: **Rosetau**

Эдит: **Ева**

1.

J the E.

disconnection
isorder

Вздрыгнул от тихого скрипа кости.

Просыпаюсь среди ночи — и не чувствую конечностей.

Подражаю полупрозрачной личинке. Чувствую себя лилипутом в ладошку ростом, в голове глухо. Как ни стараюсь подвигать руками-ногами, сонное тело не желает слушаться.

Лишь левая рука еще связана с онемевшим сознанием. Я воспринимаю пульсирующую кровь как информацию. Воображение рисует, как какая-то малая часть подменяет все тело. Я могу шевелить только левой рукой, посему сущность по имени Исидзуэ Арика сосредотачивается именно в ней.

— Пф... ай.

И сущности больно.

Слышен какой-то... вгрызающийся шум.

Морозящий ужас — тело истирается.

Эйфория — тело пережевывается.

Меня понемногу съедают.

Я-частичный пропадаю и наконец возвращаюсь к себе, обретаю свободу движения. В темноте все еще слышатся нервные всхлипы. Сдергиваю одеяло.

Кровать вся в крови. Девочка с окровавленным ртом улыбается разбитой челюстью.

— Тебе же было плохо, братик?

Девочка одержима чем-то нехорошим.

Левую руку словно языком слизали. Ни боли, ни раны. Девочка с разбитой челюстью зализывает культю. Как будто заделывает большую брешь от потери.

Тихая ночь костного скрипа.

Прекрасный звук жизни — словно распускается цветок.

Вспомнил. Это произошло, когда наконец меня отпустили из чистилища, которым мне казалась клиника, и я серьезно задумался, не восстановиться ли в универе. Я находился в доме более-менее знакомого соседа, Кидзаки. Было семь вечера, солнце зашло. Не позвонив в звонок, не здороваясь, я прокрался через прихожую. Ну, на самом деле я хотел выбить окно, но, к счастью, входная дверь была не заперта. Разиня. Так я со стороны кажусь малолетним воришкой, но, как ни печально, в целом так оно и есть. Как раз за месяц до этого, двенадцатого сентября: в эту ночь я совершил незаконное проникновение с умыслом грабежа денежных средств.

Похоже, на холме Сикура случился семейный суицид. Донос принял первый попавшийся патрульный. Ему рано утром позвонил глава семьи Кидзаки. «Вчера вечером мы трое дружно повесились. Это мешает соседям; я бы хотел, чтобы вы по возможности побыстрее с этим разобрались». Очень смешно. Но, увы, принявший звонок патрульный юмора не оценил (не понял, где смеяться?), направился напрямиком к Кидзаки и пал смертью храбрых. Больше о нем ничего не известно. После полудня напарник патрульного забеспокоился, пошел на поиски и присоединился к другу. Полицейская будка второго квартала на холме Сикура опустела меньше чем за полдня. В отделении даже тревогу не успели забить, а новость уже расползлась по округе. Впрочем, это местная заварушка, так что в эфир она не попала, а осталась просто кумушкиными сплетнями. Ой-ой-ой, в дом Кидзаки-сан зашел полицейский, да не вышел, о-хо-хо, кстати, почему со вчера у них заперто, о-хо-хо-хо-хо-хо. Старые сплетницы! То ли лаконичные, то ли небрежные, не поймешь. Вот в таком духе слухи неспешно циркулировали по району, и достигли внимательных и любопытных ушей после двух часов дня. Кажется, любопытные решили и со мной поделиться, и днем мне звонили. Я не помню, чего мы наболтали там, но в истории звонков время отмечено. И вот сейчас, в 18:40, еще до заката мне звонили двое: «Tsuranui Mihaya» и «Karyou Kaie». Цурануи-то фиг с ней, а вот с Кайэ сложней. Он обожает мобильники, но акт звонка терпеть не может; и когда такой извращенец сам звонит, это не к добру. И вот почти семь вечера. Солнце совсем зашло, и — третий звонок. Абонент не определился. Выжидаю, беру трубку. Разговор лаконичней некуда. Мужчина назвался Кидзаки, назвал свой адрес и...

— Прошу прощения. Я устал, заberi его.

На этой фразе, и впрямь виновато прозвучавшей, трубку бросили. Я хотел просто вернуться в кровать, но были три причины не игнорировать его. Первая — жирный блокнот на столе. Наверно, предупреждение от Кайэ — там написано про сегодняшнее семейное самоубийство семьи Кидзаки. Вторая — только что надиктованный адрес дома того самого Кидзаки. Сакурадзака, 2-й квартал, 4-7 — это, блин, мой сосед через два дома. И последняя, третья. Сегодня меня угораздило занять протез руки у Кайэ. Стол безупречно сервирован. Если все получится, может, и от Мато-сан денежный конвертик перепадет? Такого, чтобы в вольнонаемных бросали деньги, я не припомню, но хочется верить, что после этого она будет хоть чуточку помягче. Так, пора. Подсчитал в уме: интересы превосходят труд. Наскоро перечитывая заметки перед выходом, увидел значительного вида строку красной ручкой: «Посмотришь в глаза — умрешь».

«Посмотришь в глаза — умрешь». Как в страшных сказках. Теперь трудов стало несколько больше, чем интереса. Но раз решился, возвращаться в комнату не резон.

Так я и оказался тут.

Прихожая на ощупь была приятной. Как хурма или яблоко, такое твердое, но эластичное ощущение здоровой плоти.

Захожу не разуваясь. Деревянные стены, пахнувшие обитаемостью. Нежные дощечки в узком коридоре не то что трещат под ногами, а чуть не проламываются. Беспокойно чирк-чиркает ток в лампах. И все равно темно, как в черно-белом кино. Дом словно покрыт черной пленкой.

В зале работает телевизор, крутят аниме по вечерне-воскресной программе — бесконечную историю одной семьи из среднего класса. Так вот, перед этой семьей, поддерживающей свой очаг десятилетиями, лежали трупы людей, которые сей очаг поддержать не сумели. Наверно, мать и дочь. Мать лежала на столе, дочь распростерлась на полу. Обе, хоть и лежа ничком, откровенно уставились в потолок. Выражения лиц крайне грустные. Плачущие такие, будто израсходовали пожизненный запас эмоций. На этой неделе, наверное, был очень трогательный эпизод про Исоно Нанигаси-сан. Хотя иногда люди делают такие лица, когда сталкиваются с необъяснимым насилием.

Однако да, что надо было сделать, чтобы так извернуться?

Самоубийство через удушение веревкой — это каждый способен, но самой себе сломать шею поворотом головы — немного чересчур силовой прием. Скорее всего, с большой силой схватили за голову и тряхнули в сторону. Какая разница. Ситуация не позволяет стоять и гадать над невообразимым. Даже если в конечной точке моего прокрадывания убийца и не спит, со взломом это не связано.

Вскоре радости семейного быта на эту неделю закончились. За моей спиной крутятся титры, а я ставлю ногу на лестницу. Облепившая дом пленка чем дальше тем грязнее, а в момент выхода на второй этаж и вовсе краснеет.

Деревянный коридор превратился в бетонный. Из черного стал белым. Испещренный проход напоминал мрачные религиозные картины.

— Ох. Я что, сплю?..

Хреново. Сон и явь вздумали переплестись.

Я и не заметил, когда вдали по коридору, в углу, встал силуэт, похожий на сухое дерево.

— Скажите, вы — святой отец?

У сухого дерева был звучный, ясный голос. Вот дерьмо. Любо-дорого посмотреть, как я успешно вижу сон, не связанный с Кидзаки.

— Нет, прости. И вообще, ты видел святых отцов с черными собаками?

— Но вы спасаете одержимых. Значит, вы вроде святого отца из фильма, экзорцист, не так ли?

— Я не экзорцист, а эксторцист¹. Звучит похоже, но нюансы есть.

Что ни говори, а вместе с демоном я ломаю и человека. К людской норме он вернется, однако про возвращение в общество и думать не стоит.

И вообще, настоящих демонов не существует. Вы, братцы, просто больные. У вас просто малость нестандартные повреждения ЦНС, бросайте уже так себя называть.

— В общем, я не священник, и священник твою болячку не исправит. Либо давай сам с собой приди к согласию, либо сдавайся в ба-альшую клинику. Похоже, мой дружок тоже не очень тобой интересуется.

— Каг мде джжело...

Какой-то белый шум. На миг я вижу запущенную комнату, пол которой целиком засран. Словно скрытый трек на CD-диске.

— Что-то звук накрылся. Еще раз повторю, давай в больницу.

¹ От слова extort — «вымогать». Объяснение см. в главе SvS-2.

— А-А-А-А-А! Нет, я же говорю, не в этом дело!.. Я, это не болезнь! Я просто живу, наслаждаюсь жизнью и делаю все как мама говорит! Каждый день учусь, хорошо учусь, папы вот не стало — очень стараюсь порадовать маму, а стоит чуть приболеть, сразу такие слова, зачем?!

Бетонные стены изгибаются.

Нет, расплываются. Эмоциональное перевозбуждение силуэта плавит коридор. Плохи дела. Так и меня может заодно расплавить.

— Стой. Стоп-стоп, мне правда страшно, погоди немного, а?.. Окей, спокойствие. Я тоже неправ, не дело незнакомого человека записывать в больные.

Конечно, незнакомого человека записывать в попы тоже странно, но умолчим. Лучше зря не болтать, убьет еще. Сон это или что, а умереть будет нехорошо.

— Но не лучше ли вместо святого отца звать меня доктором? Ты хоть и говоришь, что это не болезнь, но я думаю, что лучше быть больным, чем одержимым.

И обращение как с хомо сапиенсом, и странность все равно не пропадает.

— Конечно, не лучше!.. Ты вообще не понимаешь! Это странно, это странно, все очень странно!.. Ведь это странно, когда точно знаешь, что хочешь делать, чего не хочешь, а все равно проглатываешь!.. Мама говорит, что у меня болезнь, но такой болезни нет. Это одержимость. Эта болезнь не сама по себе, а из-за демона!..

Силуэт не перестает вопить. Бетон не перестает плыть. Я дрожу. У меня вообще щеки уже текут.

— Ой-ой-ой. Ай, пощади меня, пожалуйста. Я не хочу здесь закончиться.

— Тогда поправься. Скажи, что это одержимость.

Четкий наказ. У-у-у, везет мне на психов, мы слишком разные, в температурном смысле.

— Понял. Тогда предположим, это одержимость. Но так тоже стыдно, если подумать.

Заболеть любой может, можно рассчитывать на сочувствие, а одержимые — это какой-то зомби-апокалипсис.

Стены плавятся медленнее. Силуэт радуется.

— А вот и нет. Ты и этого не знаешь, отче? Так вот, на Западе демоны вселяются в тех, кто не верит в Бога. Демоны показывают скрытую грязную натуру человека, просят греха. Это никакая не болезнь. Болезнь же просто лечится, да? А одержимость — нет. Стоит демон уйти, как первородный грех человека вскрывается, и этот человек очищается. Гм, тут тебе не Запад. В нашем климате преступление и наказание не очень популярны. Нет такогодвигающего тренда — безответственно заражать всех встречающих-поперечных. Это искусственное и расчетливое притворство.

— О-о, христианство, куда деваться! Ладно, на фиг, а то словно обсуждаем отмывку денег. А что, если изначально не знать про Бога, демон не прилипится?

— Именно. Знание и вера никак не связаны. Если не знаешь Бога, не узнаешь и дьявола. Поэтому, ну...

Ага, ага-ага-ага, да-да-да.

— В общем, ты хочешь сказать... и Бог, и дьявол — одно и то же?

Или «одно к одному», «сообщники»; но я думаю — не суть. Силуэт еще больше обрадовался, и бетонная стена совсем прекратила плыть. Через проплавившийся пол виднеется коридор изначально деревянной двухэтажки, гнездышко людей среднего класса. Уф! Дверь спальни тоже стало видно, и стоит ее открыть, как этот веселый сон закончится.

— Дошло? Бог насылает демонов, чтобы испытать нас. Я на испытании. Меня избрали. Если прогонишь этого демона, я смогу вернуться в старое тело!.. Я могу вернуться, но все скопом надо мной смеются. Это уж точно не болезнь. Я же знаю, это не я, это кто-то еще сводит меня с ума. Да-да, и то, что мне пришлось побить маму, и что пришлось заляпать комнату, и что все друзья надо мной издеваются — это все для того, чтобы Бог меня спас!..

— Э-э... Ну, я не...

Прикусываю язык. Я вообще-то не мастак судить чужие системы ценностей, и в данном случае ирония совсем неуместна.

— Примерно понятно, что ты хочешь сказать. Но почему ко мне-то с этим?

— А почему ты спрашиваешь? Мы ведь похожи. То есть у тебя ведь тоже не хватает части тела.

Протягиваю руку к двери.

— Не подлизывайся, чужак. Я жертва, а ты хищник. Мало ли, что на что похоже, не надо говорить, что мы одинаковые.

Щелк. Дверь открылась без проблем.

От белого — к черному. Ура, теперь время семейных обстоятельств Кидзаки.

Захожу в темную спальню. Ставни закрыты, из освещения — один ночник. И очень душно, как в бане. В спальне две кровати. На дальней сидит широкоплечий мужчина. Меня он не замечает. Бессильно понурился спиной ко мне. На глаз похоже, что это глава семейства Кидзаки. В отличие от двоих внизу, шея у него в порядке, выглядит еще нормальным человеком. То есть живой. Да уж, надо думать. Мертвый бы не позвонил сказать, что у него три человека в семье совершили самоубийство.

Ступаю тихонько. Господин Кидзаки сидит спиной. Сгорбленная фигура навевает мысли об арт-выставке в шаге от краха. До кровати не больше полутора метров. Три шага, и, какая бы болезнь у него ни была, надо наброситься... Вот только вкралась помеха.

Ботинок глухо утыкается в препятствие. Что за черт, ишь какое здоровое...

«Здоровое» оказалось безжизненным человеком с открытыми глазами. Тело инспектора. Два тела. У того тоже шея вывернута, валяется на животе.

— Добрый вечер. Не думал, что так быстро придешь.

Рефлекторно поднимаю взгляд.

На миг дыхание сперло от дрожи.

В углу комнаты...

В зеркале отражается господин Кидзаки. Наши глаза встречаются. Хреново. Мы мерим друг друга взглядами, а потом...

«Посмотришь в глаза — умрешь».

— А...

Мышцы сводит дрожью. Больно. Примерно как если бы меня раскатало катком, а потом еще раз и еще. Даже пальцем двинуть не могу. Слишком силен. Всего за миг, когда мы увидели друг друга, мой организм вышел из-под контроля.

Под ногами — два тела со свернутыми шеями. Перед глазами — усталый человек средних лет, смотрящий на меня, сидящий ко мне спиной. Темная парилка. Становится страшно. Глазные яблоки не двигаются, даже взгляда отвести не могу. И главное, от невозможности командовать телом я все еще не могу дышать.

— Ты это, ну... Экзорцист, который лечит одержимых?.. Гм? Тебя же зовут Арика-кун, который у Исидзуэ?

Он все еще смотрит, поэтому среагировать не могу. Пока он не отведет взгляд, у меня абзац и беспомощность.

— Ну да, Арика-кун. Ты недавно из клиники выписался, так? Не припомню, почему ты туда вообще попал. Извини, я так заработался, последнее время даже с людьми нормально не вижусь. Моя дочка хотела съездить к тебе, провести, кланчила на расходы. Вы как, увиделись хоть раз?

Может быть. Я вообще никогда не узнаю, правда ли она ко мне ездила. А. Ну да, вообще-то в клинике была политика полной изоляции.

— Вот беда. Знаешь, я, похоже, подхватил эту вашу одержимость. Я и заперся тут потому, что хотел побыть один, пока жду экзорциста. Не хотелось связываться с людьми. Еще

донесут на меня, чего доброго, и пойдут дурные слухи. Ведь в мои годы общественное мнение становится едва ли не самым важным в жизни.

Господин Кидзаки медленно поднимает голову. Он уже готов убивать на всю катушку.

Стой, это же я. Этот эксторцист и есть я! Не торопись, я готов выслушать тебя!

— Однако это только когда есть семья, чтоб ее поддерживать. Видел внизу мою благоверную с дочкой? Уже день, как они так лежат, но еще не завоняли. А ведь сентябрь, считай, лето, и в холодильник я их не сложил, не влезли — хотя я не очень старался. Я хотел как-то управиться, пока соседи не начали жаловаться, — ну а впрочем, все это уже неважно. То есть это с самого начала было неважно, но почему-то обе умерли заодно со мной. Вот бессмысленный эскорт. В результате семья до самого конца осталась моим бременем.

Господин Кидзаки понемногу оборачивается. Взгляд через зеркало медленно перемещается, становится прямым.

В то же время...

— Ну, тебя я беспокоить не стану. Чтобы больше никого не убивать, я убью себя. Я вообще-то давно уже умер, но почему-то не могу умереть как следует. Вчера вечером я тоже крутил свою шею.

Шея.

Моя голова одновременно с поворотом господина Кидзаки уползает вбок.

— Я хотел умереть один. Женишке не говорил, что я уже неделю как не работаю. Устал, я устал. Я настолько устал, что до сих пор не замечал, что устал. Мне ведь уже за пятьдесят. Пора подумать о свободе, как считаешь?

Если взять за ноль градусов поворот головы Кидзаки, сидевшего ко мне спиной, сейчас она повернулась на двадцать пять градусов. Дело плохо. Я примерно понял устройство этой одержимости.

— Но она была против... Мол, не вздумай бросить работу, ты-де не только себе принадлежишь, ты должен нас кормить, все такое. Жутко взъерилась. Ну, мы столько лет вместе, но тут такое дело, Арика-кун, женщины всегда неподражаемо гробят весь интерес. Я даже думаю, это особенность всех женщин. Мы, мужики, только на гордости стоим, и вот так вернуться в детство не можем.

Сорок градусов, шестьдесят градусов. Словно прибитая к голове господина Кидзаки, моя собственная голова все поворачивается. Напомню, девяносто градусов — это прямо вбок. А дальше — да, как ни пыжься, а предел около ста двадцати.

— Сразу скажу, я тоже не хотел семейного самоубийства. Я всего лишь хотел остаться один. Потому что... а-а, почему же, почему... Почему я вообще работу-то бросил, ах да, с возрастом начал делать смешные ошибки. Старался цифры подправить, схитрил, да только еще больше напортачил. Начальство мне — давай сам себе шею мыль, а на заем у меня шея не гнется, и я не мог все это разгрести, покуда жив.

Девяносто градусов, сто.

Хр-р! — потрескивает шейный столб.

Моя голова дальше не крутится. Так уж устроено тело. Но шея господина Кидзаки была весьма гибкой. Наверно, у него там внутри образовались подшипники. Всенаправленный обзор на 360°.

— Поэтому я думал умереть один, но благоверная с дочкой были против. Ну, вроде, если уж умирать, то хоть уми так, чтоб деньги остались, в общем, возражали. Вот бред. Я сказал, что умираю потому, что мне это вот надоело, но они до самого конца не поняли. Так что я молча убил себя перед благоверной, но бес попутал, я думаю. И благоверная, и дочка свернули себе головы заодно со мной.

Ты это сам устроил, мужик.

Сто двадцать градусов. Сто тридцать градусов. Голова поворачивается. Головы окружающих крутятся заодно с одержимым по имени Кидзаки.

Синдром, приобретенный господином Кидзаки в становлении одержимым. Пораженный орган — шея, порожденное в связи с этим новообразование — способность вызывать подражание. Причина — переутомление, вроде так.

Пошел ты в ад. Господин Кидзаки отгородил сознание от собственной болезни и продолжал самоубийства с чужим летальным исходом. Человек, встретившийся взглядом с этим мужиком, ограничивается в движениях теми, которые делает сам Кидзаки.

Офигеть. Мужик с головой на подшипнике, ему все как с гуся вода, но человеческая шея так не крутится.

Умру. Через несколько секунд я...

— Но я вот что подумал. Если мой долг — кормить семью, то долг семьи — умереть со мной. То есть если меня не будет, они не выживут? Значит, они должны умереть со мной. Благоверная с дочкой, видимо, так и сделали. Как же тяжело. Подумать только, зачем они связали жизнь со мной. Вот уж действительно... крепкие узы семейной любви — это ад самоотречения.

Лицо господина Кидзаки повернулось.

Его голова описала строго сто восемьдесят, а моя неловко сверн... *хрясь*.

Сопение.

Черный пес ищет шею-подшипник.

В комнате темно, но это мелочи. Черный пес и так слеп, свет ему не нужен.

Левая рука, потерявшая протез, снимает оформившуюся бесформенность с потерявшей голову шеи.

Хорошая собачка...

Ну, Ненависть (имя временное), пора обедать.

1/junk

Небо было так близко.

В момент пробуждения мир окутался водой.

— А... э?..

И небо стало морем.

Солнце белого цвета. Свет переливался в потоках, омывая меня, омывая каменное помещение. В яркую синеву вдруг выметнулась черная рыба-тень.

В море над головой плавала огромная рыба.

Скользила по белым солнечным лучам. Больше двух метров в длину. Если судить только по силуэту, это натуральная акула. Но что за рыба на самом деле — непонятно. Если спросите, бывают ли пресноводные акулы, я не найду что ответить. Да и понять бы сперва — оно и правда рыба?..

Рыба-тень начала удаляться. Может, ей не понравился мой взгляд? И вот она совсем пропала — в еще более глубоких водах.

Небо с землей поменялись местами. Но это привычный вид.

Ничего такого. Потолок стеклянный, а сверху — аквариум, вот и все. Или лучше сказать, что эта комната располагалась под огромным аквариумом. Это подземелье, и море над головой — никакое не море, а просто старый водный резервуар. Безумная подземная комната с потолком-водоемом как будто сошла со страниц учебника по истории — словно комнату средневекового замка взяли и как есть перенесли сюда.

Это окраина города Сикуры. Вокруг — лес, и здесь живет Карё Кайэ.

— О, Арика, ты проснулся?

В самом центре комнаты стояла кровать с балдахином, откуда донесся бесполой голос. Лица отсюда не было видно, оно в тени, но голос принадлежал хозяину помещения. Если не смотреть вплотную, не увидишь — с таким расчетом и была установлена его кровать. Подземелье квадратное, выполненное в виде огромной коробки. Потолок из стекла, кругом каменные стены, словно выложенные кирпичом. Во всех стенах есть двери, но я открывал только южную, потому что она выход. Интерьер выглядит практически нежилым, из электроприборов — только маленький холодильник в углу. По всей комнате разбросан антиквариат без всякого порядка, и выглядит это скорее как груда хлама в сарае.

— Прости, я спал. Что-нибудь нужно?

— Ничего. Но раз проснулся, поработай. У меня горло пересохло, подай воды.

Должно быть, из-за дурного сна, я проверил, на месте ли шея. Потом поднялся с софы. В этой комнате не было водопровода. Под «водой» подразумевалась дистиллированная вода из холодильника, ее там было много. В углу комнаты горой лежали глобусы, через них я неспешно пробрался к холодильнику, открыл одной рукой дверь... Блин, почему тут все желтое?

— Тут только химия осталась!

— Сойдет. Бери грейпфрутовую.

Жизнерадостная личность, хоть и лежит все время. Еще познергичней меня, что может объясняться нежеланием заставлять меня чувствовать неловкость. Если человек во всем придирчив, то мне с моими привычками лопать все подряд осталось недолго. Ну люблю я джанк-фуд, люблю. Быстросуп вдвойне вкусней, если это дешевле и умрешь молодым. С тоской вспоминая цену разбавленного газированного сока в фастфуде, я налил в дорожный бокал что-то уныло-желтое. В зеркале рядом с холодильником отразился однорукий парень. Картина печальная. У него — меня — не хватает левой руки, а должна бы быть... От предплечья вниз пусто. Пришло в голову: «О, однорукий бандит!» — но

шуточками неудобство инвалидности не исправить. Я потерял левую руку два года назад. Потерял так начисто, что хочется спросить, как же так красиво вышло. К счастью, я отделался лишь рукой, и моему здоровью больше ничто не угрожало. Полтора года реабилитации – и я свободен. Поиски работы раздражали, но однорукому мне жаловаться было не на что. Я понемногу стал копить на старость, и мне кажется, что с этим местом мне весьма повезло. Единственное что меня бесило – это невозможность самостоятельно завязать шнурки.

— Скорей, скорей! Арика-экшн запаздывает!

Я закрыл холодильник и поспешил к ноге эгоистичного босса. Как-то неприятно мне. Похоже, шею отлежал.

— Спасибо. Последний раз я пил пять часов назад.

Владелец комнаты чуть приподнял голову и принял бокал. Черная искусственная правая рука. Карё Кайэ в один глоток, непрерывным движением влил в себя желтую жидкость.

— Благодарю. Так, тебе что-то плохое снилось, что там было?

— Что... Ощущение, словно пересмотрел скучный ночной сеанс... Хотя, гм, ты не поймешь такое сравнение.

— Посочувствовать, наверное, не смогу. В кино я не ходил, да и вообще – разве ночные сеансы бывают веселыми?

Бывают, сэр, полно таких. Думаешь, ночью крутят третьесортные киношки, которые только за полночь выгодно показывать? Дурак, что ли. Последнее время мне как раз тупо интереснее смотреть ночное... Хотя не буду же я все это рассказывать тому, кто вообще про кино не знает.

— Ладно, плохой пример. Просто приснилась старая гнусная история.

— Гм.

Кайэ, хозяин подземного помещения, озадачено посмотрел на меня.

С первого взгляда ясно, что рука у него — протез. Изящная, как у манекена, чернильного цвета искусственная рука. То есть он такой же безрукий, как я, однако балагур и баловник из него на несколько ступеней выше.

По возрасту ему можно дать четырнадцать-пятнадцать лет. Шелковистые длинные черные волосы и сногшибательные для любого парня точеные черты лица. Увы, мужского пола. Я сам сногшибленный, знаю, о чем говорю.

Зовут его Карё Кайэ. Говорить неудобно, я сглаживаю до «Кайэ». Вот этот сходящий за настоящую принцессу, когда молчит, мелкий засранец — произведение искусства по капризному попущению бога. И заодно — улика в деле дурного вкуса того же бога.

— Ну, и о чем этот гнусный сон? Интересно ведь, когда такое несколько часов показывают. Ты так морщился, Арика; я вообще удивился, как ты можешь при этом спать. Он развлекался. Он только и делал, что скучал весь этот год, а потому цеплялся за любую интересную мелочь.

— Я же сказал, гнусный сон. До сих пор в груди колет, не заставляй вспоминать. Я там чуть не помер.

Да помер наверняка, после такого-то. Шея этак *кр-руть*.

— О, ты видел сон о своей смерти? А-а, вот почему ты орал «спасите» и «хватит». Эх, мог бы еще немного поспать, было бы интереснее...

В смысле — ты хотел послушать мою предсмертную агонию?

— Гад ты. И вообще, если понял, что у меня кошмар, так разбуди. Или что, тебя забавляет смотреть, как люди мучаются? Вставляет от мужских стонов?

— Гм-м, раз на раз не приходится, но да, это было забавно. Не знаю, что за старая история, но ты во сне говорил бессвязно и забавно. О-хо, эта бесстыдная и нескромная, прекрасная истинная суть меня вполне удовлетворила.

Радостно заулыбался, мол, спасибо, было вкусно.

...Блин, я опять засмотрелся. Что меня злило, так это то, что я засматривался. Но ведь восхитительная улыбка! Мужiku ничего с этим не поделать. Я его ненавижу, но его улыбку обожаю. Когда-нибудь эту дилемму надо будет решить.

— Как так можно вообще? Если подумать, что же получается — я два часа кряду подвергался насилию? Ах ты садюга, устроил тут извращенную игру в игнор. Лучше раскошеливайся на премиальные, если не хочешь на нары!

Двухчасовой отдых в отеле стоит пятьдесят тысяч иен. Стоп, пятьдесят тысяч за человеческое достоинство - это много или мало? Хотя ценник не налепишь...

— Это моя фраза. Послушай, я купил твое дневное время. Как я его использую — мое дело, а ты должен отвечать ожиданиям нанимателя. А Арика совершенно не общается со мной! Есть же у меня право убивать время, анализируя твою сонную болтовню?

Недовольно хмыкнув, он отвернулся.

Убивать время. Для Карё Кайэ это, наверное, проблема всей жизни. Он не мог выйти из этой комнаты. То есть без чужой помощи он и с постели не поднимется.

Причина проста. Все четыре конечности Карё Кайэ — искусственные имитации. У бога черный юмор: дав Кайэ до предела прекрасный облик, он дал ему до предела несвободное тело. Если я без одной руки — робот-злодей, то Кайэ без конечностей вообще — наверное, президент империи зла.

На данный момент моя работа состояла в том, чтобы по утрам прикреплять к Кайэ протезы, а вечером снимать. Так я зарабатывал на 80% жизненных расходов. Круто, такое мог делать даже однорукий я, но как-то все это нездорово, перед людьми стыдно. В каком-то загородном подземелье обкрадываю ребенка, который сам о себе не может позаботиться... звучит похуже сутенера.

Впрочем, этот президент империи зла родился в богатой семье, так что моя зарплата ему — что подачка уличному музыканту. Кайэ до самой смерти не будет стеснен в одежде, еде и крове, у него даже есть идеально подходящие ему протезы, и если он их надевает, то может делать почти все. Он в первый день вообще хотел сам потопать в туалет. Вот такие качественные протезы и использовал наш папенькин сынок, но их потенциал и ощущения от их носки — разговор особый. Похоже, никакие протезы рук и ног Кайэ не подходили, и обычно он вот так лежал в постели.

Да, искусственная рука — тяжелая, болезненная штука. Сегодня Кайэ особенно не в духе: он надел только левую ногу и правую руку. А значит...

Я посмотрел в угол комнаты... Ага. В углу сидел черный пес. Видок как в книжках с картинками про демонов. От рождения лишенный глаз, черный пес за всю жизнь ни разу не видел света.

Но не следует его недооценивать. Когда этот пес загоняет добычу, то движется, пользуясь чужими глазами...

— Арика?.. Ну же, ты правда в норме? На тебе лица нет, попей, расслабься, ладно?

— Есть, есть на мне лицо. Можешь не носиться со мной, спасибо. В детском холодильнике, где ни минералки, ни пива, мне ловить нечего.

— Тогда, я не знаю, поешь? Ты наверняка голодный.

— Ты что-то не то говоришь. Если мне плохо и я поем, что будет? И вообще, ты ж с меня деньги возьмешь.

— Естественно! Напитки и еда вычитаются из заработной платы.

— Во-во. Садист, змеюка хладнокровная, скряга, довлеющий угнетатель из господствующего класса. Ну и ладно, все равно день. Ночью успокоюсь, только не трогай, — отмахиваюсь от него рукой, мол, давай, до свидания.

Ну, Кайэ с постели не слезет, и в итоге я присел обратно на софу. Самое доброе в этой чокнутой темнице — это мягкая софа. Она обалденная, даже без шуток. Дай мне волю — трое суток подряд на ней продрыхну, я уверен.

— Так что, сон был про Кидзаки? Тот эксторцизм месячной давности, ночью.
Кайэ надувается — мол, мог и не скрывать. Это мне бы дуться, какой он наглый.

— Вообще-то да. Как ты понял?

— Ты ж орал во сне. Хвати-ит, Кидзаки-и, пришибу-у! Ты тогда чуть не умер, но угрожать всегда мастак!

«Хи-хи-хи!» — съехидничала в тени балдахина похожая на молодой месяц ухмылка. Ты это знал, поганец мелкий, и все равно лежал смотрел, словно ни при чем, да у тебя сердце прогнило.

И вообще, в том, что мне тогда досталось, виноват именно он.

Надо было отказаться. Хоть какие там деньги, эта работа не по мне. Жить как можно беззаботней — политика Исидзуэ Арики, идеальное кредо, слоган, который надо повторять вновь и вновь.

Но, невзирая на сей возглас, я сам вырыл себе яму.

Той ночью... я увидел кошмар, с которым больше не хочу связываться, — а потом сам же шагнул в него.

Семья самоубийц, монструозный мужик, крутящий шею.

Поветрие, с которым я зарекся встречаться снова, называлось «одержимость».

Кажется, эти симптомы начали признавать официально лет десять назад.

Синдром агониста. Известная также как «receptor crush», быстroteкущая болезнь нервной системы. О ней говорят как о нео-болезни нашего времени, проявляющейся в меланхолии, боязни людей, но формальное название синдрома знают только те, кто имеет с ним дело.

Да. В общем, это о психически больных, утеревших контроль над своими эмоциями. Но не думайте в духе «нет ни возбудителя болезни, ничего, только симптомы и название; они просто двинутые, и нечего все на болезни списывать». Даже меланхолия — честная психическая болезнь. Даже будь ты здоров как бык и не знай о простуде, болезни так или иначе достанут тебя. Когда картина мира в голове перестает соответствовать тому, что происходит вокруг, это не проблемы психики, а всего лишь вышедшая из строя одна из функций организма. Человек сделан из тайн, загадок и по жесткому плану. Беспричинных сдвигов не бывает.

Впрочем, как болезнь это воспринимают только специалисты, а обыватель называет заболевших «одержимыми». Спрашивается, почему? Конечно, потому, что они так себя ведут, что ничего, кроме того, что их захватили демоны, в голову не приходит. Изменения характера, утеря личности — это еще легкие симптомы. Тяжелые — это навязчивые идеи, приводящие к самоповреждениям с угрозой самоубийства, и, наконец, проявление враждебности к окружающим. Прямо скажем, от мелкой эмоции рождаются преступники, причиняющие страдания другим людям.

— Но ведь это, ну, никакая не одержимость? У них только размах большой, но по сути — болезнь болезнью. Зачем пользоваться устаревшим словом и говорить о демонах?

— Одержимость всем понятна — наверное, в этом дело. Если брать не тех, кто сам это видел, а обычных людей, они и слова «меланхолия»-то не знают. Ну а одержимость легко вообразить. Когда ты одержим, понятна и странность твоих слов, и нечеловеческие действия, ведь тобой овладел демон. Как-то так. Но да, переход твоего эго на такое неестественное внутреннее состояние, вызванное одержимостью, уже давно пройден, и если ты житель этой страны, твоя «персона», в общем-то, становится каким-нибудь животным. Демон — это в данном случае Дьявол, бесы; в Японии такая одержимость не случается.

Да, «одержимость бесами» — изначально чужеродный термин. Один Дьявол против шести миллиардов, Божья сторона намного сильнее. В нашей Японии конца тысячелетия бес — это общее представление из учения единого Бога.

— Печально. Могли бы хотя бы одержимость песьим богом сделать. Так оно как-то и роднее, и спокойнее...

— Нет. Было бы хоть и понятнее, но вовсе не спокойней. Как бы религиозность у нас ни пришла в упадок, японцы есть японцы. Что бы мы ни говорили, мы настороженно относимся к одержимости зверем. Вот демоном — это как-то вроде бы и не про нас даже, как игра; но если болезнь изначально местная, она странно реалистична, скучна, не находишь?

— Ага... То есть одержимость демоном более заметна и удобна?

— Да-да. Поэтому я думаю, что одержимость — это на самом деле популярная болезнь нашего века. Можно сказать, финишная черта перед глазами, но финал нисколько не наступает, и все только копят в себе всякое. Не знаешь, когда сам потерпишь крах, и остальные вокруг не знают, когда самоуничтожатся, — от этого спокойнее, правда? Если ощущаешь, что идешь к пропасти, то все о'кей — не приводит ли к притуплению ощущений такая некорректная отговорка? Сейчас на слуху такое — давайте все дружно станем толстокожими! Термин «одержимость демоном» просто идет в рамках этой тенденции. В соответствии с названием, жертвуешь достоинством за уход от ответственности.

Самоотравление, самоубийство электрошоком, саморазрушение, значит? Ишь, заносчивый пацан. Если следовать его логике, одержимость — это просто феномен, а никакая не болезнь. Типа, через год все забудут и запомнят другое крылатое словцо. Вот только проблема оттого и проблема, что это не теория в стол, а реальный вред окружающим.

Одержимые существуют.

Пусть это будут действительно психически больные.

Пусть это будут подобные господину Кидзаки, оставившие человечность «эсперы».

За эти несколько лет число случаев преступлений при помрачении рассудка постоянно росло. Обычно об этих делах информируют с добавкой, уж не одержимые ли опять, но из них максимум сотня дел решалась с вердиктом причастности одержимых. Это меньше десятой доли.

— Поэтому к сотне врак примешивается десять фактов. И тогда и то, и другое становится врачами.

Прекрасно сказано. Даже пусть мне не повезет, как с делом господина Кидзаки, но если остальные девять дел — обычные преступления в состоянии аффекта, то и дело Кидзаки пометят как «еще одно с аффектом, хотя и не без странностей». Общество признает одержимость, но в то же время совершенно не осознает, что такое одержимость на самом деле.

Слово «одержимость» прижилось не столько потому, что ребята действовали странно, сколько потому, что делали это напоказ. Иногда все это принципиально не переходит границ реальности. Иногда все это вписывается в уровень психических неполадок. Но есть дела, переступающие черту и становящиеся «сверхъестественными».

Например, человек, свободной крутящий головой, да еще и других в это втягивающий. Здесь, действительно, кто посмотрит — подумает, что без черта не обошлось.

Вот ведь идиотизм. Какие еще демоны в эпоху крайней сверхпросвещенности! Кто бы поверил. Даже я, видевший такое, что без демонов в голове не укладывается, и то не могу смириться. Это надо быть совсем слепым. Я все еще не признаю этого, и за всю жизнь не признаю, наверное. Пусть господин Кидзаки хоть сотню людей перебьет, я только расхохочусь в ответ и забуду.

Но, увы, считать такое вздором и игнорировать я, тем не менее, не могу. Даже решив для себя, что это ложь, я вижу повод не налегать на теорию заговора.

И дело в том, что... пацан передо мной — не какой-то одержимый демоном, а самый настоящий демон.

— Слушай. Ты знаешь, где граница между настоящим и поддельным?

— А? Чего граница?

— Одержимости. Разница между настоящим одержимым и фальшивкой. Разница между просто болезнью и не просто.

Я вспоминаю, что произошло в доме моего соседа месяц назад.

Отоспал шею, больно. А тогда... Как я справился тогда?

— Гм... Начать с настоящей и фальшивой одержимостей?

— Нет. Хватит с меня демонолекций. Мне все равно, настоящий ли этот популярный бес.

Я спрашиваю, как и почему демоны овладевают людьми.

— Да ну. Скучно. И говорить незачем, за какими людьми охотятся как настоящие, так и фальшивые бесы. Разумеется, они издавна обожают нищих духом.

— Че? Ты порядок не перепутал? Сначала одержимый, потом душевная травма. Ты же сам говорил, одержимость — болезнь.

— Мог бы и сам додуматься, если бы дал себе труд. Эпидемии начинаются с людей со слабым иммунитетом, так? Если ты физически слабый, с подорванным здоровьем — легко подхватишь болезнь по внешним факторам. Если это верно для тела, верно и для духа. Добрый ты, Арика, хоть и говоришь бог весть что. Наверное, ты не допускаешь, что над слабым издеваются по той лишь причине, что он слаб, но тут никуда не деться. Ведь демоны не могут овладеть никем, кроме изначально слабых людей.

Сказал с гордой мордой. Что мне не нравится? Да вот эта его привычка. Кончай уже тешиться иллюзиями насчет чужих характеров.

— Вот как. Значит, одержимые сами виноваты. Значит, не говоря уж о телесном здоровье, собственно «слабость» личности и есть неизбежная мишень для всех бесов?

— Ага, слабые и становятся одержимыми. Но это не от слабости духа, а, лучше сказать, от среды, что окружает и ослабляет этих людей. Хотя психика находится внутри человека, но изменяется она от внешних факторов. Семейные проблемы, отношения с чужаками, которых обычно зовут друзьями, самооценка в рамках общества. Если отравить колодец, то потравятся все жители деревни. В результате страдает психика, рождается состояние несоответствия обыденному обществу. Не человек создает среду, среда создает человека. И тогда в едва успевшей ослабнуть психике поселяется бес.

Ведь, — продолжил Кайэ, — демон радуется всякой слабости. Если слабость — это парник, то он будет развивать эту слабость что есть сил. Едва утерянная социальность будет потеряна полностью. Приведу пошлый пример: пусть человек говорит, что если его любимой не станет, он не сможет жить. Это не более чем приготовления в противовес нахлынувшей тоске — результату, — но в случае одержимого он действительно совершит самоубийство. «Так печально, что хочется умереть, но умирать-то страшно». Это мысли нормального человека. Но одержимые не такие. Они скажут: «Не хочу грустить, придется умереть», — у них нет страха за будущее. Самые страшные люди — те, кто не думает ни о накопленном прошлом, ни о будущем, а видит только настоящее.

— Видят только то, что есть, да? Пожалуй, если не задумываться о завтрашнем дне, то все дозволено. Если есть только «сейчас», можно делать что хочешь.

То есть такого будущего, как смерть, они не боятся. Скорее, ребята опасаются живущих настоящим самих себя.

— Это значит, нерешительность к смерти и гнев к жизни у нас с ними диаметрально противоположны?

— Да. Живущие настоящим словно только что родились, поэтому ощущают все, что есть вокруг, как нечто неопределенное. Они не то чтобы не могут придержать эмоции.

Получивший душевную травму человек — это такое существо, которое может жить, только если есть лично им заданное условие. Эмоции таких не сметут, зато от исчезновения какого-то мелкого, одним им понятного условия они саморазрушаются. В этот почти разрушенный разум с легкостью вкрадывается бес.

О чем это он? Если прикрутишь какое-то субъективное условие, а потом оно пропадет, станешь одержимым, массовым убийцей? Очень смешно. Хочешь на тот свет — дуй один. Нечего забирать с собой знакомых и родню.

— Вот дурь-то. Короче, это проявление слабости асоциального человека? Ну-ну, не каждому дано понять. Да таких, кого такая фигня донимает, и понимать неохота, черт побери.

Чем-то задетое, лицо в зеркале злобно кривится. Может, я почувствовал нехороший запах — черный пес подошел и уселся поудобнее. Так он ко мне привыкает — с каждым днем все больше. Печаль.

— Ха-ха, да уж, как такое поймешь. У тебя здравые мысли. Понимаешь, в таких случаях нужно подумать не об указании на духовную слабость, а о причине слабости... Говоря шаблонно, «не стыдись, что духом слаб настолько, чтоб от такого пасть». А, к примеру, «познай горе человека, который ломается от такой мелочи».

В голосе Кайэ проскочили нотки сочувствия. Он чрезмерно картинно развел руками.

Просто жест. Горе чувствовалось в чем угодно, только не в нем.

Но я более-менее понял, о чем говорил мой босс. Вот пример, только пример: пусть есть человек, который до отчаяния боится водопроводной воды и убеждает себя, что если ее выпьет, то умрет. Вот он по ошибке выпивает воду из-под крана, с телом ничего не случается, зато он совершает натуральное самоубийство.

Называть такое слабостью — удел сильных. Все-таки я не настолько крут, чтобы убить себя, просто попив воды. Это ощущение обычным людям не понять, когда по ерундовой причине человек совершает самоубийство, — получается, что его психика до безумия сильна? Нет, ну... С точки зрения общества он-то конечно навсегда останется слабым.

За разговорами и время летит быстрее. Наверное, скоро зайдет солнце — в комнате все больше темнело. Видите ли, здесь не было электрического освещения, поэтому с закатом становилось темно, хоть глаз выколи. Хорошо ему, в светильниках — лишь Солнце и Луна, девочки просто текут. А вот я, парень, совсем не рад. И в желудке пусто, хочется хотя бы приличной иллюминации.

— Пойду-ка я домой. Если не заморю червячка, он заморит меня.

Упомянутый червячок обиженно заурчал. Желудочный сок был готов рвать стенки желудка.

— А? Ты что, Арика, с утра ничего не ел?

— Если днем при тебе не ел, то ничего. Да не то что с утра, а со вчерашнего вечера.

— Ого, серьезно?! Ты что, и так нездоровый, да еще голодаешь. Кстати, у меня тут есть кое-что. Будешь?

— Не буду. Здешняя манна не по мне.

В основном, из-за цены. Когда человек ест непривычное, у него болит живот — сам видел!

— Да ладно, не груби... Однако если серьезно, ты и правда как-то бледен. Не на диете, случаем? Не ешь, а только пьешь и не закусываешь?

— Иди ты. У меня нет денег, ясно?

Да, мне всегда не хватает, но последнее время мои дела и в самом деле плохи. Здешняя моя работа оплачивается раз в месяц; проклятый Кайэ ненавидит всякие там авансы и премии. Ха-ха-ха, чтоб ты сдох, жмот.

— А-а, всего-то? Нет денег — иди на работу! Просто помоги мне с протезами, а потом работай где хочешь, я разве против?

— Вакансий нет. Что можно делать одной рукой, не грузя голову? Фантазия рисует что-нибудь?

— Есть кое-что, Арика. Работа только тебе по плечу. Можешь, как с Кидзаки, собирать одержимых. Он тебе ведь сделал перевод?

— Ну сделал, только Мато-сан забрала. Типа, волонтеры денег не берут. Ну, Кидзаки-то и сам был в долгах, так что...

Вспомнил. Точно, Потом я экторцировал демона из человека-головокрута Кидзаки, и он вроде меня благодарил, плача, что я-де мог бы сразу уж его убить. Так что больной орган господина Кидзаки, сделавшего самое жалкое в мире лицо, попал черному псу на...

— Кайэ... А ведь тогда собака...

— Да-да, я про этого собакоубийцу! Смотри-ка, Арика, ты тоже разобрался.

— А?.. Какой еще собакоубийца?

— Э-э, ты забыл? Тогда в седьмой раз объясняю. Кажется, с месяц назад был такой человек, ловил собак там, кошек и убивал. Вот так вырывал кишки напрочь, выбрасывал, а шкуру клал в бак для сгораемых отходов. Поначалу это были просто слухи, но где-то две недели назад обнаружился очевидец, который горячо доказывал где попало, что это одержимый.

Я достал из кармана блокнот. Проверил двухнедельной давности страницу, последнюю неделю сентября. Быстрым почерком написано: «Не о чем писать».

— Не знаю я такой истории. Какой собакоубийца? Это вообще какой эпохи кент? У нас сейчас и в последней подворотне собак не найти. Если где-то и остались, то в деревнях, в горах. Но ты ведь знаешь, что если человек убивает животных в горах и полях, это называется «охота»?

— Да нет же, не бродячих животных, а вполне себе домашних. Вроде бы сначала он ловил сторожевых собак, а сейчас даже влезает в дом и оттуда ворует. Благодаря ему, в Сикуре резко перевелись домашние собаки, и ночами стало тихо.

Кстати, вчера ночью наконец заткнулась задолбавшая скулящая псина соседа.

— Гм-м. Ну и что, его загребли?

— На данный момент след потерян. Полиция его ловит, ставит сети, но не всерьез. Как ни крути, а страдают-то одни собаки с кошками. Но если верить очевидцам, он весьма темная лошадка. Да и слабенький. От Мато-сан, может, достанется одна бумажка. Ну что, Арика, не возьмешься?

— Нет. Неинтересно, и Мато-сан мне никаких денег никогда не даст.

К тому же... даже пусть он одержимый, но жертв-то среди людей так и нет.

— Ага. «Пока», да? Чувствуется отсидка в клинике. Заранее не решаешь.

Еще и подслушал. Это какие уши надо иметь?

— Иди на фиг. Это полная ерунда. Увы, у собак нет друзей, пусть он хоть шубу из щенков сошьет, какое мне дело.

— Ох и жестокий ты! Не жалко тебе щенят.

— Так говоришь, будто они люди. Мстить должны существа того же вида. Хочешь ловить

— найди патрульного и гоняй его

— Ох, даже так... Скучный ты, нельзя так активно отказываться. Во время возни с Кидзаки ты так радовался деньгам! Арика, может, ты что-то скрываешь? Например, что знаком с этим собакоборцем.

Вот и доказывай, что не верблюд. Лично в моем списке недоверия на втором месте я сам. Проверяю записи месячной давности. После дела семьи Кидзаки из смешного была вот такая строка:

«Юкио переедает худей! Осторожно, укусу»

Вот. Запись недельной давности.

— Однако. Ничего не понимаю, а еще сам писал...

Кайэ жалобно приложил палец ко рту, желая почитать мои записи, но это тайные записи, их нельзя показывать другим. Даже если он отдаст взамен дивный протез, где каждым пальцем можно шевелить, — не покажу. Хотя, конечно, я такой протез хочу прямшас. Так, что душу готов отдать.

— Ну что? Знаком?

— Сказал же, что нет. Хватит про меня у меня спрашивать. И еще — я больше не стану слушать про унылых одержимых. Если буду, то, как сейчас, днем, когда солнце есть. Убираю заметки. Так, до заката еще полчаса. Все, предел, работа на сегодня кончилась.

— Пока, до завтрашнего утра.

Провожаемый дежурной фразой, я вышел из подземелья. Накрепко закрыв дверь, прошел узкий каменный коридор и поднялся по лестнице. Четыре метра вверх, открыть дверь, и вот, наконец, я живым вернулся на грешную землю.

Я оказался в лесу. Солнце уже зашло, вокруг бездонная тьма.

Подземелье Кайэ находилось в лесу. То есть лучше сказать «он жил под лесным водным резервуаром». Резервуар сам по себе походил на замковое укрепление, окруженное стенами, верх которых можно было увидеть, только если задрать голову. Огромная десятиметровая четырехгранная призма была заметна издалека. При всей своей загадочности это был просто экстренный резервуар, поэтому рядом установили целый один высокий фонарный столб.

Освещенный фонарем цементный куб — ни дать, ни взять космический корабль.

Настолько странное сооружение стоило бы занести в туристический путеводитель, однако про этот резервуар никто не говорил. Даже в мэрии, похоже, о нем не знали. Только старые пожарные могли что-нибудь о нем припомнить. Однако даже эта банальная эрудиция не даст предположить, что под резервуаром есть тайная комната. Об этом знаем только мы с Мато-сан, ну и еще некоторые пострадавшие от демонов.

— Серьезно, что он вообще такое?..

С владельцем подземелья, Карё Кайэ, мы познакомились два месяца назад.

Когда я выписался и искал протез, Мато-сан сказала, что знает одного любителя редких протезов, и познакомила нас. Я ни на что не надеялся, да и Кайэ принял меня в гости просто по прихоти. Протезом-то он как раз не поделился, зато предложил работу — заботу о нем, и я согласился, за такую-то оплату.

Тогда мы встретились к ночи. Ночь была лунной, я помню это водное подземелье.

Первое впечатление было отвратительным. Безрукий я и безрукий-безногий Кайэ. Двое инвалидов не скрепили сделку даже рукопожатием. Вообще никаких дружеских чувств. Как только я его увидел, меня затошнило. «Не связывайся с этим типом, тварь перед тобой отличается ото всех, кого ты видел раньше», — так говорило мне тело, когда в каждом сосудике забурлила кровь.

Ведь у него же ни рук, ни ног! Ему хреново. Когда просто смотришь, как кому-то хреново, расходуются ресурсы организма. Я выписался другим человеком, моим твердым девизом стало «хочу жить как можно проще», и с такой личностью, от одного вида которой устаешь, я дружить не хотел.

— Но теперь я прихожу к нему каждый день, тчк.

Правда, почему мне вставило согласиться?

«Ради денег» звучит разумно. Предложение Кайэ было притягательным. Синекура, к оплате претензий никаких. Утром и вечером я просто нацепляю и снимаю протезы, получая двести тысяч в месяц, — это слишком красиво. Бессердечный друг сравнил мою жизнь с сутенером, и что-то в этом есть. У меня на груди висит значок: «Белый человек».

За десять минут пешком я вышел к дороге.

«Лес» только звучит пространно. По размерам он вроде среднего университета, его за час можно обойти кругом.

Даже покидая сень деревьев, огни цивилизации ближе не становятся. Больше половины этого города — горы и поля. Сколько ни заплати за билет на поезд в центре столицы, быстрее двух часов скоростной электричкой не доберешься, вот такая это дыра. Пять километров от станции — и ты погружаешься в красоты природы. Никудышное место для модных сейчас домоседов-хикикомори. Комната Кайэ под землей, там и мобильный не ловит, и радио только помехами. Его единственное средство общения — черный телефон где-то в подземелье. И когда я говорю «телефон», вычеркиваем «сотовый».

Проверяю свой мобильник. Электронной почты нет, SMS нет, время — ровно семь вечера. Автобуса я откровенно не дожусь. Прямо на выходе из леса — гострасса, а на ней — маленькая остановка, но последний рейс был в шесть. Теперь мне долгий путь — пять километров до холма Сикура, да еще два километра до станции. Голодный желудок будет против. Работай усерднее, городской автобус!

Разумеется, целый день голодовки — это тяжело, и я заглянул в знакомую пивную заморить червячка. А название-то какое: «Туманность». Оформлен в итальянских мотивах; название летально кривое. Внутри так же просторно, как в университетской аудитории, и все заставлено столами. Предельное суетливое нищесбродство. Сорок столиков, практически все заняты. Люди с шестнадцати лет до тридцатника с гаком пьют, курят, треплются за жизнь.

Нежданная беда. В этом хаосе замечает и вострит уши при моем прибытии один человек. — Пф...

— О, семпа-ай! Хай-хай, сюда-сюда-а!

Взгляды всех посетителей сходятся на мне и на этой дурехе.

Загадочное существо, которое игнорирует взгляды, машет руками, стучит по столу. Если я сбегу, оно меня догонит и съест, и я сажусь с дурехой визави.

— Ну что ты так поздно, семпа-ай! Снова был у Кайэ-сан?

Цурануи, негодуяще мыча, надувает щеки. Констатирую в самоочевиднейший момент: о встрече мы не договаривались.

— Мне один клубный сэндвич. Пить? Не надо, воды мне, воды.

— Доктор, меня игнорируют! Семпай, мне трудно вызывающе болтать, когда нет ответа!

— Ну-ну, не плачь, не плачь, а то утомишь совсем. Слышу я тебя, а вообще да, игнорировал бы, кабы мог.

Отпихнул монополизирующее столик меню Цурануи, получил личное пространство.

Видимо, она уже поужинала — на столе имелись начисто опустошенные тарелки из-под пасты, салата и кейка. Школьница, а денег, как всегда, куры не клюют.

— Цурануи. Я сразу скажу, сегодня я умираю от голода. Закину в себя что-нибудь, и поговорим, поэтому помолчи, хоть пока еду не принесут.

Властным жестом заставляю вскинувшуюся девушку смолкнуть. Я серьезно устаю общаться с ней на голодный желудок.

— Ясно! Тогда я тоже чего-нибудь закажу.

«Простите», — бодро призывает официанта подобная старшекласнице Цурануи Михая. Пол — женский, прозвище — Цурануи, катаканой. Мы со школы неразлучны... к сожалению, и театральничает она уже очень давно. Если грубо описывать, она жизнерадостная, веселая, характер не двуличный, неловкая и не умеет врать. Короче, добрячка по максимуму. Я не знаю, как с ней себя вести.

В этом заведении самый дешевый пункт меню — клубный сэндвич. Соответственно, самый дорогой пункт меню — утиная печень, которая даже не вкусная. Самый выгодный для заведения продукт — выпивка, но сейчас я только ем. Итак. — О-о. То есть Кирису-сан уже с той недели не дома? Обеспеченная девушка, Цурануи Михая, 19 лет, уминает фуагра. Получает желаемое, ест то, что хочется; образцовое дитя наших дней без слова «терпеть» в лексиконе. Да жира тебе под кожу, и побольше. — Да. Говорит, некая леди стала одержимой. На ее страже он даже с Нагано связался. Вообще, по тому, как он говорил, эта «одержимая леди» звучит как «бредящая». Выделяется перед семьей или просто от скуки бесится. С ней водиться и врагу не пожелаешь, однако мне же проще, если она бредит. — Хотя если совсем уж честно, я тоже хотел съездить. Но кто в клинике побывал, тому не полагается в другие префектуры. Я остался дома, Кирису сбегал один. Ловить пули от Мато-сан мне неохота, и я доверил ценный контракт товарищу. — Так, стой, Цурануи. Не припомню, чтоб ты пила в два горла! Цурануи осушает вино в поражающем темпе. Графин уже почти пустой. — Я такая! А еще мне скучно, семпай, не будем про ваших задержимых! Давай тему повеселее, а то меня стошнит. Ужас. Что именно ужас? А то, что у этого чудовища слова расходятся с делом на несколько секунд. Скажет, что стошнит, и через три секунды нас ждет дивное зрелище. — Не-не, Цурануи. Не блевать. Если отсюда вышвырнут, придется мне ходить в семейные рестораны. — Так смени тему, пожалуйста. Ты после больницы только про одержимых и говоришь, скучно. Нет там у тебя чего-нибудь, ну, более подходящего для парня и девушки в районе двадцати лет? Гм, действительно, какой-то я скучный. Но прости уж, Цурануи. Последнее время у меня все веселое закончилось. — Зажралась... Вообще, нам уже вряд ли пойдут горячие обсуждения слухов, а? Что тебя так задело? — Ну... блин, от этого такая тоска. Ведь со мной такое тоже может быть. Уйду в депрессию от мрачной темы и тоже стану одержимой. — Не станешь. Если она сделается одержимой, это будет конец света. — У-у-у. Злой какой, сказал даже не думая. Вот мой темный Арика-семпай! Цурануи съежилась, но живо листает меню. Ее потребление питательных веществ превосходит мое впятеро. Молодец, кашалотом будешь! — Как ты можешь вытворять такое перед человеком с сэндвичем? У тебя булимия? — А? Ты голодный? — Да. Сегодня я больше ничего не ел. И дома ни капусточки нет. О, зависла. Цурануи сдвигает брови и с мычанием задумывается. — То есть у тебя нет денег, но хочется еще немного поесть? — Почти. Только не «немного», а чтоб ужраться. — Ага-а. Хм, ну раз так, я подумую, смотря как будешь себя вести. Или даже так — я тебя угощаю, а ты будешь со мной встречаться!

— Прости. Пойду с голоду помру.

— Да что ж такое! Ну почему?! Умная и красивая девушка на год младше же! Отличная же партия!

— Ну, работа и награда не совпадают.

— Ведь ты это серьезно... Эх, опять меня отвергли. Причем хладнокровный Арика-семпай. Но меня это в тебе и подкупает... Простите-е, еще двойной глясе!

Цурануи энергично машет рукой. Появляется дынный глясе в ведеркообразной посудине. Такой, с двумя трубочками, для влюбленных.

— На сей раз поражение за мной, но триумфальный кубок все же поднесу, семпай.

Прошу, сударь, действуйте!

Что-то не так... С Цурануи-то понятно, но и с пивнушкой этой, где оставляют такое в меню, что-то не так. Да она, уже начиная с названия, странная какая-то.

— Цурануи. Ты же знаешь, я софт-дринки не пью. Не буду я это.

— Ой, правда?.. Что же делать, ну давай вот этот гигантский омурайс напополам, в конце концов.

— Нет. В смысле, сверни вот эту мысль про напополам. Неестественно же один объект делить на два. Я с детства так не могу. Какие-нибудь располовинивания вареных яиц мне противней, чем дешевый ужастик.

— Ох. Хотя раньше ты так делал.

— Правда?

Черт, я опять что-то учинил днем?

— А ты не помнишь? Ну, была у меня подружка, Фусо, так? Мы к ней вдвоем ходили, а гостинец, дыню, она не стала брать, и мы на обратном пути ее дружно уплели. Ты ее так о столб расколотил и молча протянул мне часть. Ах, юности прелестные деньки. Семпай был хоть немного любезней, э-эх.

Не помню. Начисто вылетело. Зажмуриваюсь, пытаюсь вспомнить, и вдруг слышу такой звук, словно кто-то топнул по песку.

Так, подружка Цурануи. Девочка. Гостинец. Навещали больную. Плод, который не стала есть. У меня от невспоминаемых вещей всегда поганые мурашки.

— Эй, семпай? Ты чего такой бледный?

— От недоедания. Так, Цурануи, это когда было конкретно?

— Как когда, года четыре назад...

А-а, тогда укладывается. Целых четыре года назад, я и не вспомню, если в память не врезалось. Меня передергивает от мысли о разделе дыни, но я тогда совсем пацан был.

Тогда меня, наверное, много чем прикалывало делиться.

И вообще, кушать надо. Я со своей одной рукой ем медленнее. Цурануи уныло давится ведерным глясе. Сама виновата. Видимо, пока не допьет, будет смирной.

— А, точно! Семпай, смотри, смотри, я новый телефон купила!

Твою мать.

Хвастается новеньким оранжевым телефоном, видимо, не вынесла минутного молчания.

Уже четвертый телефон за этот год.

— Мне все равно, но почему такой блестящий оранжевый? У тебя особый вкус?

— Думаешь? А мне понравился, такой миленький, выделяется. А тебе нет?

— К такому цвету так просто не подойдешь... Хотя тебе в самый раз, наверно.

— О, семпай, ты меня похвалил?

— Ага. Вот он, практичный выбор для Цурануи. Если посеешь, сразу бросится в глаза и отыщется.

Девушка резко роняет голову. Да, цвет выделяется, но мобильник вправду выбрала с любовью. Такие безыскусные штуки сходу становятся родными вещами.

— Ну и ла-адно. Такому мрачному семпаю трудно доказать добро теплых цветов. Так вот, я номер сменила, запиши. Сейчас позвоню.

— Ага, потом поправлю контакт. Так что, ты старый телефон выкинула? — уточняю, жуя. Концентрируюсь, концентрируюсь, взгляд на *сенд*, сознание на *вич*.
— Сам телефон у меня, но контракт я расторгла. У меня мечта — собрать робота из мобилок, я их коплю. Так что если ты обновись, отдай мне старый, пожалуйста. Как вторую пуговицу на выпускном, со смешанными чувствами!
— Ага, если вспомню — отдам.
Я к сотовым равнодушен. Мой — б/у четырехлетней давности.
— Ура-а! А теперь — подарок для семпая от девочки Михаи. Даже скучнейшая еда станет объединением, — с непонятной радостью Цурануи почти бросает мне в лицо оранжевый телефон. Кажется, на каком-то форуме загружается картинка. — Смотришь? Поехали!
— Ну-ка, — всматриваюсь в мелкий ЖК дисплей. Что-то я ей подыгрываю слишком натурально.

Картинку сменяет видео.

Чем-то знакомая ночная дорога. Секунда.

Пронзительно визжит собака. Две секунды.

Появляется человек, похожий на мясного снеговика, на воспаленный мяч. Три секунды.

Мясной снеговик раздавил голову собаке. Четыре секунды.

Мясной снеговик волочит потроха собаки. Пять секунд.

Видео тормозит. Изображение застывает.

Спасибо, поблевал.

— Угу, шокирующе. Я бы сказала, автор отжига... а-ай!

— Ты что мне за едой показываешь, тентаклевый монстр!

Она что, правда хочет, чтоб я остатки и так небольшого ужина вернул назад?

— Ну-у. Ты такое не смотришь?

— Ни за что. Хватит днями торчать в сети. Не трогай откровенный мрачняк... Ну и с какого гуросайта ты это притащила?

— Оно не гуро-о. Внутренности затенены, не видно же-е. Вот же, этот жирный такой здоровый, что собаки не видно.

Как будто это меняет дело. И убери свой телефон с ужасами.

— Ну-у. Я думала в кои-то веки принести семпаю пользу, даже к неприятным типам внедрилась. Если и это ничего не даст... эта крепость неприступна, чувак.

Цурануи уныло убирает мобильник. Сие загадочное создание не любит истории-страшилки, зато не возражает наблюдать расчлененку. Чудовище как оно есть.

— Но на самом деле ведь интересно? Это скрытая съемка того одержимого, про которого все говорят.

— Чего? Не понял. Про какого одержимого говорят?

— Ну, который ловит собак, убивает и ест. Ты разве не слышал? Странно, он последние три дня во всех чатах всплывает. Имя Юкио, не знаешь?

— Не, впервые слышу. Поподробнее можно?

Цурануи лаконично объяснила.

Месяц назад появился маньяк, ворующий и убивающий собак, и кто видел, говорил, что он одержимый. Кличку ему уже приделали, назвали Юкио.

Вынимаю блокнот, проверяю. А-а... Беда-а, я мог с ним уже видаться. Вот узнает Матосан, так меня зашпыняет. Бр-р.

— Сенкс, Цурануи. Ты офигенно помогла. Еще больше поможешь, если и дальше будешь о таком рассказывать после заката.

— О каком?

— О том, что касается твоей жизни и смерти. И вообще, не встречайся со мной днем. Если хочешь договориться так, чтоб я не кинул, — не звони, а пиши. Так, покажи мне еще раз это видео.

— На. Ты где угодно можешь его скачать. Дома, наверное, и качество повыше. Но я смотрю. Содержание неизменно.

— Темно, ничего не понять. Говоришь, случайный прохожий снял? Да, однако, технический прогресс налицо.

Можно сказать, заклятый враг импульсивного преступника. Телефоны, видеокамеры, наконец, Интернет. Понятие медвежьей дыры, похоже, отмирает.

— Вот это — нет. Человек, который это снял, с самого начала выслеживал Юкио. Сказал, что выведет грозного одержимого на чистую воду, и предложил всем вместе его поймать.

— Бывают же любители. Денег ни бумажки не перепадет, хоть обловись.

— Это не затем. Там неважно, какие деньги или чтобы правосудие. Они просто считают, что этот слух — сейчас самый тренд.

Вот как. То есть просто он — легко понятная цель для атаки, и они хотят к нему подобраться поближе и наводят прицел.

— Хе. Тебя такое не радует, Цурануи?

— Нет. Что-то вроде «безыдейное развлечение есть ниспадение».

Говорит на редкость сложные вещи. Цурануи — человек справедливый и не терпит бесцельных декадентских тенденций. Восхищаюсь, черт возьми. В качестве подарка провожу ее до дома.

— А скажи, семпа-ай. Что такое вообще одержимость? Обычно говорят, что это меланхолия, но загрустившую собаку разве пристреливают?

На пустынной ночной дороге эхом разносится отвлеченный вопрос.

Цурануи живет в другом от меня конце города, на краю индустриальной зоны. Изначально это общежитие для женщин-пекарей, жилая рента там дурацки мала. Впрочем, ее выбор обусловлен не ценой, а близостью к университету.

— Ты специалист, выдай, пожалуйста, увесистое медицинское наблюдение-е. Я хочу знать правду. Я спрашивала папу, он меня заворачивает, говорит, это просто поражение нервов.

Ее не устраивает то ли равнодушие отца, а то ли безответственные слухи об одержимых. Девушка знает о них только по сплетням, и вот задает прямой и здравый вопрос правильного человека. Но и у меня нет ответа.

— Не знаю. Спрошу кое-кого, кто может знать.

— Это Кайэ-сан? Тогда я хочу спросить хотя бы твоего мнения! К примеру-у, почему они вдруг уходят в меланхолию...

— Вот алкашня приставучая... Ну, гм, тут как — бывает атмосфера противная, да? Ожидание неприятностей, там, чувство, что кто-то есть в темноте. Вот она и есть суть того, что народ называет одержимостью.

— М-м, противная атмосфера? Неловкая ситуация? Мы с тобой, немедленно хотящие друг друга убить? Такое?

— Нет. Там сама атмосфера противная. Как задымленность, когда идешь по тротуару. Вот когда атмосфера мутно пошевеливается. Когда не замечаешь и проходишь слишком далеко, а потом наваливаются беспричинная злоба или уныние. Поэтому бессмысленно срываешься.

— Ага... То есть эта непонятная атмосфера и есть суть одержимости? Э-э, а неуютность, когда вы с Кайэ-сан ругаетесь, не считается ли?

— Ли нет. Ну, между нами постоянно неуютность. И потом...

Если продолжать пример, в том подземелье нет сути одержимости. Там атмосфера слишком прекрасна. Потому что из-за отрезанности от мира неоткуда взяться разложению. Я сказал ему, а Кайэ со смехом поправил:

«Неправильно думать, что нечто прекрасно просто потому, что без грязи. Мой мир — только здесь. Он чист, не зная грязных, нелицеприятных вещей. Это не называют прекрасным. Это зовут пустотой».

То есть человек взрослеет, сопоставляя чистое и грязное. Если ты всегда чист — это неправильно, это нельзя назвать человеком.

— Семпай? Ты чего такой суровый, я наступила на любимую мозоль?

— Не, это я о своем. Можешь не беспокоиться.

Волоча пьянчужку за руку, прохожу мимо крупномасштабной постройки.

Мы все идем, идем, а вокруг одни заводы. Все это приволье застройки, что бывает только в захолустье, сверху наверняка похоже на военную базу.

— О...

Это я попутно заметил сравнительно странный завод. Здание выглядит чересчур органичным. Вымазанные стены, ржавые потеки наводят на мысли о смерти, совсем развалившееся место.

— Цурануи. Ты вон про тот завод что-нибудь знаешь?

— Что? А-а, это птицеферма. Только этой весной ее закрыли.

— Среди заводов — птицеферма? Это такая метафора?

— Да нет же, нормальная птицеферма. Рядом хлебопекарня, а пройдешь дальше — поля; я думаю, логично все. Хотя после недавней шумихи с вирусом ее прикрыли и переделали в консервный завод.

— Консервный? Да он же запущен, как я не знаю что.

— Запущен, да... Ну, просто там никто не работает. Вроде бы консервное желание было, но в результате не справились с финансовым управлением, так и остался он долгостроем. Семья, которая заведовала фермой, кажется, повесилась, и они ищут нового арендатора, что-то такое.

— Тяжелая жизнь. Кстати, Цурануи, насчет того ролика. Ты знаешь, где это снимали? Раз уж это выложили для фана, то и место съемки должны указать.

— М-м, это, конечно, да-а. Но это уже перепост перепоста, и фиг его знает кто автор. И никому не интересно, где это было, просто юзают как мем.

— Вон что. А ты не узнаешь?

— Нет. Сикура большой город, и я по задворкам за покупками не особо хожу. А ты помнишь?

Печа-аль. Вообще-то, если живешь рядом, обычно замечаешь такие вещи.

Расходимся перед подъездом. Как в бывшую женскую общагу, в ее дом парней не пускают. Видимо, с перепою Цурануи стоит унылая.

— Ты нормально? Если плохо, вернись к себе и верни все.

— У-у... ничего мне не плохо. Меня семпай проводил, я от радости теперь не засну и от счастья даже умру.

Зря беспокоился.

— Ага, давай, умирай. Пока, и не просиди ночь напролет.

— Ла-адно. И поешь завтра, хорошо?

Убедившись, что Цурануи вернулась в квартиру, я выдвигаюсь.

Так. До возвращения сделаю-ка я крюк.

Завод №2 морепромысла Микисиро города Сикура.

Так называли заброшенный консервный завод. Впрочем, даже не столько заброшенный, сколько не стартовавший. Брошенные на этапе подготовки руины. Завод состоит из двух

корпусов — пустая оболочка. Жалкая пустая коробка. Ничего не напоминало о его бытности птицефермой, как и не было массово производящей жестянки автоматики. Станным было это трехэтажное строение компании. Окна забиты изнутри то ли фанерой, то ли шпоном. Окрашен стен, сама атмосфера — человекоугнетающе под стать. Как консервная банка, в которой таится что-то нехорошее.

Вестибюль был заперт, но черный ход разломан, и я без проблем вошел. Тьма и тепловатый воздух. И то, и то мне привычно, пробираюсь дальше. Шумно иду по цементному коридору. Пасмурно, через окна свет не проникает. Даже перед самым носом ничего не разглядеть, не понять и сечения коридора. Тем не менее, я могу наплевать и двигаться вперед, потому что я сам помню это здание.

— Тьфу... я ведь сюда заходил днем.

Чем дальше вглубь, тем неприятней воздух. Воняет плесенью — протекает где-то, что ли?.. Работай моя фантазия как у нормального человека, я бы чуточку испугался и замешкался. Но, увы, моя голова не из этой области.

В здоровом теле — здоровый дух.

Слова уже не просто бородатые, а полуразложившиеся, но в определенном смысле верные. Как минимум для меня это — непреложный факт.

Два года назад, потеряв левую руку, я перестал чувствовать фактическую угрозу.

Что тело, что психика. Потеряв часть тела, теряешь и часть эмоций, наверное. Странное дело: вместе с утерей левой руки пропала и часть моей души.

К примеру, вот человек, случайно лишенный уха. Он залечил рану, но ухо не вернулось, и отныне его очень раздражают мелкие подколки. Можно предположить, что это не чудачество в результате несчастного случая, а потеря им чувства доверия. При телесных потерях нельзя сказать, что душевных травм удалось избежать. В общем, человек по имени Исидзуэ Арика вполне вписывается.

С серьезным ущербом телу идет крупный ущерб психике. Я лишился целой руки, и от меня словно начисто отрезало благоразумие — то, что чувствует угрозу, обусловленную внешними факторами. Короче говоря, я стал «сорвиголовой». Но страха не потерял, и того, что мне страшно, я боюсь. Вернее сказать, я потерял животный инстинкт — импульс защиты от опасности.

Как скажет Кайэ — зато меня теперь животные любят. Видимо, из-за притупившейся осторожности, однако это не значит, что меня радует любовь всяких там собак, комаров, змей. Как ни лишайся чувства угрозы, что страшно — страшным и останется. Так вот, я могу в этом плане еще больше радовать животных. Офигеть логика.

Пи-пи-пи! Звук будильника из телефона уносится во мрак.

— Ага. Время вышло, пора назад.

Надо уметь уходить вовремя. Я заглянул на фабрику из любопытства, не больше. Человек с ослабленной осторожностью сподвигается на действия даже празднейшим любопытством. Не будь сигналов «атака, завязывай, опасно», человек бы шел напрямик в пасть смерти. Но мне эти сигналы-эмоции не подскажут время уходить, поэтому я должен задавать себе этот момент по жестким принципам. В данном случае правило — пять минут. «Как войду, через пять минут во что бы то ни стало вернусь», — поклялся я себе.

Я без приключений покинул руины и ушел из завода.

Очевидно, что если он так и останется стоять, то станет свежей городской байкой Сикуры, но чтоб я совал руку в реку и ждал рака? Мне, конечно, скажут: «А нечего ходить по таким местам?» — но я не могу не ходить, и поэтому у меня такое правило.

— Хотя у нас уже город-легенда. Одним бройлером-привидением в красном балахоне больше, одним меньше...

Во-во. Всяческие брутально убитые семьи в западном особняке, летящие по тоннелям метро рогатые трамваи, впитывающие людей фантомные многоэтажки — полно всякого ужаса. Проигнорировав потенциальную страшилку, карму не испортишь. Если что и не дает покоя, так это знакомая, которая живет рядом с точкой спиритизма. Об этом будет достаточно с утра пораньше ее предупредить.

Пойду-ка я домой. Спонтанное любопытство уже удовлетворил. С этим их одержимым я связываться не желаю. Свяжусь — прилипнет ответственность, покажут грешки, которые и видеть не хочется. Мне своих проблем хватает. С представлениями о справедливости вроде «прикрою, чтоб не воняло» я не могу еще и чужую вонь на себя брать. Я вообще однорукий и слабый на голову. Неисправимый слабак вынужден жить по принципу невмешательства, насколько это возможно. Потому что, ну, вот влипну я, и кто меня выручит? То-то же.

Самая-самая завязка заключалась в том, что я не мог найти подходящий протез. Внешних травм нет, вторичной симптоматики нет, анализ невозможен. Мне даже говорили, что я как будто таким и родился — настолько моя левая рука отвергала самые разные протезы.

Да. Не то что не хотела — не могла.

Не только протезы с возможностью мышечными усилиями махать и разжимать — не подходили любые протезы в форме руки. Парадокс: приставишь протез — отсутствующая рука начинает болеть.

Врачи решили, что это психическая вторичка. Я все еще подсознательно отказываюсь от нынешнего себя и отворачиваюсь от факта отсутствия левой руки. Но приставление протеза вынуждает меня признавать утрату, и поэтому разум сопротивляется протезу в форме боли, как-то так. Угу-угу, но, не считите за каламбур, приставлять логические построения мало. Сопровствляюсь ли я фактам, отказываюсь ли, а протез необходим. Даже без особых функций — просто для спокойствия, что у меня обе руки на месте.

В клинике я перепробовал все протезы, что у них имелись. Выходило, что в соответствии с материалом протеза различалась и боль. Была резь, была тошнота, даже была такая штука, от которой терял сознание; в общем, индивидуальность есть. А значит, если хорошенько поискать, можно найти и подходящий протез... И вот я упорно его искал, и мой квест завершился в подземной комнате Карё Кайэ. Он посмотрел на меня, промолвил: «Ага. На твою руку поохотилась фальшивка», — и похвастался «единственным в мире подходящим» мне протезом. «Твоя рука просто потеряна; она все еще связана с телом. Пока оброненная рука не исчезнет, ты не можешь приставить новую».

Хотя я и лишился руки телесно, в общем смысле я до сих пор владею левой рукой, как сказал Кайэ.

«Ведь ты все еще сохранил привязанность к пропавшей левой руке, верно?»

Юморист. Впрочем, именно это замечание было первой полученной мной после той ночи ментальной травмой. Действительно, я не хочу руку назад. Для меня эта левая рука словно изначально не существовала. Поэтому пусть даже без телесной формы, изначально «никакая» форма не изменилась.

«У тебя живы только ощущения. Обычный протез для тебя как одежда, которую надеваешь внутрь тела. Тут уж, надо думать, и сознание потерять можно».

Да. Утеряна плоть, но ощущения остались.

Я говорю об образе. Если закрыть глаза, я могу легко почувствовать, как левая рука осознается, управляется, можно брать вещи. Разумеется, это иллюзия. Бывает так, что что-то становится ничем, но не бывает так, чтобы ничто двигало чем-то.

Ощущение из ничего может коснуться только того, что само в этой же «никакой» форме, в форме «ничто». Тактильные ощущения без формы. Поскольку руки нет, я не могу хватать ей то, что есть, но ввиду того, что она — ничто, она смешивается с ничем. Как там...

«Но фантомные ощущения работают с таким же воображаемым монстром. Ты великолепен, Исидзуэ Арика. Твоя левая рука — идеальный демон...»

...эта малявка сказала?..

Десятое октября. Облачно. По прогнозу погода такая же, как вчера.

Переодеваюсь, выдвигаюсь к пригородному лесу. Наш барчук — на удивление соня, и мне достаточно появиться к десяти утра. Сейчас нет и девяти, и, если никто не помешает, я успеваю с запасом.

Прохожу частный сектор в сторону окраин, в процессе звоню Цурануи. Не берет! Она что, еще спит?... *После гудка оставьте ваши сообщение и любовь, плиз!* Дура...

— Алло, это Исидзуэ. На всякий случай говорю про этого Юкио-кун. Ты просто создана для маньяков, так что особо не связывайся. И бред на автоответчике поменяй, идиотски звучит.

Расставив точки над *i* со вчерашней беседы, я миновал стройные, как сосны, ряды частных домов.

Сплошь поля, до горизонта пологие холмы, бессмысленно-широкая и слабоиспользуемая трасса государственного значения. Что двадцать лет назад, что сейчас неизменный, старый добрый захолустный вид.

— Уй...

Увидел чужеродный человеческий элемент. Патрульные машины — две штуки, неотложка — одна штука, ярко-красный «Volvo» вне досягаемости нищенской руки, ух ты, серия S40 же, блин, — одна штука. Собрались люди, с кем не хочу особо встречаться, и с кем хочу встретиться, но не хочу встречаться. Рефлекторно отскакиваю в сторону и наблюдаю, наблюдаю из придорожных зарослей травы.

Может, какое-то происшествие? Для этого людей маловато, и не видно таких, кто оценивает ситуацию... Наверно, я успел к шапочному разбору. Уже, вон, оттягивают силы, еще чуть-чуть попрячусь, а вы отсюда... никуда, значит? Ладно.

Женщина, опираясь спиной на «Volvo», властным движением подбородка указывает двоим инспекторам. Суроволицые люди пришли ко мне, молча скрутили и волокут к «Volvo» самым бесцеремонным образом. Притащили, уронили. Права человека? А что это?

— Вот спасибо за добровольное сотрудничество.

Мато-сан есть Мато-сан. Это и было добровольное сотрудничество!

— А-а, вы можете быть свободны. У меня к нему есть разговор.

Суроволицые инспекторы откланялись боссу, быстренько ретировались. Остались только я, «Volvo» и сестрица в черном костюме.

Эта откровенно-не-инспектор красавица — Тома Мато. Хладнокровное животное, на эксклюзивном попечении коего я эти два года пекся. На первом месте среди моих мысленных прозвищ для нее — Томато-сан.

— Эй ты, отброс. Хорош уже валяться, — язвительно бросает она. В ее беззлобной, но заставляющей вздрагивать ругани я все же нахожу спасение. Стоит ей лишь краем уха услышать «Томато-сан», — меня ждут такие пытки, от которых каждый волосок на теле дыбом. Поэтому милое прозвище я любя оставляю в уме и зову ее «Мато-сан».

— День добрый. Я думал, что хорошо спрятался, а меня так сразу нашли... М-м, у вас с утра острый глаз, Мато-сан.

— Сёдзай. Ну что ты несешь. Ты — однорукий седой пацан, которого за километр видно... Эх. Не выделяйся прилюдно. В твоём случае, с одной дежурной проверки тебе будет прямая дорога в КПЗ. Иначе общественность не поймет.

— Ай. Этот силовой захват меня — он что, для моего же блага?

— Разумеется. Я — твой наблюдатель. Разъезжать по всяким идиотским звонкам мне не досуг. Отброс должен не доставлять хлопот, а сидеть там, куда сунули, дома.

Мато-сан все та же. Крутая и прекрасная. Особенно крута, когда заезжает на место преступления на частной красной тачке. Еще бы, признанная спецслужба общественного порядка. Ей может высказывать свою точку зрения разве что полицейский надзиратель, и де-факто в Сикуре она неприкосновенна. Между прочим, полицейский надзиратель — это

шеф Сикурского участка. Видимо, в участке с ней обращаются как с помощником полицейского инспектора, и она может, ну как сейчас вот, помыкать патрулями. При всем этом ей нет и тридцати, и вот эта тетенька, или лучше *сестрица*, естественно и стремительно рвется вперед по дороге элиты, но сама она весьма недовольна своим положением. Скорость карьерного роста Мато-сан десятикратно превосходит обычную. Я бы пересчитал ее в мятежного сверхчеловека умножить на тысячу. А еще ее истинное лицо — измывающаяся над слабыми садистка, точка.

— Ну, ты. Хватит смотреть на меня как на каннибала. Такое чувство, будто надо мной смеется животное в зоопарке, прекрати.

— Я бы попросил не жаловаться на лица людей без грима. И вообще, ко мне какое-то дело? Я тут на работу шел. Просто интересно.

— Ну а как еще, раз я здесь? Изолировала пациента в начальной стадии. Пациент был на диспансере, но утром вот удрал. Родители донесли, я тут же его и взяла.

Изолировала — звучит хорошо, но на самом деле все произошло с применением оружия. Надзиратель от госбеза, имеющий целью изоляцию агонистического синдрома, в просторечии одержимости, и есть суть работы Тома Мато. Ее отдел известен как Похоронное Бюро. Спасительница одержимых бесами людей, святая мать нашей эпохи. Хотя понятия прав человека в ее мыслях не проскакивает никогда.

— Ага. Мато-сан с утра в делах...

— Вот именно. Это не моя работа, а полиции. У ребенка нормальная ментальная болезнь, а никакая не одержимость, — бросает она раздраженно. Общественное понимание одержимости — меланхолия нового типа, но если хоть раз видел настоящего «одержимого», то с первого взгляда поймешь, безумец или в самом деле помощь требуется.

Настоящая одержимость. У тяжелобольных претерпевает изменения не только психическая, но и физическая составляющая. Это не какая-то травма рассудка, а проявляющаяся телесно болезнь. Это знают только те, кто фактически связывался с ними. Те, кто подхватил одержимость, кто пострадал от одержимого и кто вяжет одержимых. Мато-сан — из особо влиятельной шайки вязателей. Она знает об одержимых в разы больше меня.

— Нормальная ментальная болезнь?.. Стало больше бреда с заявлениями о причастности к одержимым?

— Ага. Благодаря чему стало больше дурацкой работы. Так еще пара лет пройдет, пока всех переловим. Говорили, что закончим за год, когда я подавала на место, чтоб набрать баллы, но получается иначе.

Мато-сан из тех людей, кто любит сидеть повыше и взирать на бранный мир у стоп своих, потому не любит работу на месте. Но она обожает ручной огнестрел, и как-то за рюмкой чая признавалась, что мечтает о кабинете начальника с тиром. Жуть.

— Ну да не будем о такой мелочи. Лучше вот что, Сёдзай. Ты знаешь одержимого, про которого сейчас все болтают?

— Который гроза собак? Вчера вечером услышал о таком. Вроде бы он ловит собак там, кошек и ест.

О. Какой холодный взгляд... Уф, надеюсь, я никаких секретов не выдам.

— Сёдзай. Я сколько раз говорила, я вас ненавижу.

— Ну, если так проявляется ваша любовь, сильнее Мато-сан извращенки нет.

— Слушай серьезно. Я что хочу сказать: вы, общественно ущербные, — как бельмо на глазу. Знаешь, если пытаешься что-то неумело скрыть, то сразу опять попадешь в клинику. Ты не одержимый, но что-то вроде, так что и к тебе относится. Вообще, с твоим синдромом не выйдет вести нормальной жизни. Тебе же проще жить внутри, а не снаружи.

— Я бы попросил! Я и с одной рукой хорошо справляюсь. И вам полезен.

— Ха. Если ничего не скрываешь, *не забываешь*, то ладно. Тогда — к делу. Этот кинофоб и есть моя настоящая работа. Как ты и сказал, он ловит домашних животных, на месте же их потрошит и употребляет. Причем употребляет не так, как принято в светском кругу. Вот фотографии с места.

Извлекает из машины материалы и, не колеблясь, сует мне под нос. Меня используют, но я рад, что Мато-сан мне доверяет. Потому что красивая. Только, ну... Все равно фото, честно говоря, не очень.

— Э-э, Мато-сан. Это блевота какая-то.

— Дубина, говори «рвотные массы»... Ну да, на вид ничего приятного, но ты все посмотри.

Она с неприязнью смотрит со мной фотки. Лицо недовольно хмурится. Когда она так делает, она прямо леди. Серьезно, на что она себя растрчивает?

— Гм. На этой пол, что ли, расплавлен?

— Расплавлен. Эксперты говорят — сильная желудочная кислота. Ха-ха-ха, с этими ребятами все на свете бывает.

Ну да, если вспомнить еще ту главу семьи, что крутится на триста шестьдесят градусов, удивляться уже нечему.

— Однако, что-то одни только рвотные массы. Это о чем-то говорит?

— Как видишь. Он съедает собаку и тут же возвращает ее назад.

— Может, просто собаки невкусные?

— Дурак. Были бы невкусные, стал бы он целый месяц такое творить. Он жрет их со вкусом и со вкусом блюет. Ест, зная, что его вывернет.

Ест — и назад. Ест — а оно возвращается.

Похожие симптомы я, кажется, уже видел.

— Зная вас, Мато-сан, вы уже все изучили. Этого одержимого в сети зовут Юкио, да, но кто он на самом деле? Как стал одержимым?

— Хм? Так ты знаешь его имя?

— Цурануи рассказала. Так кто он?

— Я навела справки. Фусо Юкио, живет в Сикуре, Таканодай. Около четырех лет назад был на домашнем лечении, но месяц назад ушел из дома. Известий от родителей не поступало. Цитируя показания матери: «Вот бы никогда больше не видеть».

— Хм-м. А что за домашнее лечение?

— Уж не знаю, это ли стало причиной болезни, но у него со средней школы анорексия. Хочешь услышать мое мнение?

— Не нужно, я знаю столько же, сколько все.

Анорексия: современная болезнь, при которой из-за психологических проблем не можешь принимать пищу. При этом часто думают, что это просто значит «не могу ничего есть», но на самом деле большинство случаев выглядит как «ем, но оно лезет назад».

Первая стадия — по психологическим причинам пища не усваивается, отчего возникает ослабление от физических нагрузок на уровне подъема-спуска по лестнице. Страшно то, что пациент этого факта не осознает. Анорексики на вид здоровые, но тело постоянно истощено. Вместе со снижением физических сил спадает сопротивляемость болезням. Так, от легкой простуды может наступить голодная смерть. От анорексии не лечатся сами, не понимая сознания больного и его окружения, ее нельзя вылечить, и она приводит к смерти.

— Только странно. Юкио-кун вроде поправился. Мато-сан, видели тот ролик в сети?

— Нет... Так, стоп! Что, есть видеозапись с собакоубийцей?!

— Есть. Посмотрите по местной анонимной борде. В ролях: ком жира в одних трусах. Он такой лоснящийся, аппетитный!

— Угу. Значит, точно он. И эксперты говорят, что он ест впятеро больше того, что возвращает. Это потребление в шестьдесят килограмм в день. За целых две недели он уже ходячая фрикаделька, наверно.

Шестьдесят кило в день!.. Две больших собаки с костями? Как тут не растолстеть. Мато-сан — тоже плотоядное животное, небось в глубине души завидует ему.

— Только и это обжорство — история недельной давности. Эти семь дней собакоубийств не происходит. Все-таки он их со вкусом убивал. Бездомные собаки кончаются, а приличные домашние сидят дома. И полиция зашевелилась, теперь не те условия, чтобы он так запросто мог поесть.

— Ну да, охотился он беззаботно. То есть Юкио-кун уже семь дней не ест?

— Ага. А может, вообще с голода окочурился.

Мато-сан всерьез беспокоилась о голодной смерти. Мне чуть полегчало. Что бы она ни говорила, она человек правосудия.

— Это хорошо. Только от его смерти проблем не оберешься?

— Да. К ним же относятся как к больным. Мне надо действовать цивилизованно, а то вытурят. Будет напряжно, если он подойдет где-нибудь в укрытии. Терпеть не могу находить трупчики тараканов за шкафом. Если уж кончать их, то лучше при свете дня, когда можно убратся за собой.

Поправлюсь: в этом человеке нет ни щепотки правосудия.

— Мато-сан. Открыто стрелять в больных при свете дня все-таки скажется на имидже, я считаю.

— Да ладно, просто прикручу отягчающих. Если хоть одного человека убил, то ты уже не больной, а убийца... Если против преступника, то я в целом отболтаюсь.

Ха-ха-ха, Мато-сан такая ужасная! Кто вообще дал такой права охраны порядка и незаконный огнестрел?..

— Договорились. Сядь, ты ведь к тому ребенку идешь? Тогда хоть спроси его мнение на этот счет.

Мне вручаются полицейский спецзаказный атлас рвотных масс и материалы экспертизы. И Мато-сан ныряет в «Volvo».

— Могли бы и сами спросить. Он вам всегда рад.

Подкалывать — одно удовольствие. Я тоже веселюсь при виде Мато-сан, которую подкалывает Кайэ, так что очень хочу в компанию.

— Я с ним не лажу. Стремный. Ты-то страха не ведаешь и можешь выносить атмосферу той комнаты. За что тебя ценю. И в клинике ты с любыми пациентами вел себя ровно.

Стартует двигатель. Мато-сан не знает, что такое «переиграть ход».

— Эх. Ну и хорошо, ну и пойду один. Спросить ничего не стоит.

— Ты что? Ты думаешь, мы тут с тобой по-дружески поболтали? Я говорю — ты тоже поработай хоть приманкой. Для тебя ж они все товарищи? Вот и давай, пока гроза собак чего не натворил. Найди его насест.

— И опять мне выше головы... Он же за эту неделю ничего не ел, так?

— Если до сих пор собаки составляли его меню, то выходит так.

— И он раздражен?

— Лично я еще не завтракала.

— А я не стану так его первой человеческой жертвой?

— Какая разница? Тебя съедят — на одного человека меньше прижучивать. Собакоубийца станет открытым человекоубийцей, а одним парнем с высокой вероятностью переквалифицироваться в одержимые станет меньше.

Черт. Мрачный томат с косой на плече.

— Очень не хотелось бы. Я все-таки не должен связываться с незнакомыми одержимыми.

— Да плевать, мне-то особенно. Если ты этого не сделаешь, я просто оправдаю и освобожу младшенькую.

— Сделаю однозначно! — отвечаю супербыстро. Я суперготов. Суперужас. Если эту демоницу выпустят на волю, мне стократ лучше умереть от рук незнакомое одержимого.

— Прекрасно. Найди его за сегодня, понял?.. Ты ведь на самом деле уже прикидывал, где его можно найти.

— Ай.

Видит насквозь с потрохами... Мато-сан аккуратно пристегнула ремень, изящно включила передачу и умчалась в поля на скорости шестьдесят километров в час.

— Ишь ты, так это и есть собаколюбивый одержимый.

Кайэ с горящими глазами листает дело. Его-то готовность действовать на высоте, и, чтобы не заразиться, я лениво валяюсь на софе и смотрю на пепельного цвета море.

На море над головой шпиль. К счастью, той неприятной акулы нет.

Слышен только шорох бумаги. В подземелье никого, кроме нас с Кайэ. Все его искусственные конечности на месте. Две черных руки, две черных ноги. Со стороны кажется, что они просто замотаны в шелк.

— Ух, то есть он все-таки только их и ел. Я, как любитель собак, не одобряю — умрешь от паразитов же!

Внезапная бодрость. Когда он вот так кудахчет, даже у меня озноб.

— Ничего себе, шестьдесят кило в день. Ух, что-что? Арика, ты это видел? Полицейский на дежурстве открыл огонь по объекту! Открыл огонь, Прометей ты наш! На момент встречи находясь в крайней степени возбуждения, не имел возможности здраво оценивать обстановку, значит... Ничего себе, он выглядел уж совсем не по-людски, а?

— Ага. Я читал, пока сюда ехал, действительно сурово. «Пять последовательных выстрелов из S&W .38» — это ж сразу смерть. Хотя и от одного выстрела вполне смерть...

Неделю назад патрулирующий инспектор встретил занятого обедом Юкио и устроил расстрел. Юкио бежал, и дальнейшее его местонахождение неизвестно. Был ли он ранен — неясно, но уже неделю он ведет себя тихо, наверное, потому, что стрельба нанесла большой моральный ущерб. Ну да, без разговоров даже, без предупреждения откроют по тебе огонь — приятного мало.

— Ну-ка, ну-ка. Нота бене: на месте преступления остались слитки металла, похожие на пули... Пули расплавились от воздействия высокочастотной субстанции, которую считают желудочным секретом объекта... Ух, этот одержимый как жаба.

Это он про «жабье масло», жабий яд для обработки ран. Сам мелкий, а какие древние сравнения.

— Но теперь все понятно. Пораженный орган — желудок, новообразование — растворитель. Причин пока не знаю, но с этим уже можно работать. Значит, одержимый весь в желудочных выделениях... Растапливает пули. Значит, ни голыми руками, ни мечом его тоже не возьмешь. И как тогда, в сети тоже не найдешь ответа... О-о, Мато-сан знает свое дело, рекомендует огнемет. Ха-ха-ха, ей отказали. Как компромисс, предлагает воздействие на дыхательные пути, но наркоз на нервную систему одержимых не очень действу... о, здраво, атака водой... И уже пожарная машина готова... Чересчур правильно все. Скажи, Арика, этот человек точно доктор?

Самому бы узнать... Когда я с ней увиделся в клинике, она была в окровавленном белом халате с бензопилой наизготовку и невозмутимым лицом — не та атмосфера, чтобы интересоваться: «Простите, а вы часом не врач?» В первый раз я ее увидел, когда она с двумя пистолетами чужую младшую сестру расстреливала, много двигалась, в общем. Но забавно, что, каким бы чудовищем ни был одержимый, человек всегда оказывается самым сильным. Какие бы неестественные преступления ни совершали новоявленный уголовник — когда полиция вооружается всерьез, не находится такой бучи, которую она не могла бы подавить.

— Хотя, может быть, это Мато-сан сверхчеловек. Но на этот раз предосторожностей многовато даже для нее. А ведь она любит только свои пистолеты.

— Значит, у него терминальная стадия одержимости. Для псевдоодержимого неплохо. Не хочется говорить такого, но даже настоящие демоны не могут настолько изменить человека. Видимо, это проклятие миллениума? Если так пойдет и дальше, вымысел вправду сможет проиграть реальности.

Кайэ радостно, не скрывая подобной черному клинку воли к убийству, смеется. Ну и что теперь делать? Не только Мато-сан — даже этот торчок в раж вошел. Карё Кайэ заиклен на настоящих и фальшивых демонах, и, видимо, не прощает подделок. Из уст мальчика с четырьмя искусственными конечностями «фальшивка» значит реально больной «одержимостью», а «настоящий» — фантастическим демоном.

Малость погружаюсь в бесполезную память. Реальность и фантазия. Об их различии он говорил мне в тот вечер, когда я впервые надел его протез.

Одержимость — это болезнь.

Неизвестность причины, невозможность лечения. Странная болезнь, похожая на дело рук демона, сводящего человека с ума, искажающего тело. И единственное, что было ясно изначально, это как именно все происходит.

В человеке есть белок, рецептор. Рецептор принимает выделяющийся в пространство между связывающими нервы синапсами лиганд (нейромедиатор), и в мозгу создается новая информация или эмоция — система примерно такая.

«А ты знаешь, что тело человека действует по приказам мозга, а рецептор функционально записывает в мозг результаты этих действий?»

Результаты всех действий.

При ранении тела — «больно», «страшно», «противно».

При приеме пищи — «вкусно», «приятно», «хочу еще».

Человек — существо, постоянно порождающее новые эмоции. Мы можем полностью измениться, едва проснувшись, — кажется, в этих терминах восхищался Кайэ.

Рецептор контролирует все — начиная от деления и роста клеток, заканчивая высшей жизнедеятельностью и эмоциональным фоном. Это замочная скважина двери, ведущей к росту и изменениям человека. Одержимым считается человек с аномальной деятельностью этого мозгового нейромедиатора.

«Человеком двигают слабые электроток, так что эмоции — не более чем химическая реакция. А значит, чем сильнее эмоция, тем сильнее ток, согласен? Вроде цифровой, но в то же время аналоговый, нет, даже романтичный он — человек. Ведь глубокое отчаяние или пронзительная скорбь на самом деле заставляет сердце дергаться как от электрического разряда».

Если демон — вирус, то он растет за счет человеческих эмоций. Сильные чувства, все наблевшее ему как теплица. Развившийся вирус-демон сводит с рельс всю систему. В первую очередь лиганд-медиатор посредством соединения с рецептором передает мозгу различную информацию. Одержимый эмоционально-химически выделяет этот аномальный лиганд, повреждая сам рецептор.

Такое взаимодействие похоже на соединение химической субстанции под названием «агонист» с рецептором. Агонист возбуждает рецептор, иногда являясь наркотиком, который, словно нейротоксин, оказывает летальное действие. Изначально безвредный лиганд благодаря аномальному выделению становится агонистоподобным ядом и наносит разрушительный удар по рецептору, извращая баланс организма.

Этот яд запускает эмоции. Для устранения первопричины самоистязаний — «тяжело» — создается ранее не существовавшая телесная функция. Это и есть синдром агониста. Пример психического ущерба от подстегивания клеток мозга и ограничений лиганда.

«Ведь человек — тоже система. Если присоединить новую деталь, проявится новая функция. Только... ну, понятно. Ящерица с крыльями называется драконом. Пусть на вид она такая же ящерица — из-за новой детали она стала новым существом».

У тяжелобольных одержимых меняется не только психика, но и тело.

Существует три необходимых условия одержимости:

- пораженный орган, аномально выделяющий агонист;
- появляющийся из-за этого новый орган со вновь созданной функцией;
- взрыв эмоций, ставший причиной развития поражения органа.

Одержимый, который заимел эту тройку признаков, уже не может быть человеком. Как у того Кидзаки, как у Юкио, — в их теле произошли разительные перемены. Прямо как вирус, поражающий гены. Когда дело зашло так далеко, получается, что никакие демоны тут ни при чем.

Настоящий демон, что передо мной, со смехом отвечал:

«Пожалуй. Нестареющий бессмертный, желание сверхчеловечности. Чудесная болезнь, которую нафантазировали люди. Болезнь генов, подобная демону, стремящемуся приблизиться к Богу. Но, Арика, нельзя менять причину и следствие. Болезнь одержимость не проявляется сама. Беса растит сам человек. Это как вторичная инфекция; она проявляется только тогда, когда больна среда носителя и болен его дух».

Поэтому одержимость — это болезнь. Не недуг с летальным исходом, а паразитирующая на недуге, неосознанная и алчная жизнь. Символ феномена, подтачивающего индивида, и само образ жизни человека, наисовременнейшая хворь.

— Ну, Арика, что будешь делать? Мато-сан наверняка вкрутила тебе шило со шгампом «работать»?

— Ага, то шило, что меряют в килотоннах тротилового эквивалента. Сказала, что буду саботировать — оправдает и выпустит мою сестру.

— Ох е-мое.

Кайэ молча посочувствовал и жестом проводил в последний путь. Жест не смешной, не надо так делать.

— Но ты не горишь этим заниматься, да?.. Вчера тоже как будто не при делах был. А ведь с делом Кидзаки-то один справился.

Я сам не очень понимаю. Просто смутно чувствую, что это дело отличается от всего, чем я занимался раньше.

— А, я понял. Надо же, ты как Мато-сан. Этот одержимый еще и двоих человек не убил, и вот ты смотришь на него сквозь пальцы.

Улыбка полумесяцем выглядывает из тени балдахина.

— Чего? Да ты что, все вообще не так. Мато-сан только и делает, что дожидается «многочисленных жертв», а по мне — так пока человек не умер...

О, и правда как она. Чья бы корова мычала, «Сёдзай».

— Не-не, стоп, тормозим, все не так просто... Ну, как бы, на этот раз он же не со зла? Даже собак не от ненависти убивает, а интересуется содержимым.

Точно, вопрос мотива. Одержимый, у кого злоба или там родительская любовь работают катализатором, сознательно злоупотребляет силой в преступных целях. А вот одержимый,

заболевший от первичных эмоций, злоупотребляет силой просто чтобы выжить. Это преступление, но без наказания. О нет-нет, если каждый раз наказывать, человеческому обществу придет конец.

— Хе. В общем, одержимый, не использующий аномальную функцию во зло, — жертва. Он просто ест, чтобы жить, потому в этом нет греха, так? Но разве это не странно, Арика? Почему он вообще ест каких-то собак?..

— Ну...

Почему он ловит и ест собак? Чего тут думать. Юкио просто не может достать обычную еду. При таком теле и на рынок не зайдешь, да и не запасешься заранее.

— Даже притом, что он вламывается в чужие дома и ловит собак? В таких домах холодильники ломаются от еды. Почему он ее не трогал, а ел только песиков?

— Так ведь, ну...

Нет, дело не в доступности...

Он уже не интересуется обычной пищей.

— Такие дела. Традиционная еда не проходит по критериям. Он попробовал все что мог, а из редкостей были собаки, кошки и прочее. Арика, ты знаешь, где продают собачье мясо?

— Нет. Думаю, что обычно на такие одноразовые вещи спроса нет.

— Вот видишь. Раз в магазине не продают, остается лишь добывать самому. К счастью, собаку или кошку найти проще простого.

— Вопрос: а как же птица или рыба?

— Пойдет, но нет смысла. Их же можно найти в магазинах. Наверняка он это еще до одержимости кушал за мирным семейным столом.

А-а, ну да. Я тоже рыбу ем.

— То есть собаки это не последний довод королей. Он просто хотел есть именно их.

— Вот-вот. Он, похоже, пробует сейчас самые разные вещи. Итак, вопрос. Когда этому анорексично-булимичному одержимому надоест собачье мясо, что он будет есть дальше? Хихикает.

Как предсказатель, говорящий о разрушении — рано или поздно, но оно грядет.

Мышление и инстинкты остаются прежними. Поведение одержимого демоном человека, будь то по недоброй воле или еще почему, приводит к нелицеприятному финалу. Если причина поедания собак — просто «хобби», можно легко продолжить этот луч на пищевом графике. Если хочется белка, в городе полно более питательных животных. Население города Сикуры составляет около 150 000 человек.

— Думаешь, он переключится на человека?

— Ну, есть смысл попробовать.

— Чтобы узнать, вкусней ли люди?

— А?.. Гм-м, вообще-то дело не во вкусе. Но, конечно, если ударится во все тяжкие, тут все. Мато-сан развернется. Если она захочет, то фальшивку в бараний рог свернет.

Тяжело поднимаюсь. Не то чтобы я повелся на его речи, но захотелось убедиться, пока еще светло. Отсюда до консервного завода пешком меньше часа. Самое то развеяться.

— Прогуляюсь ненадолго. Вернусь до заката.

— Что, прямо так? Я левую руку одолжу.

— Не нужно. Мне сказали только установить дислокацию. Никто не просил его экторцировать.

— Ишь ты, то есть если бы просил, ты бы полез. Может, мне попросить?

— Спи давай, засранец мелкий. От тебя я никакой искренности не дождусь.

Море над головой превращается в пепельно-серое небо. Свободный от безумного подземелья, я меняю настроение, вдыхая полные легкие свежего воздуха.

Смотрю время на телефоне — уже больше часа дня. Значит, болтали мы около двух часов. Заодно на дисплее пометка о вызове. Звонок от Цурануи записан на автоответчик.

Подавив мрачные предчувствия, воспроизвожу.

«Привет, семпай. Это Михая. Насчет вчерашнего видео, я кое-что поняла. Знаешь, когда шла на подработку, внезапно осознала, и такое бывает, да?»

О, быстро поняла — для Цурануи. Или она каждый день в подсознательном состоянии, вот и осознала?..

«Да, так вот. Я забила на уроки, проследила, и недавно заметила Юкио-сан. Ты сказал слишком не связываться, так что я просто отнесу ему поесть хоть. На вид он жуткий, прямо мурашки, но ему вроде тяжело, ну, я не могу пройти мимо».

Запись закончилась. Черт, у меня всерьез кружится голова. Надо было сказать, чтобы вообще не связывалась, а не «слишком». Звонок был час назад. Дальнейших известий нет. Цурануи трубку не берет. Отчаянный звук вызова рефреном.

Сколько ни звоню, не берет трубку. Я чуть не раздавил телефон. По экрану пошла трещина. Э-эх, сломал. Куплю новый, надо этот ей потом отдать.

— О, взяла.

Звук вызова сменяется режимом разговора. Связь есть, но мне не отвечают.

Молчание длиннее, чем звонок. Из трубки слышится тяжелое, с присвистом дыхание.

Призвав на помощь нормальное воображение, догадываюсь, что творится на том конце.

Итак. В чьих руках в данный момент телефон Цурануи?..

— Ты — Юкио?

Мои слова оказались неожиданно ледяными, самому неприятно. Нет ответа. Я подумал, что ничего не выйдет и почти уже сдался, но тут...

— Збази медя-а, земба-ай.

Как бы выгоревший до неузнаваемости женский голос, и короткие гудки.

— Э, блин!

Перезвонить. Слышен звук вызова. Кто бы ни держал в руках телефон Цурануи, он явно больше не намерен говорить. По всему телу дернуло током, в голове белым-бело.

Полурефлекторно выместить злость на стене резервуара, назад вниз.

— О, забыл что-то?

— Ага. Дай мне протез, пожалуйста.

— Я же не просил.

— Я передумал. У меня противный звук к уху прилип.

Кайэ просиял, заискрился. Словно при виде кровного врага, мечь которому вынашивал долгие годы, — рефлексивная незамутненная радость.

— Это прекрасно, Арика. Человек, как Бог, не един. Он лишь пробудится и ненавистное посчитает милым. Каждый миг он рождается вновь.

Хватит пафоса, дай сюда протез.

— На. Береги его.

Черный, словно чернильный, протез левой руки в моей правой. Теперь нужен клинок.

Взять бы нормальный нож, но здесь есть только фруктовый. Ну и ладно, займу его.

— О? А нож зачем? Он пули на излете плавит, помнишь? Вряд ли холодное оружие поможет.

— Это для самозащиты, на всякий. Все, я пошел.

— Давай, удачи, Арика. Ты редко выходишь гулять; пусть тебе понравится, — улыбается в тени балдахина черное нечто.

С Ненавистью в правой руке я вышел из подземелья.

Когда я вышел на трассу, у остановки стоял незнакомый автобус. Везение насторожило, но все равно спасибо, сяду. Из пустого автобуса звоню на сотовый Мато-сан.

— Алло, это Исидзуэ. Сейчас я к тому одержимому, э, Юкио?.. К этой сволочи еду, к самому насесту, прошу заранее выдвинуть полицию. Отсюда мне минут двадцать, я хочу хоть на минуту раньше его оприходовать. Как не получится?.. Нельзя сразу без подтверждения?.. Понятно. Тогда не надо.

С моей неполноценной информационной поддержкой готова мириться, похоже, только Мато-сан. Спасибо ей за все, конечно, но какая-то она неожиданно бесполезная. Она у нас призванный варяг, офисные бои фракций сейчас в самом разгаре, наверно.

— А? Ближайший патруль ко мне?.. А, это нельзя. Потому что он точно будет отбиваться. Так и меня хватит. Мато-сан, вы где сейчас?.. Какое мороженое в «Аквалайне»? Офигеть, ты что вообще там забыла?

Положение все хуже. Даже безумная гонщица Мато-сан едва ли за полтора часа доберется до Сикуры даже по воде... Видимо, я прибуду первым.

— Тогда я пошел первым, если прижмет — прошу выручить. Это в промзоне, да. Адрес скину почтой, только, пожалуйста, скачите быстрее.

Кладу трубку. Протез так и лежит на полу, ожидая своего прихода к жизни.

Автобус на скорости втрое выше законной проносится мимо полей.

Так. Мне поистине не хочется, но появилась причина не смотреть сквозь пальцы. Без жалости и оправданий я начинаю третий эксторцизм.

На второе посещение завод впустил меня охотно.

Атмосфера запустения, наводящая на мысли о смерти. Местами выцветшая синяя краска. Безлюдные руины на грани конца. Единственное, что изменилось с прошлого вечера — то, что сейчас день, но если заходишь внутрь, вся разница исчезает.

Проникаю через заднюю дверь, прохожу по влажным сумеркам. Сбитая из фанеры недотма. Искусственное освещение не требуется. Особняк без жилья, оголившийся неприукрашенный цемент. Смутно видимый в сумерках коридор чем-то напоминает храм в катакомбах.

Коридор вскоре кончается. Я шел, ориентируясь на влажный запах, и оказался в полном мраке. То ли окна забиты тщательнее, то ли что, но тут нет даже щелочки дневного света. Вообще-то ситуация из заставляющих бояться, но, к счастью, чувства угрозы не стало вместе с левой рукой. Да и та сейчас захвачена протезом.

Протез только выглядит как рука манекена. Рабочих частей в нем нет; я будто отнял руку у изваяния и прицепил себе. Выглядит как человеческая, но это подделка, какие там пальцы — локти не гнутся. Вообще не подумаешь, что это тот самый особенный протез, бывший рукой Карё Кайэ. Еще бы. Ведь в этом протезе еще не течет кровь.

Без колебаний ступаю во тьму. Еще остался безнадежный, но шанс, что она жива. Мне надо действовать так, чтобы как можно скорее проверить это, но сохранять здравомыслие... Тут из кармана разнесся привычный звук вызова. Это от Мато-сан?..

Если она правда загоняла коней, то это замечательно, но — да, вряд ли.

— Алло, Мато-са...

Прикладываю к уху трубку.

В тот же миг к затылку прикладывается что-то тяжелое.

Бум-бум-бум. Мозги три раза кряду прикинулись шутихой.

Сетчатка перегорела. К сознанию обрыв линии. Контрольные цепи закоротило, и тело стало просто куском мяса.

За долю секунды приняв решение, закрепляю готовое потерять сознание. Сейчас не стоит. Иначе все придет к логическому концу, конечно, но не будет смысла в моем появлении. Уже практически грезя, не понимая, где явь, а где сон, я спасаю огонек свечи.

Бу-бух, бам.

Звук падения. Кажется, мне пустили ток в шею. Напряжение достаточно для отключки, но, к счастью, ампер-другой. Всего лишь парализовавший нервы, но непоправимый десятиминутный отрезок времени прекращения жизнедеятельности.

Бум, бум. Бум, жух.

Меня ухватили за щиколотки и волокут. В голове стучит — *бум, бум!* — наверное, потому, что поднимаемся по лестнице. Из-за паралича боли не чувствую. Мир вокруг все так же выжжен шутихой. Пока глаза не придут в норму, зрение не вернется.

Буф. Жух-х, жух-х, жух, бч, бчам-м.

Звук трения об пол плавно изменяется. Заодно голова шатнулась, словно я киваю. Меня поднимают. Сиденье. Меня сажают на кушетку.

Гук, шорк, гыц, гук.

Перепополняют мрачные предчувствия. Пытающийся вылететь рассудок вовсю воображает филейную ветчину.

Ага... меня, похоже, притащили на убой.

Возвращается зрение. Расфокусированный свет на сетчатке неспешно допускает мир к восприятию.

Хрясь.

— Кхы...

Первое, что пришло на ум, — мясная лавка. Затем — помойка с разбросанной едой. А под конец я осознал, что нахожусь посреди массы рвотных масс и испражнений. Я в широченном разрушенном зале. Наверно, использовался как склад. Пространство в форме квадрата семь на семь, даже став руинами, все-таки осталось складом.

Чавк-чавк-чавк.

Все стены увешаны трупами собак. Брошенные в угол, сейчас выдвинулись до самой середины разные объедки от чего-то. Воздух патокой облепляет кожу, задержусь — оуклюсь, наверное.

Все окна забиты — то есть нет, в этом помещении просто нет окон. Закрой двери — получишь полную тьму. Но запертое пространство освещено синеватым. Неведомо откуда получая энергию, на стенах торчат мониторы, им нет числа. С гудением они показывают пейзажи вокруг завода и коридоры первого этажа.

Чавк-чавк-чавк-чавк-чавк-чавк.

Слишком похоже на кино. Дуэт костей с потрохами и мониторов. Ощущение, что на операционном столе вскрыли живот, а оттуда вылез кинескоп.

Голубые экраны освещают комнату выделений.
А посреди этого ворочается гигантская туша.
Со звучным чавканьем потребляет запоздалый ланч.
Брызгаясь и сплевывая, мясной ком массой килограммов в сто пятьдесят обедает.

— ...реть. ...реть, реть, реть!..

На первый взгляд показалось, что к распухшей опухоли прилепили руки-ноги.
Строение тела — не на уровне «средне упитан, средний рост», а просто шар. Рост, в общем, с меня, но ввиду ширины выглядит крайне огромно. Одежда — одна набедренная повязка, похожая на рваную тряпку. Неудивительно. С таким телосложением даже кинг-сайз налезет ли...

— ДЕт, хВАтит, я дЕ ХочУ дАльше тОЛстЕть!..

Чавк-чавк-чавк.

Замечаю, что по стенам висят не одни только собаки. Были и ноги для двуногого перемещения, есть и вяленое мясо существа с двумя руками. Пол не разобрать. На груди мяса больше нет, а кожа содрана. Еще больше поразило, что нет черепа. Начисто срезанная черепная коробка. То, что было внутри, съедено, как пудинг. На полу — массы пустых бутылок. От уксуса. Этот мясной снеговик явно приправлял безвкусный ужин.

— ...реть. Хочубередь. Хочубереть, уберетьуберетьуберетьубереть!..

Повторяя «хочу умереть» и забыв про меня, он продолжает есть. По порции похоже, что есть он будет еще пару минут. Тело пока меня не слушается, да в придачу я привязан к сиденью. Он так маниакально меня перевязал, что даже дернуться не могу. Но это еще хорошее обращение, если сравнить с мясом вокруг. Я десерт?

Страх нет. Даже слабочувствительного меня это положение пугает. Просто то, что находится у ног мясной матрешки, начисто лишает мыслей. Плохо дело. Я так старался не потерять сознания, но тут рассудок поставил ультиматум.

— Эй ты.

Я зову его. Мясной снеговик медленно оборачивается.

— Ох... сВЯдой... одЕц.

Ему даже дышать тяжело. Ну, еще бы. Невыдержанное питание нарушает кислотный баланс в желудке, еда напихивается в неперевариваемых количествах, и судороги желудка передаются всему телу. Дыхание сбивается, кожный покров обильно потеет, все тело страдает от рвущих болей.

Ну да мне-то что. Дай рассмотреть получше оранжевое у твоих ног.

— Эй. Ты съел?

От одного моего голоса сыплются искры. То ли постэффект от удара током, а то ли распаленные эмоции. Сердце бешеной лошастью месит кровь. Это сигнал. Просто приставленная левая рука вместе с потерей спокойствия начинает *подключаться*.

— Чдо зьел?

— Мясо, что. Ты ж и сейчас жрешь.

Мясная матрешка, будто вспомнив, возвращается к трапезе. Уметывает пятьдесят кило подчистую:

— Де зьел, де зьел, подобу чдо живод зовзем буздой!..

Защлепал к десерту.

В руке — маленькая пила. В жирных пальцах она выглядит жалко, но вскрыть беззащитному человеку череп может.

— Что?.. Ты уже скольких человек съел?

— Зьел, до де съел. Бде бы долька дабидь живод, и взе, до я ем и ем, а де напoлдяюзь. Да я езли наемзя, стаду как радьше. Демон пдопадед, и мде стадет легче, дак Бог говорит.

Где-то я это слышал. Он тяжело отдувается.

— Бде дак жаль. Я уже де хочу ездь, до живод пуздой...

Он не слышит, что я говорю. Просто повторяет «мне так жаль». Он извиняется перед ненавидящим обществом за мою жертвенную судьбу, за его хищническую, за все это, — и плещет на меня уксусом.

— Прозтиде, броздите, бросиде...

Перед кем он извиняется? Не передо мной точно. Фусо Юкио признает свой проступок, значит — сохраняет адекватность. Нет, я сам из слабых. Но его слабость уже выпала с чаши весов людской силы.

Хрусть — мясной снеговик беспощадно придавливает мою голову. *Вжик* — пила касается виска. *Вжик. Вжик.* Мне, парализованному, не больно, но у левого глаза уже течет струя крови.

— Х!..

Тем страшнее, что не больно. Будь здесь зеркало, меня бы повело, наверное. Вжик, вжик. Я просто не осознаю, а черепная коробка понемногу рассекается, и только когда у меня не станет мозга, я наконец пойму, что лишился ума.

— Не бойзя, эдо де больдо. Де бойзя. Бдого раз броверено. Бозги де чувздвуд боли, можно збокойдо ковырядь пальцем.

Видимо, логика такова: если есть с головы, то дальше больно не будет. Я ему что, живая закуска? Мне уже хочется отключиться и покончить с этим. Но все-таки попробую позвать на помощь. Хотя шансов вообще нет.

— Нет, не надо. Спасите. Не хочу умирать.

Говорю автоматически. Раскаяние. Как только я начал говорить...

«Збази беда, земпаай...»

...навязшая в ушах мольба эхом отдалась в голове.

Мясной снеговик прервался и осторожно смерил меня взглядом:

— Я бодимаю. Взе дак говоряд.

Довольный, как ребенок, нашедший собрата, радостно заулыбался.

— Что ты сказал?..

— Взе дак говорили беред теб, как их ели. Очедь жалко их. Оди блакали, говорили «збазите».

Вжик-вжик. Лобзик движется без остановки. Насколько он уже отпилил? Кровь течет по голове, заливает левый глаз. Но это уже неважно.

— Но оди де как я, я де могу их спасди. Оди де избрадды Богом, оди умираюд и де возрождаюдзя. Бде ходелось их зпазти, до де вышло. Мде их жалго.

Повторяя извинения, он вспоминает кого-то, кого не спасти. Извинившись, расписывается в своей слабости. Тут же плещет на меня уксусом.

— Бде так жаль. До я болею. Бде так надо, а то мде де полегчаед. Я просдо, пока дебе де больдо, тебя зьем...

Движения лобзика ускоряются. Начало мутить... Если его прежние обеды были в здоровом уме, они на этом месте, наверно, ломались. Только вот...

— Заткнись. Ишь, разохотился, извращенец.

Довольно. У меня уже нет причин находиться здесь. И нигде в этом зале. Нет причин ни понимать эту свиноматку, ни сочувствовать. Как нет и резерва удерживать хищника в левой руке.

— Какая тебе богоизбранность. Не перекладывай с больной на здоровую. Ты не избранный, ты сам во всем виноват, и только. Ты такой слабак, что смотреть тошно, вот ты и удрал в одержимость.

— А?..

Когда-то раньше я бросал прямо противоположные слова.

Если больной — иди в больницу. Святые отцы не лечат. Простите, это я не понимал. Он же хрен вылечится! Издавна говорят — нет от дурости лекарства.

— Чдо... У дебя цвед... глаз...

— Аха. Раньше уже был похожий на тебя одержимый. Черт, зачем я вспомнил. Какой там ад неосознанности, козел. Ты свою слабость подставляешь, как щит, и ее же защищаешь, одурел, что ли?

Бес заводится только в прогнившем рассаднике. Стал нечеловеком через одержимость — это чепуха. Кто с самого начала полон дыр, кто слабак без права на амнистию — именно в таких вцепляется демон. Посредники отдыхают.

— Ты, кабан. Ты стал одержимым не потому, что нищий духом. Некто Фусо Юкио небось по дефолту был слабаком. Не знаешь своего места, вот и дошел. Неудачно рожденный, неимущий, зато задираешь нос, типа избран. Придумал, что хочешь переродиться.

— **Т... Ты чего ты чего ты чего!.. Никому де подяты! Я броздо хочу, чдоб было легче, я до зих пор был слабым людишкой и броздо хочу береродиться зильным!.. Чего в этоб блохого?!**

— Того. Люди равны, потому что неодинаковые. Понимаешь? Если задано не среднее, а верх и низ, то это хорошо. Не думай о балансе как о весах, слабак. Слабачок на дне жизни хоть обстремится вверх — а просто доставит всем вокруг хлопот.

— **Я де злабак!.. Я де здабый, я сильдый человек, очедь зильдый, Бог дал бде зилу, и я стал сильдым человекоб!..**

— Не может такого быть. Человеку способности даются с рождения. Нет людей, которые из слабых могут стать сильными. Ну-ка, чего? Есть такие, кто в поте и крови пришел к успеху? Они просто были такие сильные. Ты виды-то не путай, хряк. Тебе тоже жизнь все прекрасно дала понять, да? Что человек не может так брать и тасовать туда-сюда.

— **Б... бф, хаф!..**

Да, изначально слабый — слабак по жизни.

Именно поэтому человек, который осознал, что всю жизнь будет слаб, хотя бы не будет думать, что достоин спасения. Это самая банальная гордость слабых. Слабак, живи, гордясь по-слабачьи своей слабостью. Говорю, ибо сам слабак. А в тех, кто эту гордость отбросил, нет ценности, которую в них стоит отыскать.

— Скромный, но любимый родной дом, да? Вот когда ты завидуешь другим, ты сам себя поносишь. Твоя ценность невелика, поэтому ты стал таким нечеловеком, который продал душу демону и опустился ниже слабаков. Глянь-ка на нижний класс, похожий на кучу хлама. Вот там твоя конечная, на выход. Кто хоть раз недооценивал человека, тот ничем не сможет спастись как человек.

— **...нись... ЗатКНизьзаткнизаткнизаткдизь!!! Собака! Ты де человек, ды мясо и лаешь, как пес! Не змотри! Ды мясо, де сботри да медя свысока!**

Распалается. Бросает пилу.

Каннибал-одержимый хватает мою голову в лапищи, как перчатки кэтчера.

— **Я проздо ищу, ничего плохого де делаю!.. Я же броздо ищу, как мде сделадь легче, так чдо, чдо ды делаежь бедя злодеем?!**

На жирных руках вздуваются вены. Фусо Юкио, как собакам, которых убивал, сдавливают мне голову...

— Нет, ты взял и нарушил мои правила. Убил близкого человека.

И неожиданно тому, кто стал похожим на убитое им мясо, в грудь влетело *нечто*.

Вгрызаются челюсти. Против моей воли взметнулась левая рука, перегрызла пути из проводов и безжалостно протаранила мясной шар. Пущенный вплотную на скорости пятьсот метров в секунду разрывной снаряд. Двухцентнерная туша весело отлетела к стене.

Роняю громкий грудной смехок. Чувство рождается не в голове, но в сердце. Ну, раз голова парализована током, она и не должна нормально работать. Еще две минуты тридцать секунд до восстановления цепей, я не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Но пока тело живо, оно функционирует. И видало оно этот мозг, в синапсах лиганд пронзает рецептор, словно единственная в мире вещь, летящая быстрее света. Кровь спешит по магистралям и проселкам со скоростью триста километров в час.

Бегают по кругу токи, кровь, мозговые аффлекторы, клетки воспаляются, нервы кругом корчатся от боли, ощущения сводят с ума. В какой-то момент резко, как гильотина, опускается рука. Срез левой руки, с момента потери ни разу даже не нывший, впечатывает в меня накопленную за два года боль.

Впечатывает. Срез плавится и объединяется с черным протезом. Струи крови вливаются внутрь протеза, как цунами. Это как клубень-акселерат. Поток крови становится нервами и скрепляет меня и протез. *Живой. Живой. Живой.* До сих пор бывшая как манекен рука вздрагивает, отзывается. Ушедшая из этого мира левая рука обретает форму и возрождение. *Хорошо.* У меня настроение — *да гори оно все огнем*; все-таки живое тело — это круто! Живой, я-то, да мать мою какой я живой!

Ржу. О черт, мне слишком весело. Встать-то не могу, а развеселился, гм.

Мясная матрешка воздевает себя на ноги, набухает, из рассеченной груди льется кровь. Рана похожа на рассечение мечом от плеча до пояса, я тот еще самурай.

— Но злбый и белкий демон. Ты совзем де зтрашдый.

Стало пахнуть чем-то чужеродным. Возбуждись от удара, наверное, мясной снеговик весь вспотел. Это и есть его кислота? Она полностью покрывает тело, и хоть бей, хоть получай — переплавки мне не миновать. Как у него тело устроено...

Медленно приближается. А я никак не встану с кушетки. Это наш мясной друг четко понимает.

Мясной снеговик... Юкио, словно вспомнив, берет бутылку с уксусом и приближается к неподвижному мне, уже забыв про укушенную грудь. Нехило, у него в голове только еда, и все!

Мешки щеek расплылись. Наполнив ладонь желудочным соком, Юкио нежно улыбнулся. Однако он не учится.

Расплавленная желудочным соком рука поднимается.

— A?..

доля, а следовательно, можно сказать, он еще жив, или как-то так. Хотя да, наличие этой доли — лишь вопрос времени.

— **Дет, збази, зпаси бедя, Боже!.. Больдо, больно, бочебу дак тяжело, я же де видовад, это же де болездь, я же де виновад, чдо одержим бесом, я просдо избран Богоб!..**

А-а... Вот последнюю часть я, кажется, когда-то днем слышал.

— Я позабыл, но мы вообще с тобой встречались?

— **Да, да!.. Давдо еще, очедь! Ты сдолько раз приходил!..**

Днем, значит. Тогда я не вспомню, пардон.

Напрягаю правую руку. Кое-как можно двигать.

— Вот как. Тогда хотя бы ответить надо, а то нехорошо, да?

Так, нож... отлично, не выронил.

— Тут делать нечего, но твои чувства туда не докричатся. Черт и Бог — просто безнадежно разные вещи. Черт немошен и трется с людьми, а Бог человека в гробу видал. Посвященность ему неинтересна, и как человек развлекается и страдает — его не касается. Очевидно же, ему и одному хорошо. Все знает, все может — это оно и есть. Бог тебя не будет спасать. Бог вообще уже давно все сказал.

Почерневший до носа Юкио жалобно смотрит на меня.

Я сжимаю нож и говорю напоследок:

— А именно: «Задолбали, отвалите».

— А...

Заплывшие жиром глазки ошарашено смотрят на меня.

Перед тем, как челюсти черной собаки сомкнутся над последними десятью процентами, я резко опустил нож.

С одного взмаха срезав плоть, убираю нож. В зале стало тихо, как под водой. Мясной снеговик не шевелится, а слепой черный пес со звучным сопением ищет еду. Потеряв зрение, он ищет свое лакомство по запаху. Так и до невкусного мяса может снизойти, а потому, левой рукой вытащив пораженный орган из мясной груды, я сдал его черному псу.

— Уй!.. М-да, с отрезанной рукой живо только осязание... сколько раз делаю, никак не привыкну.

В последний момент отделенная левая рука. Подключившийся, ставший со мной одним протез не отпустит, если не отрезать лезвием. А если отрезать, бесформенное вернется в старую форму... Физическое тело Фусо Юкио пока на месте — значит, не осилил доесть. Как черный пес увлечен едой, так и я кое-что ищу. Полагаясь на свет от мониторов, я обшарил все помещение, но кроме нас никого живого не нашлось.

Подбираю телефон, который был под ногами мясного снеговика. Даже в сумраке видно флуоресцентный оранжевый. Тот, который я видел намеренно в руках знакомой.

— Пошли. Ты уже поел.

Нет ответа. Я оборачиваюсь и не вижу черного пса — на полу одиноко валяется отрезанный протез. Не приставляю его снова, а просто беру и двигаю на выход.

До захода солнца еще три часа. Еще три часа или всего три часа?.. Проклинаю свою память, считаю это неоднозначным промежутком отпущенного мне времени.

Я очухался, когда солнце давно зашло. Не знаю, почему, но настроение совершенно унылое. На часах — почти девять. На столе лежал черный протез Кайэ. Борясь с мигренью, проверяю заметки. Ожидал наскоро написанного: «Ничего особенного», — но страницы за сегодня не было.

Блокнот порван на семь дней в прошлое.

И не подумал ломать голову, почему так, зато жутко проголодался. Наверно, с утра ничего не ел. Если принять вчерашний клубный сэндвич за нормальную еду, получится, что я не ел ровно сутки. Нельзя так, нельзя. Человек при любых бедах должен кушать, а то умрет. Все еще одетый в то же, в чем задремал,двигаю в привычную пивнушку. Туманность наша в час ужина забита народом, не продохнуть. Зря пришел. Решив на сегодня сменить рукав галактики, разворачиваюсь на каблуках. И тут среди толчеи мне бодро машет рукой одна дура.

— О, семпа-ай! Ура-а, давай сюда-а!

А хотя... искать сейчас другое заведение влом. Настроение как-то вдруг поправилось, и я решил сесть напротив нее.

— Ну что ты так поздно, семпа-ай! Снова был у Кайэ-сан?

Цурануи, негодующе мыча, надувает щеки. Начала она точно такой же фразой, что и вчера, но я совершенно уверен: о встрече мы не договаривались.

— Семпай, что ты устался на меня? Ой, я сегодня не накрашенная...

— Да так. Ты почему вообще жива?

— А? А почему я умерла?

Недолгое молчание. Смотрим исподлобья, как застенчивая пара на свадебном интервью.

— Прости, сам не понимаю. Ну, жива и жива, и фиг с тобой.

Заказываю у хозяина клубный сэндвич и стакан воды. Странное беспокойство начисто испарилось, и мы с Цурануи легкомысленно треплемся, как обычно.

— А, точно! Смотри, семпай, новая мобилка. Теперь взяла яркий, по концепту экваториального пояса. Миленький, правда, как хамелеон?

Офигеть. Ты ведь то же самое и вчера говорила, Цурануи.

— Вот, я позвоню, а ты запиши номер... Э, что? Семпай, ты оставил телефон дома?

— Нет, сотовый у меня с собой.

Сую руку в карман. Вытаскиваю телефон оранжевого цвета.

— О, моя мобилка! Почему она у тебя, семпай?

— Ну, как почему? Подобрал.

Других причин нет. Я не помню, как именно подбирал, так что гадать без толку.

— А. То есть ты услышал мою запись и сходил на завод? Нашел Юкио-сан? Стыдно сказать, я испугалась и сбежала на полпути.

Опять мигрень. Я не помню, при этом чувствую, что много чего стало ясней, но лучше не буду допытываться. В блокноте ничего не было. Тот я, который был три часа назад, решил, что так и надо.

— Хм? Семпай, зачем ты делаешь страдальческий вид?

— Не знаю. Человек без зеркала не в курсе, что у него на лице написано. А этот телефон...

Я хотел вернуть, но передумал. У Цурануи есть новый, а у меня почему-то телефона нет.

— Можно я возьму? Похоже, мой пропал.

Девушка ошарашенно таращится на меня.

И уж не знаю, какие химические процессы прошли в ее мозгах, но она краснеет и начинает писать пальцем прописи на столе. На дом ей задали букву "о".

— Ой, тебе что, так интересна моя личная информация, семпай? Хе-хе, ладно, тебе можно... вот.

— Хм, я только что его сбросил.

— Быстро! Какой же ты, ну хоть немножко поинтересовался бы-ы-ы-ы-ы!
Стучит руками по столу. Громче и придумать нельзя, все взгляды на нас. Но какая-то химия и во мне решила, что сегодня пусть она делает, что хочет.

— Тогда это мой. Заплачу позже.

— Хорошо. Береги его!

Взамен потерянной вещи опускаю в карман потерянную вещь. Неясная тяжесть на сердце как будто стала легче на один сотовый телефон.

На сей раз постараюсь по возможности хранить.

К простецкой вещи больше привязываешься. А если присмотреться, то и цвет, который кто-то легко заметит, не так уж плох.

3/junk the eater

В тот день работа неожиданно началась с вечера.

Кайэ связался со мной, дал дневной отгул ввиду каких-то изысканий и сказал заглянуть вечером, эгоист как он есть. «Когда я стал твоим слугой?» — горело в груди бунтарскими буквами, но поскольку, как ни смотри, я оный слуга и есть, то уж появлюсь.

— Так вот, экторцизм Фусо Юкио, имевший место тринадцатого октября... Эй, Арика, ты слушаешь?

Насколько ж ему делать нечего... Дело Кайэ ко мне состояло в том, чтобы я ему рассказал подробно, как провел какой-то экторцизм кучу времени назад. Я слышал, что прославившийся собакоубийца схвачен, и, кажется, это я его скрутил.

Разумеется, сам я совершенно не помню. Если что и вспоминается в связи с этим одержимым, так это как Цурануи что-то лепетала и показывала ролик.

— Арика, ты не помнишь? Не можешь же ты совершенно ничего не знать. Что стало с блокнотом, с телефоном?

— Ну, все куда-то делось. Похоже, от физических свидетельств я полностью избавился. Поэтому, как ни проси, я не могу рассказать, что там было.

— Ух, скрупулезный ты. Тогда истории не выйдет... А я хотел спросить, сколько он ел. И почему именно ты снова не убил одержимого.

Кайэ улыбается, взмахнув длинными волосами... Неприятный взгляд. Его слабопигментированные глаза словно видят глубины, куда даже мне хода нет.

— Да ну. Если не убил — значит, не такой был противник, чтобы убивать. Одержимость же болезнь, надо обходиться соответственно.

— Ишь. Ты мог себе такое позволить. Но, Арика. Этот протез сделан из моих эмоций! Если ты запустил левую руку, это значит, что эмоций у тебя хватало. И ты, как я помню, спустил на Фусо Юкио «ненависть».

Протезы Карё Кайэ. Четыре чернильно-черных члена. Что они такое — даже я, столько с ними прошедший, не знаю.

Только вот сформировались они из эмоций. Это части тела, созданные для придания созданию по имени Карё Кайэ «человеческой формы».

Потеряв левую руку, я перестал чувствовать угрозу. Изначально целостное тело понесло потерю и потеряло эмоцию. Тогда, если принять идею, что человек от рождения лишен осязания, почему бы не посчитать, что и в обретении эмоций он также может имитировать «человеческую форму»?

Например: отсекая четыре базовые человеческие эмоции, он придал форму тому или иному осязанию...

— Мне обидно. Я так надеялся на этот раз, а Арика опять спасает человека. Э-эх, а ведь мне тоже хочется кушать. Может, мне из себя выйти, а?

Сейчас к Кайэ прикреплены обе руки и обе ноги. В подземелье никого, кроме нас двоих. Ни плавающей в небе рыбы, ни спящей в тенечке собаки.

— Пф, ну выйди, дело твое. И, сразу скажу, я людей не спасаю. Я не помню, конечно, но не убил я его ради себя же. Других причин выручать одержимых у меня нет, — я дедукцией вывожу собственное прошлое, которого у меня нет.

Едва ли я сочувствовал одержимому. Я просто не убил его для своего блага. Бинарная тема. Как бы противник ни был нечеловечен, как бы мне ни было на него наплевать, я скорее всего не хотел зацепить свой «здравый ум».

Если человек хочет до конца оставаться приличным, он по возможности не будет отягощать себя виной. Я не для того отпустил противника, чтобы дать ему жить, а просто для защиты собственного баланса.

— А, понял. Ты не желал искупления вины Фусо Юкио, ты просто ставил во главу угла обычную жизнь Исидзуэ Арики. М-м, так нечестно. Когда ты такие умильные вещи говоришь, я не могу жаловаться!

Ага, как скажешь. Это была фраза номер один, которую я не хочу слышать от мужика, да еще и мелкого засранца.

— Ну что ж, будем ждать следующего случая. В кои-то веки Мато-сан поделилась материалами, но теперь они не пригодятся. Если для тебя Фусо Юкио — неинтересный одержимый, то нет смысла дальше тебя мучить. Арика, отдай это ей.

Кайэ протягивает мне конверт.

— Мато-сан? Почему я?

— Это то, что у тебя было с собой... Ах да, ты и это забыл, дело было днем. Тогда ты не помнишь даже, почему Фусо Юкио стал одержимым. А ведь причина была в анорексии, ты должен посочувствовать.

— Анорексии?..

Этот собачоed стал одержимым из-за анорексии?.. Странно. По видео Цурануи он показался мне до невозможности полным.

— Что? Тебе же неинтересно.

— Не интересно, но загадочно. Дай-ка конверт.

Пробегаю взглядом по одолженным Мато-сан материалам дела.

И правда. Заключение, что причина была в анорексии. Однако это противоречит поеданию шестидесяти килограммов в день... Если анорексия стала причиной одержимости, он стал бы одержимым, который «перестал есть».

— Кайэ. Это как? Если он анорексик, почему располнел-то?

— Как почему... А, ну да. Ты ошибаешься в главном, Арика. Ты ведь думаешь как-то так, да? «Фусо Юкио дали неверный диагноз. Он, очевидно, одержим тем, чтобы есть, поэтому причиной должна быть булимия»?

— Ага. Тут ведь остается только пенять на аномальное усвоение пищи.

— Я и говорю, ты неправ. Анорексия, булимия. Это два противоположных синдрома, но они исходят из одних психологических факторов. Арика, здесь и то, и другое — психическая болезнь, которая исходит из страха «не хочу толстеть», еще у женщин часто бывает.

Кайэ говорит, что все это — болезни потери контроля над телом от эмоций. Короче — проблема «прибавить» и «отнять»; при этом и отвержение еды, и переедание — перешедшее границы «уменьшение количества».

Анорексия — страх роста массы тела, страх принятия пищи. Желудок перестает принимать еду.

По сравнению с этим, булимия — случай «не смог похудеть». Эти болезни — бич людей, толстеющих, невзирая на любые усилия; можно сказать, это форма выхода из колеи стресса по отношению к еде.

Как анорексик видит свое иссохшее тело и не замечает никаких аномалий, так булимик хоть и мыслит в духе «не хочу толстеть, не хочу видеть себя толстым, хочу умереть», под этим стрессом вынужден продолжать есть.

Но эти недуги, близкое к саморазрушению устройство психики — никакое не противоречие. Эта эмоция есть в каждом человеке. Страх стать уродом невозможно игнорировать, что бы ни произошло.

— Понятно. Но как оно перевернулось вверх тормашками? Пусть причина одна, все равно же пути совсем разные. Фусо Юкио был анорексиком. Разве демон в нем не должен был возненавидеть саму еду?

— Угу, в этом заключается самый забавный момент этого дела. Фусо Юкио долго был анорексиком. А если так, как думаешь, какая эмоция в его борьбе с болезнью закалилась больше всех?

— Разве не страх потолстеть?

— Нет, еще проще, базовая для живого существа. Сдаешься? Фусо Юкио ведь уже много лет не наедался вдоволь. Что бы тебя на его месте тяготило?

— Голод... Точно, ведь парень, в общем...

— Да, просто оголодал. На эту эмоцию среагировала болезнь, и родился одержимый-обжора.

Вот потому и булимия. Понимая, что если будет больше есть, то располнеет, Фусо Юкио, ведомый пустым желудком, вынужден был продолжать потреблять еду...

— Погоди. Тогда почему собаки? Голодный желудок ведь ни при чем, когда злонамеренная диета. Если просто голодный, мог бы что-то обычное поесть. Не верится, что собаки и кошки оказались вкуснее нормальной еды.

— А-а, ну да. Я же говорю, дело не во вкусе. Причина одержимости — пустой живот, но цель у Фусо Юкио была другой. Помнишь, что причина анорексии и булимии одна? Причина одна?.. Кайэ только что это говорил, но ведь у анорексии и булимии...

— А... Это ведь шутка? Юкио что, ел всяких собак и людей, потому что...

— Потому-потому, Арика. Когда Юкио стал одержимым из-за пустого желудка, он должен был все время продолжать есть. Больной анорексией, вечно голодный. Для не желающего полнеть Юкио это был ад. Он был зациклен на фантазии фундаментальной, кто угодно бы так подумал; а именно — если нельзя это остановить, надо найти то, что можно есть и не полнеть.

Вкус вообще ни при чем. Более того — как бы ни было невкусно, для Юкио еда, от которой не толстеют, была бы идеальной. Но такой еды не существует. Как минимум, ее не было в среде обитания Фусо Юкио. Поэтому он продолжал искать новую, ранее не испробованную пищу, как спасение.

— Теперь понял? Но, конечно, в наши времена это вовсе не редкая диета. Сбавь калории, полегче с выпивкой и бессонными ночами. Это не про кого-то там, Арика. Никто из людей не желает носить лишнюю тяжесть. Хотя бы для тела, которым можно управлять через еду, надо все дозировать правильно.

Возвращаю материалы в конверт и глубоко вздыхаю.

Вот честно, ничего в этом приятного нет. Не знаю, кто это и откуда, но чтобы так вот сходить с ума по такому поводу...

— Сенкью. Теперь все ясно, и, раз все утряслось, пойду я домой.

— Что, уже? Ты же только пришел, мог бы еще посидеть, отдохнуть. А, или оставайся ночевать! Мы только днем и говорим, давай иногда говорить хоть о чем-то, что останется в памяти.

— Не хочу. Здесь выпить нечего, темно, и деньги я уже взял. Хотя бы в день зарплаты хочу пошуметь в приличном заведении.

Да к тому же, я совершенно не в настроении, да и физически не готов протрепаться ночь напролет с Кайэ, который при всех протезах.

— Ну, пока. Если так уж хочешь поговорить про одержимых, лови Мато-сан. Вам будет весело, оба сторонники истребления. И вообще, не впутывай меня, обычного слабака.

— Что ты говоришь, Арика? Ты ведь и сам нечто похожее. Ты хорошо себя знаешь? Со стороны полноценный одержимый.

— Гм. Это твоя левая рука; ты просто меня подзуживаешь, и я пользуюсь. Это как бы приложение, она мной не владеет.

— Не так. Я говорю про твоё устройство. На закате ты забываешь все, что было днем, — так жаль тебя, что видеть невозможно. Ты же каждый день вечером как будто умираешь.

— А, ты об этом. Вот пристал тоже.

Поднимаюсь с софы, сжимаю под мышкой конверт.

Сегодня яркая луна. Вода в резервуаре какая-то особо прозрачная — даже при волнении свет проходит прямо.

Так. Конечно, несущественно, но у меня есть одна вредная привычка. Я ее осознаю, но при этом не могу исправиться, поэтому она и есть вредная привычка.

— Слушай, почему меня жаль? Если подумать, неплохо же я устроен! Вчерашние счета я могу напрочь забыть, так-то.

Да. Как и сказал Кайэ, я забываю то, что было днем. Все, что произошло с момента пробуждения утром и до заката, я забываю начисто вечером того же дня. Могу запомнить по порядку только то, что было ночью, но вот память дня моя посуточная частичная амнезия сбрасывает на каждом закате. Таковы симптомы Исидзуэ Арики. Это вторичное заболевание в связи с отъеданием моей левой руки. Как говорит Мато-сан: безвредный одержимый.

Еще кое-как повезло с тем, что становление моего характера уже закончилось. Я не малец, неспособный различить добро и зло, и то, что я теряю память о дне, ничем конкретным не мешает. В целом, я не делаю днем обещаний на завтра, все решения принимаю ночами — жить можно.

Поэтому и в блокнот я записываю только минимально необходимое. Изю дня в день уже два года по блокноту тянется коротенькое «ничего особенного». Нет необходимости каждый раз записывать день до мельчайших деталей. Не проблема, что бы ни случилось за светлое время суток. Что бы ни случилось, не происходит ничего, что мне хотелось бы записать.

— Хочу жить беззаботно — это мое кредо. У меня есть тело, с которым можно забыть все скучное. Тебе нечего мне сказать.

Поворачиваюсь спиной к лунному свету. Время уже позднее. Пока не сменились сутки, надо быстрее вернуться в квартиру.

— Понятно. Действительно, печалей должно поубавиться. Нет памяти — нет и тяжелых раздумий. Но, Арика... ты ведь понимаешь, что жить легко и наслаждаться жизнью — это разные вещи? — извещает Кайэ голосом, похожим на колокольчик. Глаза, как жидкие кристаллы, радостно отсвечивают золотом. — Говоришь не «живу беззаботно», а «хочу жить беззаботно»? Но это не кредо, а просто желание. Ты сам с собой не в таких ладах, как прикидываешься. Так тебя вправду когда-нибудь оседлает что-нибудь нехорошее.

— Глупости, нехорошее меня уже оседлало. Э-э, ну, гм. Как ты часто говоришь, чем отличаются фальшивки и настоящий. Вот это самое можно еще проще отличать.

— Да ну. И как?

— Одержимость паразитирует на людях. А *настоящее* не паразитирует ни на ком. Давно говорят ведь: демон появляется взамен души человека. В общем, ребята делают бартер. В синеватой тьме мне чудится откровенный оскал. Чертов малец живо понял, что я имею в виду.

Я хочу его левую руку. Он хочет мою левую руку. Ну и вот. Сделка с демоном — да я уже давно ее заключил.

— Ну все, пока, завтра вернусь.

— Угу. Давай, завтра днем увидимся.

Не оборачиваясь, выхожу из подземелья.

Когда я оказался на поверхности, вокруг была полная темень. На дне моря было светлей... легче не стало.

Прохожу лес и топаю вдоль полей.

Звезды высоки, ночь длинна. Человек может прожить и без половины каждого дня. При этом сейчас я одорукий, что как раз подходит получеловеку.

Направляясь к городу, я вынимаю оранжевый сотовый телефон и звоню случайной знакомой.

— Э, алло? Хэллоу, Цурануи, время есть?

Так. Деньги тоже есть, пора впервые за эти дни как следует набить себе живот.

／ Анорексия, булимия — конец

Выхожу из руин. Я как-то расслабился, вдохнув свежий воздух, — в общем, присел отдохнуть. Вынимаю сотовый телефон и еще раз прокручиваю автоответчик.

«Привет, семпай. Это Михая...»

Удалить.

«Недавно заметила Юкио-сан. Ты сказал слишком...»

Удалить.

«...но ему вроде тяжело, ну, я не могу пройти мимо...»

Удалить.

Если я так надумал, надо и историю звонков удалять поштучно. Занимаюсь абсолютной ерундой.

— Эх.

Я вдарил телефоном об стену и попинал его. Вот и все. Теперь зайдет солнце, и всему конец. Но нехорошо будет, если останется какая-то смутно намекающая запись. Работая с воспоминаниями об утраченном, надо удалять все на корню.

Тут на дикой скорости в ворота завода влетел красный автомобиль. «Volvo» Мато-сан.

Круто, и правда, часа не прошло, как она примчалась.

— Сёдзай.

Подбегает. Явно беспокоится обо мне, малость приятно. Как бы сам ни был бесчеловечен, как бы она ни была холодна, душевное движение радует.

— О, хай. Вы быстро.

— Хотя и опоздала, похоже. Смотришься не ахти, Сёдзай. И что за вонь? Ты что, обливался уксусом?

Именно так. Но я говорю с Мато-сан, любительницей джанк-фуда; если ответить честно, она съест меня с потрохами, так что промолчу.

— Ну и что тот одержимый?

Видимо, смысл не «где он», а жив ли.

— Валяется на складе на третьем этаже. Вы сегодня уже ели?

— Автомиль и два ливсандвича. Что это ты вдруг?

— Ну, просто злой вопрос. Ладно, я пошел. Уползу, пока полиции нет.

— Ну да, это верно. ...Так, Сёдзай, стой. Ты эту девочку не помнишь?

На протянутой мне фотке — школьница лет четырнадцати-пятнадцати. В чересчур памятной форме, тонкая, как сухое дерево.

— Ага. Это кто?

— Наш одержимый. После того, как ты днем ушел, я поехала к родителям и взяла ее фотографию.

— Ого, это была женщина?

— Девочка. Фусо Юкио. Вроде была с тобой в одной школе, не помнишь?

— Вообще нет.

— Ясно. Ну да, нельзя же столько совпадений сразу. Ты молодец, можешь идти. По обстановке потом нагряну порасспросить.

Мато-сан с кем-то созвонилась и вторглась на территорию руин.

Ну а я с протезом в единственной руке ухожу с завода. Однако надо же. Так это была девочка, а что мне казалось мужским родом — ослышки.

Мне почудилось, что если я буду задумываться, приду к нехорошим выводам, и я запираю воспоминания и выкидываю ключи. Вырываю страницы за семь дней, и вот на этом финиш, никаких шрамов. Только слова, что завязли в ушах, я не смог качественно усмирить.

Три часа — и день закончится. То ли еще три часа, то ли всего три часа.

Я припоминаю наш разговор.

Я такой же слабак, как и она, потому чуть лучше остальных смог ее понять.

Но здесь таится западня. Слабака поймет только слабак. И оттого, что слабак слабый, ему не хватает сил спасти другого. Мы оба слабаки, и именно поэтому, понимая ее тяготы, я не смог протянуть ей руку помощи.

«Збази бедя, земпа-ай...»

Кто-то сказал: «Изведай горе». Но вот изведал, и оно не останется в сердце, и сказочке конец. По минутному колебанию я решил записать все настолько подробно, насколько хватит времени. Но из-за бессмысленности подавил порыв.

Да и пусть.

Все забудется, когда наступит ночь.

／JtheE.end

2.

HandS.(R)

isconnection
isorder

...За что бы он ни брался, ничего не получалось.

Однажды в летнюю ночь, когда под Солнцем его нашел фантом, лежа наверху двухъярусной кровати, он смутно осознал: что, если он не только ужасно заблуждался до сего момента, но и в придачу не сможет теперь до самой смерти ничего исправить?

На другое утро беспокойство сбылось.

И сейчас добрая улыбка отца, если отбросить фильтр, была улыбкой, полной расчетливости, а нежные глаза матери лучились не любовью и заботой, но были очернены снисходительной жалостью.

На миг... он вспомнил друга, который просто наступил не на ту ступеньку и скатился по лестнице.

Если смотреть только на хорошую сторону, он был идеальным ребенком, почетным учеником. Если спросить у людей мнение о нем, все ценили его. Но...

Встреченный вчера фантом хихикает.

Знай свое место. Ничего не пойдет как по маслу.

Ты — *вечный неудачник*.

...Восстановление никак не хотело идти гладко.

Когда в твоём способе действий недостает важных, жизненно важных деталей...

Автомобиль, даже очень быстрый, неполноценен и бракован без тормозов. Когда-нибудь он не впишется в поворот.

Когда замечаешь расцепление, оно становится гораздо явственней.

И вот ты замечаешь, что ты, то есть нет, твой способ действий только вызывает всеобщую неприязнь. А раз так...

Ну а он...

За что бы он ни брался, у него ничего не получалось.

/Начало 2004 года

Хисаори Синъя, м., 16 лет.

Он оказался свидетелем в деле о выплеске агрессии Хисаори Макины, произошедшем в их доме, и после преступления его ментальное состояние стало нестабильным, ввиду чего его вменяемость была поставлена под вопрос, и он был помещен в данную клинику для процедур.

— А, имя?.. Вовремя спросили, нечего сказать. У того имени был смысл, но давно, и он большей частью выветрился. Однако, хм... Ну да, коль скоро в документах и результатах обследований оно осталось, то я определенно... это... Хисаори Синъя.

Сразу же после поступления в клинику Хисаори Синъя выражал нежелание сотрудничать, и не отметил не только свою причастность к преступлению, но и то, что он — Хисаори Синъя.

Следствие предположило, что это было попыткой увильнуть от состава преступления, но после обследования согласилось с психиатрами в необходимости диспансеризации. Трое врачей диагностировали редкое ментальное состояние, при котором пациент и рад бы признать, что он Хисаори Синъя, но не может в это поверить.

— Разумеется, как бы там ни было, я и есть я. Просто я ничего не смог. Я прихожу в себя, упав со стула, во мне ничего не изменилось, но — но мое место в жизни исчезло.

В показаниях Хисаори Синъя часты повторения «потеря себя», «захват». Ответственный врач отмечает скопобию, навязчивую идею чьего-то постоянного наблюдения.

— Так я и говорю — когда я упал, на стуле устроился подозрительный демон. Между прочим, вы сами оставили его резвиться на воле, пока не стало слишком поздно!

Приняв в расчет трагедию, в которой было двое мертвых и один тяжелораненый, а также ментальное состояние и возраст Хисаори Синъя, врачебная комиссия приняла решение, и пациент был помещен в клинику.

Через две недели после трагических событий Хисаори Синъя признал вину и раскаялся в своих грехах. В истории болезни было отражено, что ввиду временного характера буйного помешательства есть шанс полной поправки при соответствующих психиатрических процедурах, и он надеется на снисхождение суда.

Однако...

— Что?.. Шутите? Я не думаю возвращаться к прежней жизни. Скажем так, уже из-за того, что меня сюда поместили, мое реноме кончилось. Мне нет места в жизни, что я буду там делать? Только впадать в депрессию. Чужой среди своих — это не для меня.

Хисаори Синъя признал факт собственноручного убийства родителей, а также агрессию к старшей сестре, после чего...

— Поэтому я хочу побыстрее умереть. Просто пока я не могу этого сделать. Жутко, да, но это же моя миссия. Оставили бегать на воле-то меня же. О да. Я теперь должен использовать свою жизнь, чтобы свалить того демона.

Он до сих пор называет себя жертвой.

Нижеследующее представляет собой протокол событий трехлетней давности, при которых были убиты Хисаори Кодзи и Хисаори Каё.

«...Хисаори-сан из третьей — это тот образцовый, знаешь? Вроде выписывается. Надо же, такой маленький — а такое устроил. И ведь жалко его... Только вышел на улицу, раз — двоих убил. Это ж сразу в колонию?»

«Полгода назад да. А щас, ну, эта одержимая-то? В общем, из-за нее смерть родителей — несчастный случай, так, вроде бы, говорят».

«Да ну?! Я слыхала, это ложное обвинение, и, похоже, правда — он бузил, потеряв голову, только там что-то... повреждения трупам или что-то похожее».

«Вон как... Но а вообще, с чего все началось-то?»

«А? Ты не в курсе?

Ну, слушай. У Хисаори-кун есть старшая сестра...»

0/Hand (R)

2003-й год, начало лета.

Вестибюль этой клиники был весь забетонирован.

Застекленный вход с десятков метров в поперечнике скрывал картину, которая была ничем иным, как кошмаром для помещаемого сюда пациента, и я считаю, что физически заблокировать единственный вход-выход было очень нехорошо.

Дело было даже не в том, что пациенты, включая меня, не могли выйти наружу. А в том, что такой, вроде бы, огромный медкомплекс, а приходящих — ну, заходящих снаружи больных — не было. Ни одного. Больница, в которую нельзя приходить, — мне кажется, уже и не больница.

Разумеется, это все мое личное восприятие, потому что это была строго больница. Пять больших корпусов, но при этом медперсонала мало, не сто человек, отчего она была самой крупной больницей префектуры. Вообще, где мы — не знал ни один пациент. Расхожим мнением было «где-то на севере», хотя какая разница, выйти-то все равно нельзя. Говорят, перед тем, как стать здешним пациентом, когда одержимый еще живет в обществе, его отправляют в лабораторию. Лаборатории назывались, кажется, «Ольга», «Кинуи» и так далее. Здесь, конечно, не такое веселое местечко, а недвусмысленная клиника, и ради выздоровления нас, пациентов, день за днем изнуряет себя множество врачей.

Полностью белые здания без единого пятнышка.

Спокойная аллея, кристально чистые палаты, широченный сад с высокими стенами по четырем сторонам, стеклянная с одной стороны комната ожидания, обьятая солнечным светом. Не к чему придаться, кругом — порядок.

Именно поэтому фасадная сторона вестибюля была крайне необычной, ну а впрочем, это единственное место в клинике, где можно наблюдать серый цвет, и именно вестибюль как бы говорил нам, каково наше место здесь.

И только я стал возвращаться из вестибюля в корпус В, единственный с внутренним садиком, по клинике разнеслась музыка.

Адажио Альбинони.

В это же время несколько пациентов в комнате ожидания корпуса В безвольно расплзлись по палатам.

Личное время в каком-то из корпусов кончилось.

Когда приходит время возвращаться, пациентам крутят музыку дня. Услышал — вернись в свою палату. Опять же неприлично как-то объявлять: «Уважаемые пациенты такого-то корпуса, ваше личное время закончилось!» — и не дело, чтобы остальные пациенты знали, кто из какого корпуса.

Сегодня музыка, похоже, у всех адажио. Я из корпуса С, и у нас было адажио Брамса. То есть сейчас вернулись пациенты из корпуса либо В, либо А. Пациенты из D сюда, в В, не могут зайти, их можно исключить.

Вот так каждый день музыка меняется, и если любопытно, можно высчитать, кто в каком корпусе, но здешние пациенты не хотят заниматься такой ерундой. Все это по обоюдному согласию с персоналом.

Все пациенты, которым позволяют выходить из палаты, безвредны как трупы, так что в комнате ожидания все настолько чинно, что голова кружится. На софе, которую не набивали, наверное, со дня открытия клиники, как голубки на насесте сидят пациенты.

Выбеленная послеполюденным солнцем комната ожидания напоминает церковь. Глазам больно. Зрелище возносящих молитву трупиков под ясным солнышком. Это наводит меня на мысли о том летнем дне, и я присоединяюсь к компании трупов. *Пуф* — я шлепаюсь на софу, не в силах побороть головокружение.

Открытие этого изолятора — история десятилетней давности. Через десять лет после обнаружения переносчиков синдрома А — в просторечии «одержимых» — в конце концов был построен специализированный диспансер, где самый ранний — а может, самый старый — диагноз заболевания был подтвержден около двадцати лет назад. Симптоматика заболеваний была такой сюрреалистической (или превосходящей ожидания), что медицинские институты не успевали реагировать. В результате страна выкупила недостроенную муниципальную больницу на задворках префектуры N, заготовила ее для лечения «одержимых», и вот она стала этим диспансером. Позже обитатели корпуса А, поступив в нее, получили долг и право на спецпроцедуры. В эту клинику, единственный и величайший диспансер страны, стягивались все японские переносчики. ...Хотя паттерны заражения ограничиваются только востоком Японии, поэтому «все японские» — неточное выражение. Как правило, пациенты с диагностированным синдромом А получали государственный уход, после чего их привозили в эту клинику и, в конечном счете, определяли в корпуса от А до D. Раз поступивший в клинику пациент не мог выйти до выздоровления и не допускался до личных встреч с родней. Это было неизбежно как в плане предотвращения утечки искаженной информации в общество, так и для защиты личной жизни пациентов. Даже сейчас, спустя десять лет, гриф секретности все еще был высок, но ведь описанное не касается конкретных пациентов. Это совершенно изолированное от внешнего мира стерильное пространство.

И сейчас я думаю, что этот мирок, наводящий на мысли о том, уж не вымерло ли все снаружи, был для них, переносчиков и пациентов, наилучшей средой.

— ...сан? Хисаори-сан, вам плохо?
От мягких слов головокружение отпускает. Поднявшись с софы, на которую меня бросило, я отвечаю: «Все в порядке».
Врачи, столпившиеся в комнате ожидания, привычно и быстро проверяют мне пульс на левой руке и зрачки, записывают: «Без отклонений».
— Ладно. Не перенапрягайтесь. Если не сможете вернуться в палату, не стесняйтесь, кричите.
Как всегда проявив рыцарское отношение, Доктор Айболит, он же доктор Кинуи, удалился.
«Переносчики» — это не в смысле, что наша болезнь передается воздушно-капельным путем или при другом контакте. Еще она не передается ни через слизистые, ни кожно, ни через животных. Как правило, больные не увеличивают число больных. Это единственная общая черта полиморфного синдрома А.
В подтверждение этой теории, Доктор Айболит бесстрашно прикасался к пациентам. Разумеется, другие врачи не были такими душевными, да и такими филантропами тоже.

На улицах людей с синдромом А зовут одержимыми. Грубая кличка, но в том смысле, что с ними не следует обращаться как с людьми, это истинная правда.

Все их мыслительные процессы становятся самую чуточку эксцентричными, а в теле отрастают новые органы. В легких случаях, телесные способности становятся сильнее или слабее, а в тяжелых — они множатся. Проще говоря, это сразу видно.

Например, у меня лицевые нервы стали чувствительнее, чем у обычных людей, но особых перемен не было.

Тем не менее, среди пациентов в комнате ожидания есть индивиды с шестым пальцем, с неведомыми наростами. На вид легко заметить.

То есть — разделение на тех, у кого изменились старые способности, и тех, у кого само тело изменилось.

Последние — это откровенные уроды, таким пациентам очень повезло, доктор Кинуи мог стать им как родной. Они словно встретили Будду в аду. Прозвище «Айболит» — не для вида. Когда говоришь с ним, просто чувствуешь — вдруг и правда сможешь вылечиться?.. Что ни говори, даже если вылечишься, совершенные преступления никуда не денутся.

Однако, уже из-за того, что меня поместили в эту клинику, моя жизнь кончилась.

— Как-то я уж слишком... Так далеко заходить было незачем.

С тех пор прошло уже два года. Я оплошал, попался. С решимостью устроить полноценное преступление я, не замарав своих рук, нанес увечья родителям.

Полгода моя жизнь проходила с этими людьми, которым ровно столько времени увлеченно готовилась эта сюжетная ловушка. Из такой особо не увильнешь. Папа и мама наступили на мину так, что любо-дорого было взглянуть — но попало немного мимо цели. В результате в доме легли рядышком двое убитых.

— Обидно. Черт с ним, с результатом, но ведь все было идеально подготовлено.

Но все мои хитрости не стоили и гроша, когда ненароком во мне заметили одержимого и меня поймали.

Это словно небесная кара. Порядок моих действий был совершенным. Оплошность заключалась в том, что у меня имелась цель, и, в конечном счете, словно компенсацией я оказался заперт в этом больничном корпусе.

Впрочем, по сравнению с другими пациентами, у меня есть надежда.

Спустя два года смерть родителей признали случайностью, и моя невиновность, в общем-то, была доказана. Я еще никого не убил, и можно было позволить себе немного оптимизма.

Сейчас меня беспокоило полное выздоровление и, в финале, связанная с этим свобода от этого места.

Я хочу вернуться в общество. Я с самого начала так старался. Я с самого начала ставил это целью. Меня задержал случай с папой и мамой, но в этом смысле я вернусь к невинности и создам себя заново.

Я раскаиваюсь. На сей раз я буду жить по-человечески, так, чтобы никого не ранить. Для этого надо сначала найти новый способ существовать — иначе, вроде бы, никак...

Когда я исполнился оптимизма и поднял голову, мне на глаза попала странная вещь.

Перед ведущей во внутренний садик стеклянной дверью происходило нечто невозможное.

Растворившийся в солнечных лучах мужчина с кистью в руке перед холстом. Примерно моего возраста, но седые волосы. Этот седой юноша со скукой на лице рисовал никудышную картину.

Впервые за два года у меня сами собой раздвинулись щеки.

Юноша, оттопырив губу, водил по холсту кистью. Он просто забавлялся рисованием, чтобы убить время. Вот дела. Чего это он? Не в силах побороть любопытство, я подошел к нему.

— Виноват, можно мне рядом пристроиться?

— Гм?

Мой язык начал разговор с ним до того, как пришло ощущение неудобства. В этом корпусе говорить с другими пациентами неудобно. Не запрещено — просто не ответят. Наверное, он выглядел настолько беззаботным, что эта впитавшаяся в меня за пару лет теория совершенно забылась.

— Ну давай. Только у меня стул один.

Он оказался беззаботнее, чем казалось издали. Мне вспомнилось почти забытое, слышанное бог весть сколько лет назад, искусство говорить естественно.

— Да я на пол присяду. Можно посмотреть немного?

— Пока не мешаешь. Однако и вкусы у тебя.

Седой хмыкнул, посмотрел на меня и ушел с головой в рисование.

Его взгляд немного пугал. Наверное, он всегда такой, но взгляд был похож на змеиный. У меня детское лицо, и я пробую выглядеть восхищенно. Его вид оригинален, он похож на уличного забияку.

Интересно, из какого он корпуса. В С я его не видел. Либо В, либо А. Скорее всего, А. Людей с таким здоровым видом в корпусе В я себе не представляю.

— М-м, а вы из какого корпуса?

— Из А. Извини уж, что занял место в В. У меня там страшная сестра, вот. Я стараюсь сбегать туда, где не попадусь ей на глаза.

Я присмотрелся — он был весь в родинках.

Я знаю только по слухам, потому что тихий, но говорят, непослушных пациентов обследует такой медэксперт, как черт из ада. Я почему-то решил, что этот человек у него завсегдатай.

— Хм? Э-э, у вас нет руки?

— Ага, обронил по дороге сюда. Поэтому сейчас и в больнице.

— Уф... Завидую. Нормальный больничный повод.

Что я говорю... Но так и есть. Сюда стаскивают пациентов, у которых что-то там отросло. А этот седой — с нормальной раной, нормально лег на лечение, нормальный пациент.

— А, нет, это так, бездумное наблюдение, м-м...

Он удивленно посмотрел на меня.

Ухмыльнулся — сказавший «а» да скажет «б».

— Понятно. Пессимист, но оптимист. Кстати, да, логично, что я попал в больницу...

Его правая рука с кисточкой рисует резкую линию.

Какое-то время я слежу за его движениями. Он рисует не что-то конкретное. Просто нечем заняться, а на глаза попался инструмент художника, вот он его и использует. У него нет мотива для отображения, он увлечен самим процессом рисования. Естественно, ему все равно, что нарисует, у него на уме что-то совсем другое.

— Хм, вот эта ваша рука...

— М? Что рука? Которая есть? Которой нет?

— Которая есть. У вас очень ловкие движения, завораживают.

Он снова посмотрел на меня с изумлением. Может, он всегда такой забавный?

— «Которая есть», надо же. Обычно все спрашивают, как я левую потерял.

— Нет смысла говорить о том, чего нет. Мне больше интересна правая. Возможно ли одной рукой так ловко управляться?

Седой похихикал.

— Другой-то нет, так что стараемся помаленьку.

Движения такие естественные, будто он родился одноруким.

Мне захотелось поговорить с ним еще, но тут послышалась музыка. Адажио Брамса. Медлительная классика, давящая свободу пациентов из корпуса С.

— А вы завтра тоже здесь будете?

— Если после осмотра смогу приемлемо двигаться. А картина займет прилично времени. Я с облегчением поднимаюсь. Надо прощаться и идти назад, в корпус С.

— Поймай. Дай запишу, как тебя зовут. На память.

— А?

Похоже, память у него ужасная. Кажется, у него привычка записывать все новое, важное.

— Я — Хисаори Синъя. А вы?

— Синъя? Тебе не подходит. Хотя я тоже хорош.

Седой написал в уголке холста «所在», что значит «местонахождение».

— Скажи, странное имя? — Седой иронично, но с толикой гордости улыбнулся и добавил: — И читается при этом «Арика».

Вот так я на втором году диспансеризации познакомился с Исидзуэ Арикой.

Если подумать, с двумя из моих считанных друзей я познакомился в этой клинике.

Один, как вы уже догадались, — этот седой.

А другой — впоследствии утопившая эту клинику в крови его сестра.

Корпуса, упорядоченные от А до D, на входе оборудованы строгим контролем. Предоставленная пациентам свобода имеет два уровня, один из них — свобода выходить из палаты. Ее дают таким пациентам, как я или Исидзуэ-сан, у кого в прошлом не было случаев агрессивного поведения.

Директорат подумал еще и решил сделать допуск на прогулки по соседним корпусам. Это — вторая свобода. Имеющая целью общение между переносчиками, восстановление их навыков социального поведения. Совсем не в тему. Им по горло хватает самих себя, они не общаются. Мы с Исидзуэ-сан — исключение из правил, но Исидзуэ-сан вообще невероятный тип на ступень выше меня. Он же с любым больным спокойно заговаривает. По этой причине его, кажется, несколько раз чуть не убили, но он совершенно ничему не учился. У него вообще нет такой вещи, как чувство опасности.

— Ну а что я сделаю? Мато-сан сказала по возможности говорить со всеми пациентами. Все та же комната ожидания в корпусе В. Исидзуэ-сан сказал, что уж сегодня-то допишет картину — таким голосом, будто эта мысль была ему ненавистна до глубины души.

— Исидзуэ-сан, ты не любишь рисовать?

— Ну, как не люблю: это прикольно, но непонятно. Я начал-то только потому, что доктор предложил так убивать время. И то сегодня последний раз. Потом... во, в кэтчбол какой-нибудь не хочешь сыграть?

Исидзуэ-сан, будучи неожиданно ответственным человеком, не бросает начатое на полпути. Как он сам сказал: «Если не закончу, как положено, будет страшно за следующую жизнь».

— Хорошо вам, в корпусе А, что такое дают взаймы. Говорят, в комнате ожидания можно даже телевизор посмотреть?

— Только всякую местную скуотищу. Да и желающих столько, что там настоящий конкурс к нему. В общем, ничего особо хорошего. А за стенкой пишут отчеты, на какие фильмы как мы реагируем.

— Так это не эртертейнмент, а лабораторные данные... Мы, значит, и чужую музыку оплачиваем. Ну да, это невесело.

— А то. Мне вот кажется, твой корпус веселее. Ну, я имею в виду, в D я бы под страхом смерти не пошел...

Неведомо кем установленное, единственное правило свободного перемещения между корпусами гласит, что перемещаться можно только до соседних корпусов.

Я, как пациент из корпуса С, могу быть в В или D.

А Исидзуэ-сан, как пациент корпуса А, не может пойти дальше корпуса В.

Или можно так сказать: получается, пациенты корпусов А и D не могут увидеться.

Разбиение от А до D происходит, разумеется, по степени развития агонистического синдрома. А — легкая, D — тяжелая.

В корпус А кладут таких пациентов, у кого не видно новообразований. Или тех, у кого начались осложнения из-за полученной от переносчика раны. Нормальные пациенты. «Исидзуэ-сан явно нормальный!» — и завистливый взгляд.

Если бы не отгороженность, не ограниченность личного времени, жизнь у них — как у нормальных людей. Расписание: три обследования в день... ну, очень много разных обследований... беседы с произвольными пациентами. Исидзуэ-сан говорит, что пациентов примерно двадцать. Внутреннее устройство корпусов тоже весьма правильное, разве что спецкомната обследования частным медэкспертом необычна.

Общей черты пациентов корпуса В я не знаю. На взгляд они, хоть и с новообразованиями, но сравнительно стабильные люди, поддающиеся лечению. Так и кажется, что операционное вмешательство — все, что им нужно.

Не тот уровень, когда удаление новообразования равно смерти. Я делаю такой вывод из слов Доктора Айболита, что если находится способ хирургического вмешательства, пораженный орган ампутируется.

Поскольку симптоматика вообще индивидуальна, исследования продвигаются черепашим темпом. Приходится изобретать для каждого свою операцию. Открытие новых медикаментов и техник — дело непростое, и операций почти не случается. Там пациентов больше всего. Здесь же, в корпусе В, и комната ожидания самая шикарная. Ну а в нашем корпусе, С, собирают тех, чьи симптомы стабилизировались как «синдром А», одержимых.

Вообще-то здесь не так опасно, как среди пациентов В. Пациентов с переломом в сознании в любом случае не выпускают из палат, ну а те, кто допущен, стабильны и беситься уже не станут.

Только пациенты с телесными странностями, будь они даже самым штилем, не выходят из своих палат, и в результате корпус безлюден, как тюрьма.

В корпусе D я был только раз.

Если корпус С — тюрьма, то D — уже, наверное, руины. Даже врачи с охраной бывают только у входа. Большинство пациентов боится света, поэтому коридоры были едва освещены. Словно какая-то пещера. Когда я помышлял о бегстве, то хотел иметь представление о помещениях корпуса D, но у меня даже до комнаты ожидания пройти не получилось.

Из того, что удалось узнать, — там лежали пациенты в последней стадии.

Процедуры, ампутации не действуют. Можно сказать, они полностью развились. Живут где-то три человека, остальные сорок — «в уединении».

Кстати, полгода тому назад в D перевели пациента. Это был самый крупный аврал за два года. По клинике стояла дикая суматоха, и после трехдневной мегаоперации у почти мертвого пациента проверили признаки жизни и унесли в корпус D.

Врачи, проводившие операцию, по какой-то причине уронили его в миксер, но почему-то он все-таки выжил — или так гласит молва.

Короче, такой вот корпус D, держащий в одном месте армию монстров.

— А как ты думаешь, что такое «одержимые», Исидзуэ-сан? Невезучие люди со страшной болезнью или, может, существа, которые уже не люди? — в комнате ожидания, где сидят одни мертвецы, я спросил единственное живое существо. Наверняка он почувствовал слабость, вспомнив о корпусе D.

— Кто знает... Я ж не врач, не знаю определения человека. Ведь когда внутри или снаружи что-то изменилось, но ты не знаешь, что там было с самого начала, нельзя сказать, мол, вот тут и тут разница.

Разумная аналогия. Да и врач не знает, пока не вскрыет внутренности.

— Для нормально живущих нас — ну, да. Может, если с кем можно нормально говорить, тот и человек?

Разница между медицинским и философским определением человека, гм. Исидзуэ-сан, похоже, придает большое значение ментальной части. И слишком игнорирует логику...

— Здорово. Вот бы ты был старшеклассником в моей школе. Тогда я бы нормально туда ходил. Потому что ты такой пофигистичный! Можно занять деньги, а ты на другой день забудешь.

— Забуду. Но ничего, я такие вещи записываю.

Кисть летает по холсту. Холст на восемь десятых черный. Мало того, что он ничего не хочет нарисовать, так еще и постоянно ошибается, и мазки лепятся на мазки так, что абстракциониста хватил бы инфаркт, причем до завершения остался всего шажок.

— Короче, ничего такого, чтобы вдумываться. Одержимость — вроде простуды.

Подхвативший в этом не виноват. Да и главная проблема в том, что с ними делать после. Логика Исидзуэ-сан строится с безопасного расстояния — совершенно непродуманный идеализм. Но... С этой формулировкой я соглашусь...

— Угу. Завидую простуженным.

— Вот. Не повезет — и подхватишь, кем бы ты ни был.

Все-таки не понимает он. Ведь простуду подхватывают те, кто с самого начала был слаб здоровьем.

— Ну а почему ты такое говоришь? «Одержимый» тут вроде не в ходу?

— Да так, вспомнилось про корпус D. Подумал всерьез, люди ли мы.

Кисть застывает. Исидзуэ-сан снова строит забавную физиономию, будто жука раскусил.

— Ты знаешь что, Хисаори... Ты не то, что стаскивают в то кладбище чудовищ — забудь, не задумывайся, ни за что на свете не говори такое. Там — в прямом смысле слова демоны. Уверен, если думать медицинскими терминами, они как инопланетяне.

— Да ладно-о. Доктор говорил, там была девушка, словно цветок. Полгода назад поступивший пациент. Ей около четырнадцати. Сказал, ей платье «готик лолиты» идет как влитое или что-то вроде.

— Нечего всерьез Айболита слушать. Это просто пристрастие к малолетним. Неизлечимая болезнь, педофилией зовется. И потом — не «готик», а свадебное платье. Просто почерневшее от крови.

— О, а откуда ты знаешь?

— Ты чего? Я ж тоже полгода назад поступил.

А, понятно. Объяснение принято. Смелые движения кистью возобновляются.

Правда удивительно — он рисует такую паршивую картину, но движения его правой руки свежи и безукоризненны.

Исидзуэ-сан очень внимателен, отвечает на все, что ни спросишь. Хотя четыре из пяти ответов у него с кислой миной, но на такую живую мимику, вносящую особые нюансы в слова, интересно смотреть.

— Исидзуэ-сан, а что ты снаружи сделал?

— Да так. Нормально жил, нормально поранился, нормально добил монстра, вот и все. Я слежу за каждой морщинкой в его мимике.

Перестав обращать внимание на ощущения в руках и ногах, я концентрируюсь на чувстве зрения. Ощущение, словно я состою только из глаз.

— А до тех пор? Тебе на вид нет двадцати, сколько ты отучился?

— Полгода в универе. Только собрал реферат по новым социальным отношениям, как все накрылось.

Я считаю его пульс, ритм дыхания.

Бессмысленные темы, осмысленные темы; темы, которые нравятся и не нравятся ему — я поднимаю любой вопрос и каждый раз корректирую *по настоящему* нему его внутри моей головы.

— А любимой у тебя не было, да? Ты вон какой неприветливый.

— Кто знает. Вроде бы была, но я не помню.

Гм, этот парень и такого не помнит?!

Однако реакция была ценной, поэтому сердиться будем потом. Тысяча вещей, которые следует наблюдать. Молчаливые паузы очень важны. Мало-помалу я *объединяю воображение с Исидзуэ-сан*. Мне интересна эта незамысловатая работа.

Послышалась музыка. Трупик расползается из комнаты ожидания. Исидзуэ-сан не обращает внимания — значит, сейчас была соната для пациентов из корпуса В.

Через несколько минут вновь наступит расставание.

— А скажи, Исидзуэ-сан. Что ты думаешь о Боге?

Я задаю последний вопрос с мыслью, смотреть и учиться за ним или нет.

Мы уже определились, что сохраним дружбу навеки, но остается одна линия, которую никак не утвердить. Пока могу, надо хотя бы это уточнить.

— Не вижу связи. С чего ты об этом?

— Ну, как, начали с демонов, значит, дальше — Бог.

— А, в этом смысле. Но у нас такого не было. Я и про Будду не знаю. Если хочешь поговорить про Бога, тебе к Айболиту, он тебя на всю ночь займет.

— Нет, я не про определение Бога или веру него. Что ты себе представляешь при слове «Бог»?

— Ничего. Пустота. Ни тени, ни вида, ни запаха, ни ощущений.

Он без задней мысли понимает Бога именно так. Не «Бог — да пустое понятие», а «Бог есть пустота», полувера. Это отличается от моего понимания, но в целом входит в зону допуска. Пусть я не могу чувствовать ход его мысли, но могу его понять.

— А ты, Хисаори? Сам в Бога веришь?

— Не столько верю, сколько поклоняюсь. Не Богу, а тому, что его символизирует. Что, если бы было возможно придать форму Богу? Каким ты егообразишь?

— Задача типа «нарисуй воздух». Ну, хм... Если он, скажем, великий-могучий, то, там... глаз или свет?

Он вообще не мучился с ответом. Даже не среагировал кривой улыбкой на неинтересный ему вопрос, в точности как воображаемый мной Исидзуэ-сан.

— Я — рукой. Если Бог есть объект, давший человеку разум, именно рука человека — Бог.

— Чего? Это что, антропоморфизм?

— Это результат ума. То, что есть у людей, но нет у животных, — это ведь устройство руки.

— Вообще ничего не понял. Ум ведь — это мозг, нет? Там копят знания.

— Фи так говорить. Даже у животных есть мозги. И вообще, ум человека не имеет ценности для животного. В нем нет превосходства над ними в способностях. Разве ум — не простое приспособление для движения руками?

О черт. Он так странно посмотрел на меня. Мне стало слегка неприятно, но он мой новый друг, сердиться все-таки будем потом. Сейчас лучше повеселиться.

— Ну, как скажешь. Только тогда получается, что мы с тобой потеряли Бога.

— Да. Но что поделывать — такое нормально для одержимых бесами.

От этого простого элемента казавшаяся живой рука останавливается. Исидзуэ-сан в последний раз провел кистью, пробормотал: «Ну, где-то так».

— О, ты закончил?

— Если продолжать, будет просто чернота. Опять же, почти время идти назад. Удачный момент.

Он начинает собирать неделю провалявшиеся в комнате ожидания рисовальные принадлежности. Может, он рассердился на меня за эту тему?

— А, Исидзуэ-сан, что ты с этой картиной будешь делать?

— Да она мне вообще не нужна. Отдам Айболиту, и через несколько лет — в печку?

— Ай, ну как так можно? Подари мне, пожалуйста. Хранить как зеницу ока не обещаю, но мою комнату она украсит.

Он снова изумленно на меня посмотрел.

Исидзуэ-сан все прикидывал, строил рожи, но, в конечном счете, решил, что перетрудится тащить ее с собой.

— Лады. Только сразу скажу — если захочешь вернуть, не возьму.

— Хорошо. Только чур сам не размахивай копирайтами.

Исидзуэ-сан ловко-ловко одной рукой все подобрал и вернулся в корпус А.

Я изучаю законченную картину.

Мазки, от которых черноты — четыре пятых холста. Мне показалось, что это раскинувшая крылья бабочка, но по изучении стала ясна простая тема.

Подпись «Арика» в уголке, да еще двое взявшихся за руки детей.

Чем тяжелее симптомы пациентов, тем больше пробелов в их расписании.

В шесть — подъем, в семь — завтрак. После завтрака — обследование, далее обед, и до ужина оставляют в покое. Даже для меня в корпусе С так, а в D, наверное, вообще еды не дают.

Приличествующую пациенту жизнь ведут в корпусах В и А. Исидзуэ-сан вечно расслабленный, но в отличие от меня у него свободного времени — только обеденный перерыв за весь день.

Его день такой: побудка, потом до завтрака со мной, дальше круг по внутренней терапии, внешней, психотерапия, потом беседы с другими пациентами, упражнения для поддержки физической формы, обследование медэкспертом, оно же допрос, и так далее — на удивление подробное расписание. И не пропустишь, клиника следит за перемещениями. Осмотр — ладно, но зачем же такой марафон? Тем не менее, мне было неприятно, что Исидзуэ-сан один напрягался. Чтобы поддерживать с ним беседу, и я придерживаюсь по возможности того же расписания.

И вот — наверное, это мое желание сбылось.

Впервые после моего приезда меня проводили в комнату пыток... то есть осмотров.

— Вот и познакомились... хотя нет. Уже однажды встречались, когда только поступил. Давай садись, время не терпит.

Слишком большая комната для осмотра, слишком мало вещей. Потолок тоже высокий, в стене на уровне второго этажа — закрытая стеклом комната надзора. Ощущение, будто ты — одинокая белая фишка в центре доски «го». Помещение полностью построено под наклоном, и вход для пациентов — внизу, а вход, через который зашла она, — наверху.

В центре наклонной комнаты стоит стол и два стула по разные стороны. На стуле повыше сидит женщина в деловом костюме.

Тома Мато. Исидзуэ-сан зовет ее то Мато-сан, то Томато-сан, но для меня это просто непривлекательная тетка лет тридцати.

Тома Мато вальяжна, как взирающий на грешника в аду дьявол. Обычно это помещение вселяло людям уверенность, что они уменьшились, но эта женщина, наоборот, делала размеры комнаты давящими. Мне приходилось слышать, что Мато-сан «кажется с три таких больницы», но кто же знал, что это правда?

— Вот тяжело с вами, что с сестрой, что с братом... Про родителей в курсе? Вчера вынесли последний приговор. Дело будет рассматриваться с точки зрения гибели Хисаори Кодзи наряду с Хисаори Каё в результате несчастного случая. Радуйся. Это значит, что теперь вы свободные птицы. То есть если ты того захочешь, ввиду симптоматических улучшений могу дать допуск на выписку.

Я теряюсь от внезапного поворота событий. Изумила — самое то слово.

— Минутку. Это в каком смысле? Симптоматические улучшения... Моя болезнь пройдет?

— Балда. Как это она пройдет? Я говорю про душевное состояние. Вопрос стоит так: ты сожалеешь, что из-за тебя чуть человек не умер?

Жуть. Не содержание речи — страшен взгляд этой женщины. Глаза пребывающей в наилучшем расположении Тома Мато совершенно не видят во мне человека. Ее безмятежность исходит из того, что стоит мне двинуть хоть пальцем, в стуле щелкнет переключатель, но она меня вообще, в упор, не видит. Даже на мусор или грязь так не смотрят.

— То есть если психиатр скажет, что все в норме, будет амбулаторное лечение?

— Ага. До тошноты удачно складывается, а? Мы тут тоже не благотворительностью занимаемся, не можем тратить деньги граждан зря. А когда приходят лишние, нам в основном хочется набить свои кошельки. Ты в курсе, Хисаори, во сколько обходится содержать каждую из ваших бесполезных тушек? Держать на иждивении целый корпус С пациентов без надежды на выздоровление — как по мне, в этом нет никакого смысла.

Содержать и оставлять жизнь — синонимы. Не хочется с такой ни секунды общаться, но Исидзуэ-сан справляется, значит, и мне нельзя иначе.

— А нормальная жизнь после выписки гарантируется, да? Меня же используют, чтобы донести идею, что пациент-переносчик может вернуться в общество.

— Однако... неприятная житейская мудрость. Ах да, два года назад шли споры о защите прав человека... Ты верно думаешь, в данном случае приняли решение с мыслью не о пациентах, а об этой клинике. У нас же тут была такая «диспансеризация», что собирали одержимых по стране. За десяток лет никто не выписался — ну и имидж.

Вдумчивое согласие. Они что, сначала выбрали нескольких пациентов, которых вроде безопасно выпускать наружу, и потом из них выбрали меня?

Два года назад прошли дебаты между группой защитников, называющих переносчиков «жертвами», и группой, кричащей «убийцы». Кто-то даже говорил, что за защитниками стояли некоторые влиятельные лица и эту клинику чуть не демонтировали. Подпольные баталии, похоже, продолжаются и по сей день.

— Ну, это всего лишь одна из причин. Главная — деньги. Все-таки первоначальную смету до этого года все не составляли. И беспрецедентные мы, и выхода с нас мало, а затрат много, и хочется избавиться от неадекватных пациентов. Время и деньги, конечно, пока в нас есть смысл, не ограничены, но честно, по возможности надо экономить.

Наверное, она говорит вслух то, что незачем говорить, чтобы дать нам представление о реальности. «Не думайте. Клиника не признает вас нормальными людьми. Пусть вы и снаружи, не вздумайте считать себя полноценными».

— Понятно. Если вести себя примерно, выбирают в кандидаты на выход, верно?

— Ага. Мы хотим предоставить как минимум пятерых. И еще через год, если будешь прикидываться паинькой, я тебя рекомендую. Хорошо, правда? Незачем раскаиваться. Смотри не проколись.

— Не стоит. Я... вправду раскаиваюсь, вообще-то.

— Чудесно. Усилия Кинуи-сан не проходят даром. Только вот что, Хисаори. Что-то ты последнее время живчиком не в меру. Даже через монитор ясно видно. Что, появилась новая игрушка?

От одного ее взгляда меня начинает подташнивать.

Если мы и правда выйдем на волю, прежде всего надо убить эту женщину. Даже мне понятно, а у меня с интуицией очень плохо. Она — такой враг, что если ее не убить, она убьет сама.

— А вот... Исидзуэ-сан тоже в кандидатах?

— Чего?

Меня немного пригибает к полу адская подавляющая аура Тома Мато.

По больничным слухам, про Исидзуэ-сан говорят: «Ее любимая игрушка»... Ну, по этой реакции я бы так не сказал.

— Может, это и главенствующее мнение, но я *это* не намерена выпускать, — выплевывает она.

Тома Мато старается вести себя мягче, но выражение лица ее выдает. Это было движение мелких мышц, которое кто угодно, кроме меня, упустил бы, но она определенно сочувствовала. Тома Мато противится выходу Исидзуэ-сан из клиники не потому, что это опасно, а из жалости.

— Доктор Тома, что насчет меня? Рекомендация ведь — не одобрение. За кандидата спасибо, конечно, но наружу выпускать не хотите?

— А-а, тебя-то можно. Ты упрямец, тебя удобнее всего... Во что ни вляпаешься, везде справишься. Настолько, что хочется — когда кончится эта шумиха — взять тебя личным пони.

Тома Мато зло изгибает рот и жестко смотрит на меня.

Очень страшная. И сейчас это было несомненно ее истинное мнение, то есть эта тетка не скажет ни слова лжи даже перед переносчиком, чувства вроде сочувствия или благорасположения никак не повлияют на ее суждения. Она олицетворение закона, что занес над нами железный молот и ждет нашей единственной оплошности, чтобы одеться в оправдания и обрушить его. Такова Тома Мато. Но, как бы то ни было, разговор получился на удивление приятным. По расспросам вышло, что Исидзуэ-сан получит допуск на выход отсюда в пределах полугода, а я — года. Спасибо внезапной улыбке Фортуны.

— Ах да, и еще одно. От клиники тут запрос... Кто-то из пациентов корпуса D очень хочет с тобой встретиться. Допуск на встречу уже спустили, завтра утром загляни. Вот, бумага, чернила. Одолжить для завешания?

Разумеется, это не запрос, а приказ. За пару лет как-то забылось. За приятный разговор требуют соответствующей награды.

Под конвоем главврача, Айболита и трех надзир... то есть охранников я иду в корпус D. Все равно не отказаться, плюс это очки в мою пользу, да и самую малость любопытно.

Со мной хочет встретиться та самая новенькая, которую притащили полгода тому назад. То, о чем без видимого интереса сообщала Тома Мато, казалось вопросом жизни и смерти для персонала клиники.

Что было после разговора? По возвращении в палату меня полдня уговаривал главврач. Меня поразило, что в этой клинике таковой имеется, и вообще, можно сказать, изменило картину мира то, как обычно гоняющий нас персонал был на побегушках у своего пациента.

Главврач был со мной вплоть до комнаты ожидания в корпусе D, после чего ретировался в С. Похоже, D так чужд людям, что по сравнению с ним корпус С кажется зоной безопасности...

Начать с того, что все, чего касается взгляд, какое-то неотесанное. Пол и стены такие же, как в остальных корпусах, но выглядят так непрочно, словно кто-то наклеил тематические обои под руины.

— Ну-с, пойдем. Здесь есть и другие пациенты, поэтому без разговоров.

Вон, даже Доктор Айболит нервничает. Охранники откровенно выставили перед собой оружие. Пистолеты-пулеметы. Даже смешно становится. Тут вам не триумфальная арка...

Бу-бух!

Ощущение, будто около здания под снос, и я вхожу за миг до его разрушения.

Я делаю шаг вперед, и что-то с хрустом разваливается где-то в корпусе. Конечно, это только кажется. На стройку корпуса D ушло больше всего денег, здесь держат пациентов в последней стадии, и построено все не настолько хило.

Узкий длинный, искажающий чувство расстояния проход все тянется и тянется. Через каждые шесть метров его пересекают другие, и так везде, куда ни посмотри. Похоже, корпус D состоит из лабиринта, из одних перекрестков... Напоминает внутренности кубика Рубика.

Освещенный неяркими электролампами мир цвета пепла. Ни окон, ни дверей, ни даже палат не заметно. Это был мир примитивный, выстроенный из одних пепельных стен, странный мир абстрактной картины. И коль скоро я брожу здесь, я становлюсь ее частью.

Айболит в третий раз сворачивает. Теперь — налево. Я давно не вижу обратного пути. Внезапно я на секунду запаздываю за Доктором, и мой взгляд падает на проход прямо передо мной.

Бу-бух.

Проход был багрово-черным. При тщательном осмотре было видно, что это был путь из разнообразных мертвых тел. Цементная часть превращалась в трубу из плоти, и в ней были мать с покрытым кровью животом и отец, у которого из шеи хлестало фонтаном. А-а... значит, несмотря на то, что меня не было рядом с ними тогда, как и ожидалось, образ убитого горем Хисаори Синъи в слезах отразится...

— Хисаори-сан, нам не туда, нам сюда.

Голос Айболита отвлекает мой взгляд до того, как я делаю шаг туда.

Бу-бух.

— Лучше не смотреть в ненужные проходы. Мы не чувствуем, но на пациентов, бывает, это оказывает нехорошее влияние.

Я уточняю, что имеется в виду под нехорошим влиянием.

— Вот пример: в палате, на которую вы только что смотрели, уже двое пациентов пропали без вести.

Были пациенты, которые, как я, смотрели в другие проходы. Дальше они заходили в палату, а потом внезапно пропадали... Ясно, что их скрыл пациент корпуса D. Вопрос в другом — куда и как? Умял тела до компактных размеров и запихал под кровать? А может, абсорбировал внутрь себя?

А когда врачи засыпали его вопросами, он ухмыльнулся и вот что ответил: «Они мечутся в моей голове!»

Бу-бух.

Я иду так, чтобы не терять Айболита из вида. Мне предстоит встретиться с девочкой четырнадцати лет. Доставленной сюда по кусочкам. Рук и ног почти не осталось, да и туловище представляло собой фарш.

По какой-то ошибке она была жива, но даже больные синдромом А — даже одержимые — резонно умирают, когда их убили. Речь идет о том, что она теперь прикована к кровати до смерти, а может, и вовсе жива в чисто клиническом смысле — например, мозг в аквариуме плавает...

Бу-бух.

Собственно, в подобных слухах в корпусе D недостатка нет. Есть такой ужасник, бассейн, до краев наполненный потрохами, но так как это с самого начала был один-единственный пациент, который, к общему неудобству, еще жив, убратся там не представляется возможным.

Двери к бассейну тщательно заперты и этот факт не подтвержден, да и вообще-то никому не хочется уточнять.

Как бы то ни было, то, что она хочет встретиться, значит, что она может говорить.

Никакое не чудовище из одного мозга или потрохов, и я готовлюсь сделать нормальное лицо на худший случай, если встречу девочку из одной только головы.

Бу-бух.

Айболит открывает какую-то по счету дверь.

Появляется длинный узкий проход. Видимо, конечная. Примерно через десять метров стоит еще одна стальная дверь.

— Как только войдете, эта дверь будет заперта. Мы будем ожидать здесь, можете не беспокоиться и разговаривать. Ах да: когда эта дверь закроется, через минуту откроется внутренняя.

Дотошно. Может, это правда смертный приговор?

— Я заранее знаю ответ, но все равно спрошу — вот это можно у охранника одолжить? Ну, для самозащиты.

— Ха-ха-ха, не утрируйте, там вовсе не бешеный зверь. Кстати, они тоже не стали бы открывать огонь. В конце концов, такие мелочи ей — даже не угроза. Вот что действительно работает, так это только многослойные стальные стены.

Бу-бух.

Я раскаиваюсь в поспешности. Что-то любопытство и жизнь поменялись местами.

Прохожу по коридору вперед. Сразу за мной дверь закрывается – *бу-бух*. Через минуту открывается последняя. *Бу-бух!*

— А?..

Мне показалось, что меня снесло во времени. Или что я, незаметно расставшись с жизнью, теперь в воображаемом мире.

За дверью был спортзал. Правда, все-таки похожий на руины.

В самой середине помещения, похожего на спортзал заброшенной школы, с кусками цемента на стенах, с потолка на восьмиметровой высоте свисает куколка в человеческий рост. *Бу-бух!* Ой, скакнула. Примотанная длинной цепью куколка, подобно маятнику, взлетела вбок и врезалась в цементную стену. *Бу-бух*. Маятник, как и положено, возвращает куколку.

И ее ловит человек посередине спортзала: «Оп!» Куклолка оказывается мешком с песком, а стучит рукой в перчатке по ней невероятно подобная цветку...

— О, ты уже здесь. Привет-привет, Хисаори-сан! Прости, не отойдешь вон туда? А то я почти добила дневную норму.

Бу-бух. Она делает широкий шаг вперед, взмахивая правым кулаком. Мешок вертикально, как дельфин, взмывает к восьмиметровому потолку.

Это та самая переносчица, которую полгода назад притащили сюда и решили, что восстановление ей не светит. Эта четырнадцатилетняя девочка, которая выглядит не иначе как на двадцать, была кровной сестрой Исидзуэ-сан.

х х х

— Наверно, крепко сбиты в каждой части тела? — описала она вкратце свое мнение о переносчиках.

Мы сошлись характерами практически сразу; этот комментарий равнялся моему собственному давнему впечатлению.

— Я-то? Меня на следующий день после появления симптомов схватила та женщина. И расстреляла, и изрубила... Если бы она не хотела взять экземпляр для испытаний, дело бы кончилось головой на шампуре, наверно.

Ощущение ее присутствия рядом было сильным, перекрывающим чувство реальности происходящего. Если считать пациентов корпуса С призраками, трупиками, то она — буквально чудовище. Даже для корпуса D — с натяжками, но реалистичного — она словно разбалансированный персонаж из комикса. Позже Исидзуэ-сан скажет: «Если Мато-сан — герой, то это — уберменш²». Это действительно подходящие категории. Любой медик скажет, что она уже не человек.

И вот это чудовище полгода назад собственноручно довела до полусмерти Тома Мато?

— Ну. Я была тогда ребенком — но это не оправдание. Она пришла туда — это мне было от неба за то, что я реальность ни в грош не ставила.

Снимая боксерские перчатки, она неловко улыбается, скрывая смущение. Длинные волосы как черный шелк. Антипод Исидзуэ-сан. Несравненная красавица — кажется, так это называется.

— А дальше я оказалась здесь. Извлекла, видимо, только один урок. Если дорога жизнь, и ты не являешься мной — не противоречь ей. Ну а ты, Хисаори-сан?

Я рассказываю о происшествии двухлетней давности. Она захотела знать все, и я объясняю с самого начала, как было дело.

² Übermensch – сверхчеловек.

Убил родителей, нет, сейчас-то все признали, что это был несчастный случай, поэтому скорее наблюдал за смертью родителей, и вытолкнул из квартиры пытавшуюся спасти их старшую сестру по имени Хисаори Макина — такова история Хисаори Синъи. Сестра не погибла, но от падения повредила правую руку. За жизнь расплатилась неработающей рукой.

— Да, беда... Не вышло, как хотелось...

Да. С давних пор ничего не выходит, как хотелось.

Даже тогда, когда это случилось, все пошло гладко, но когда все кончилось — добро пожаловать на начальную точку.

Как бы это сказать... Словно приз на финише оказался банкротством. Сама игра, в которой участвуешь, сделана так, чтобы никому не стало хорошо.

— Хе-е. Ты любишь игру в займи-стул?

Я не понимаю интереса в играх как таковых.

Даже в займи-стул, такой простецкой игре, мне никогда не удавалось победить. Мне больше по душе не участвовать — все равно проиграю — а наблюдать за процессом. Например, я не хочу садиться на стул, как и не восторгаюсь теми, кто отвоевал места. Мне хватало просто сидеть на полу, смотреть на побеждающих и учиться у них.

«Дуралей... Пока-пока, Синъя...»

И это обернулось странным делом, когда...

— А-а. Тогда надо сразу предупредить. Постарайся не повстречать идеальный стул.

— Что?

— Ну, ты ведь наблюдатель? На стуле уже кто-то сидит. Для Хисаори-сан нет незанятых стульев. И когда ты встретишь идеальный стул, все равно не сможешь сесть, пока не убереешь уже сидящего на нем. Так? Смотреть и учиться — это хорошо, но если начнешь мечтать о нем — снова превратишься в безобразного одержимого.

— Ты здесь взаперти, потому что не можешь держать себя в руках, — подытожила она. — Захочешь вот так сесть на стул, и такое начнется...

«Поэтому будь внимательнее», — укоряла меня девочка на целых пять лет моложе.

Тот, кто уже там был. Не сядешь, пока не убереешь настоящего... Но ее беспокойство — это лишнее. Потому что до сих пор ни на один стул мне не возмечталось сесть.

х х х

Содержание нашей последующей болтовни стало вполне женским. Мы говорили почти час, уговорились видеться раз в неделю. С этим я поднимаюсь с пола.

— А, между прочим, откуда ты обо мне знаешь? Ты же не выходишь отсюда.

— А, ну... Ты же общаешься с моим братом. Я и почувствовала, что ты ничего. Вообще, у меня к тебе маленькая просьба.

Она показывает мне язык.

Собранная, как взрослая женщина, она напоследок улыбается улыбкой маленькой проказницы:

— У тебя не получится как-нибудь оттянуть выписку брата?

■■■

Разумеется, такую просьбу у меня не получилось бы выполнить.

Можно было бы устроить Исидзуэ-сан проблем, и не жаль подставиться ради его сестры, просто от хитростей, в которых пришлось бы жертвовать собой, моя собственная выписка оттянулась бы. То есть нет, эта тетка навсегда исключила бы меня из кандидатов. Мучаясь дилеммой выручки Исидзуэ-сан или его сестры, у меня до самого конца не получилось выполнить ее просьбу... Ну что ж. В этом плане мне даже не пришлось подставиться.

— Привет, Исидзуэ-сан. Сегодня *сеги*?

Решавший эту *дэю* *сеги* Исидзуэ-сан озадаченно смотрит на меня. Реакция как при первой встрече.

— Ты в порядке? Это я, Хисаори.

— Хисаори?.. А-а, и правда, по приметам Хисаори. Извини, что долго сверял. Просто я с тобой только днем вижусь. Ну, и что с тобой? Упал?

— А-а, это? После операции. Там давно было все плохо, просто сказал, чтоб ампутировали.

Исидзуэ-сан кивает, бормочет: «Вот как», — и записывает в блокнотик. Однорукий, но какой же ловкий.

— Сегодня я попрощаться. Мы больше не увидимся.

Хотя рутинная жизнь корпусов и не меняется, дни и месяцы, конечно, проходят. Мы отвергли мир, но тот на удивление заботлив к нам и почти безответственно протягивает к изгибам руки.

— Ага. Ты странный какой-то. Здесь ведь табу заговаривать с другими пациентами. Тебе ведь говорили, что когда переносчики общаются, к тому, с кем говоришь, привязывается черт?

— Не вам мне это говорить, Исидзуэ-сан. Я-то не разговариваю с теми, кто не кажется способным отвечать, а вот вы вообще меры не знаете... Я давно собираюсь спросить — почему у вас настолько нет чувства опасности?

— Ну, так у меня дефект такой.

— А не то, что все забываете?

— С тем я еще как-то борюсь, так что фиг с ним. Да и этот не напрочь плох.

«Этот» напрочь плох, что за широкие жесты?.. Стало чуть понятней, о чем беспокоится его сестра.

— Лучше скажи, с чего ты вдруг, Хисаори? С чего ты-то со мной заговорил? Здесь же в основном никому не интересны все остальные.

Мне кажется, лучше сказать, что всем своих проблем хватает по горло.

— Пожалуй. Но мне интересны только остальные.

— Надо же, — Исидзуэ-сан прекращает эту *дэю*. Беловолосый и однорукий парень смотрит на меня глазами, в которых нет ни толики интереса к теме: — И почему это?

— Может, потому, что мне нельзя о себе думать? Неуравновешенность, как говорится. Я с детства не могу держать свои эмоции под контролем. Бешусь, депрессирую, и остановиться не получалось, пока причина не решится.

Например, прочитаю печальную историю, она разбередит мне душу, и я не могу оправиться самостоятельно. И эта самая бередящая история сама по себе не решается, и я грущу, пока не продумаю деконструкцию сюжета.

В детстве это не мешало мне расти приличным человеком, а вот к концу младшей школы со мной случился индивидуальный крах. Мои чувства были моим величайшим врагом, поэтому в качестве неотложной меры пришлось отказаться от себя.

— М-да, неудобно. А что, неуравновешенность врожденная?

— Думаю, задатки были. Но полностью проявилось только на пятом году младшей школы. Я не помню точно, но сестра говорила, что я увидел призрака среди бела дня и, гм, сдвинулся. Так вот, мы жили на третьем этаже кооперативной многоэтажки. Я стоял на балконе и повторял: папа, папа, как круто, там человек горит!

— Ничего себе история. Человек горел, э-э, еще живой?

— Еще живой, да. Будто так и надо — обгоревший дочерна, проходил площадку между домов наискось! Нет, сейчас я могу придумать какие-нибудь реальные варианты, почему так произошло. А для ребенка это был призрак и ничто иное.

Исидзуэ-сан сдвигает брови в складку.

После того как моим лучшим другом стала его сестра, у меня осталось небольшое сожаление. Он выслушал эту историю не как очередную побасенку, а как рассказ очевидца. Он делал озадаченное лицо, потому что сочувствовал ребенку, к которому так отнеслись.

И вот — адажио.

Так же, как и в первый день нашего знакомства, льется ленивая легкая музыка.

— Ох, мне уже надо назад. Что же, пора прощаться. Пожмем руки напоследок?

Я протягиваю правую.

— Не, извини. У меня кредо не жать рук.

Исидзуэ-сан твердо отказался. Он запретил себе само рукопожатие, а не просто обмен им с Хисаори Синъей.

А раз так, что поделать. У всех есть что-то, что не для них. И, в любом случае, мы не сможем нормально пожать руки.

Не коснувшись друг друга, мы прощаемся на словах.

Новый день. Коль скоро это самый последний раз, сказал мне Айболит, — его болезнь такова, что он теряет память о светлом времени суток.

Вот теперь некоторые вопросы для меня стали ясней. Так вот в чем заключалась его забывчивость, закономерность в которой мне не удавалось уловить.

Только когда мы не смогли больше видиться, я осознаю, что он тоже был в этом корпусе небезосновательно.

Исидзуэ Арика перерождается каждый день.

Если округлить, то он — человек, живущий только «сегодня». И он, такой вот, жил так по-человечески. Человек без определенного настоящего живет, глядя в будущее.

Хотя сестра его оказалась биологическим чудовищем.

Исидзуэ Арика, наверное, психически очень вынослив.

Это способность, которой у меня нет, и может быть, она мне необходима.

Как бы то ни было, на этом довольно историй из клиники.

Меня уже скоро должны выписать. Когда меня все-таки выпишут, я первым делом навещу Исидзуэ-сан. К счастью, мы с ним выходцы одной префектуры. Если оба доживем, скоро свидимся — такова жизнь.

1/Hide (R)

Не мне бы такое говорить, но...

Это было самое лучшее и самое худшее из возвращений в общество.

— Прошу. Все, сегодня тебе можно выходить.

Мато-сан только это и заявила, после чего удалилась, мол, занята, до скорого. У-уф, не слишком ли просто? Я думал, еще навалится всякого, но клиника все по-быстрому утрясла. Как будто я им заемного кота вернул.

— Слушай, доктор. Мне, может, и не стоит это говорить, но не слишком ли все просто? Еще час до выписки.

Я заскочил на прощание в исповедальню Айболита и решил понудеть.

— Так это и хорошо. Тома-сан тоже по-своему с вами обходительна. Просто она добра к тем, кто в непрочном положении.

— Уй. Что за очевидное вранье. Я за тебя больше волнуюсь, Док. Ты слишком плохо знаешь женщин.

Если это была доброта к слабому, Тома Мато не сумела ее выразить. Может, она сама одержимая?

— Ну ладно, про Тому-сан продолжим при случае. Лучше вернемся к тому, о чем вы хотели посоветоваться, раз зашли ко мне.

— В точку. Я столько прожил в диспансере, что сам стал замкнутым. Хочу общаться беззаботно, но видишь как.

— Ха-ха-ха. «Не могу спокойно влиться в общество» — это было вашей жалобой, когда вы только поступили.

— Не смешно. Я и сейчас с этим не очень. Ну, вот я выйду. Там все стараются за славу, за успех... Это все понятно, этого хватит, чтобы нормально жить. Слышал, стоит мне тоже к этому вспылать, так уж влиться-то сумею. Просто... я вообще не мог так прикидываться. Звучит до крайности по-девчачьи. Тома Мато не помогла мне руганью, теперь я ищу надежду в добром слове, ага.

— Это проблема. Вам ведь теперь придется именно так прикидываться... А впрочем — что это, как не стимул человеку обуздать человека? Деньги ли, славу, власть ищет человек, он это делает потому, что искренне хочет чужого признания. «Насколько я способнее прочих?» Ну, или: «Я хочу показать свою цену». Это понятно?

— Я знаю. Но у меня не получается думать, что это важно.

— Естественно. Вы вообще не думаете, что имеете цену.

В чем-то я оплошал. Айболит сегодня язвит.

— Послушайте. Тот, кого не любили бескорыстно, человек, угнетенный обществом, вообще говоря, утратил собственную цену. Поскольку его не любили, он не получил себе места в жизни. Он не может и подумать, что имеет цену. И вот всю жизнь он живет глядя dolu.

— Этот недостаток, этот минус компенсировать нельзя, — продолжает он. — Сам человек не покрывает в себе этот изъян.

Айболит помолчал.

— Есть только один путь решения. Если ты не усматриваешь собственной цены, то ты должен соприкоснуться с тем, кто признает за тобой цену. Тебе необходима не уверенность в себе, а кто-то, кому ты нужен. Ищи, ставя жизнь на карту. Для этого тебе следует жить.

Вот это кульминация. Я недооценивал старого Айболита. Перед такой драматичностью я не могу даже покраснеть. Наверное, тот, кто прилепил к нему кличку буколического литературного героя, был гением.

Ну да это неважно. Слова Доктора во мне что-то затронули. Потому что я не осознаю их, но направление он задал хорошее. Что ни говори, а ясно и доступно.

— В общем, искать того, кто мне близок по духу, да? Только найдется ли такая удобная личность?

— Ха-ха-ха, вот этого обещать не могу. А, вы в клинике нашли себе друзей?

Отвечаю: «Да».

Доктор бодро улыбается:

— Тогда все в порядке, шанс есть!

Только вот... Найти-то нашел, а толку-то, если забуду (а я, скорее всего, забуду).

— О, вас вызывают. Ну-с, поднимайтесь на крышу корпуса А. Если угодно, я провожу вас до вертолетной площадки. Одному вам, наверное, тяжело с вещами?

— Не стоит, я же не ребенок, да и там всего один чемодан. Но мне кажется, или я услышал что-то крутое? Мне показалось, «вертолет».

— О, Тома-сан не говорила? В эту клинику можно попасть только воздухом. Можно сказать, здесь на крыше — парадный вход.

— Понял. Да уж, надо думать, беглецов не будет.

И вообще.

Хоть до меня и медленно доходило, но это не клиника. Это — натуральное чистилище.

Больные синдромом А не могут переехать в другую префектуру. Опасные персоны находятся под строгим контролем, наблюдением, направлением государства, так что меня сразу после выписки отправили на старое пепелище, в город Сикура в префектуре С. Вертушкой, потом на машине — итого трехчасовой путь. Я думал, мне нацепят какую-нибудь повязку на глаза, но ничего такого, нормально прокатили. Как малолетнего хулигана на учете.

Хоть довезли меня спешно, и всего за три часа я уже был в родном гнездышке, я ощущал реальность и тех корпусов-изоляторов. То есть для меня было реальностью, когда до другого мира при желании можно добраться и за пару часов.

— Поскольку родственники отказываются вас принять, — объясняет мне бесцветным тоном стриженный под ежика человек в черном костюме и черных очках, который сидит рядом, — вы направитесь в учреждение. Мы уничтожим ваши водительские права. Завтра принесите документы о регистрации и страховке в указанную инстанцию.

Правительство предлагало зараженным синдромом А, а также пострадавшим от таковых, места жительства. Что-то наподобие муниципальных квартир. Одну выдавшую виды муниципальную многоэтажную общагу для пострадавших и низкооплачиваемых переоборудовали под наши нужды. Хотя какие «наши», из реабилитировавшихся был я один. Может, потом и въедет еще сколько-нибудь человек, но в основе своей это как был, так и остался дом для обделенного обществом братства.

Квартплата — четырехзначная сумма, вдесятеро дешевле обычного, на удивление любой домохозяйке. Для лишенных возможности трудоустроиться переносчиков полагается также минимальное довольствие на питание. Еще бонусом в соседи полагается ежик-мединспектор, который ведет расследование, когда случается что-то неприятное.

— Ну-с, дальнейшую процедуру я передам заведующему. Раз в день, в девять утра или шесть вечера, пожалуйста, звоните на этот номер.

Не упомянув самого важного — что будет, если не позвонить, — Ежик ушел.

Я бормочу «итак», поправляю в руке чемодан и поднимаю взгляд на разваливающееся здание.

Бетонно-металлическая шестиэтажка, окошки вдавлены внутрь, по расположению которых похоже, что на каждом этаже восемь квартир. Вход и узкий, и грязный, и запущенный. Воздух затхлый, хоть топор вешай, в таких местах только якудза прячутся. — А что, сойдет...

По сравнению с той больницей не важны ни внешний вид, ни внутренний, ни грязь. Ехо-о, поздравляю! Прощай, серая клиника, моя новая жизнь началась здесь, в этой тухлявой благополучной ночлежке №13 в городе Сикура!

— А-а, новоселец? Ишь... Я ни слова не скажу, хоть будь ты как черт, главное — без трений, ладно? Вот, держи ключи. Свет и воду включим завтра, сегодня не жалуемся. Да, прекрасной жизни чистый лист за несколько секунд привели в негодность.

— Какая неприветливая старушенция...

И тем не менее, это хорошо.

С таким халатным надзором, с такой халатной надзирательницей, мне достаточно не выходить отсюда, а она не придет в квартиру. От таких удобств я начал напевать под нос, топая на третий этаж. Никаких номеров не было и в помине, а дверь скрипом сообщила мне о своем тридцатилетнем возрасте.

— О? Ты будешь новый сосед?

Я как раз воевал с не желающей поворачиваться круглой дверной ручкой, когда ко мне вразвалку подошел какой-то мужик. Удивительно радушный для такого места, он мог бы жить на острове Парадиз; откровенно в косметике, лет тридцати. Мужик, не носи эту багамку, она тебе слишком идет.

— Надо же, наконец-то я при соседе! Я Ниидзима, а ты?

— Привет. Я Исидзуэ. Имя пишется «сёдзай», читается Арика.

— Ох. Какое у тебя глуповато-детское имя, мальчик. Хи-хи-хи, — смеется Ниидзима. Позже выяснится, насколько глупее его собственное имя, но это другая история.

— Рад познакомиться. Если что-то нужно, я спрошу?

— Ага. Ах, как славно, молодежь украшает дом. Арика-тян, ты не в моем вкусе слегка? И очень хорошо. Геи в багамках тоже не в моем вкусе слегка.

Месяц пролетел, я даже не заметил.

Иду за бытовыми покупками. Изыскания в окрестности здания, полная свобода после поисков работы. Я так увлекся приготовлениями к новой жизни, что забыл, что надо делать.

Слегка раскаиваюсь, что слишком расслабился.

Я то и дело следил, чтобы не попасться на глаза старым знакомым, чтобы не пересекаться со старыми путями, берегся, берегся, а самое основное забыл.

— Да-а... Хоть разок-то надо вернуться домой.

Дом Исидзуэ — особняк на холме Сикура, второй квартал. Отрезанный станцией от квартала напротив, и пешком до него час с лишком, на автобусе — двадцать минут, а машиной — в пределах пятнадцати.

Город — штука вроде узкая, но на деле очень широкая. Горожанами с той стороны станции не интересуются, если не знакомы, такая особенность современного общества. Еще бы — живем у единственного магазина, а ходим только на работу, домой и за едой. Ну и для шика в книжный, в бар, в универмаг. И хватит.

Так что возвращаться в хозяйство Исидзуэ у меня причин не было, но хоть раз надо размять ноги, а то потом пожалею.

Скрытый темной ночью, я иду пешком на холм Сикура.

Холм — не просто название, здесь выстроен вечно сонный жилой район, и ровно в ноль часов все уже спят.

Топаю под хилыми дорожными фонарями. М-м, здесь Кидзаки, Исимори, Яманаси, Исидзуэ. То ли у всех тут бессонница, то ли что, но свет везде горит. Только особняк Исидзуэ утопает в темени. Никакой взаимовыручки.

— Тьфу. Заперто...

Вот блин, и ведь очевидно, если чуть подумать. Раз уж добрался, неохота уходить несолоно хлебавши, да и пусто тут. Обхожу сзади, протягиваю руку к кухонному окну — открывается сразу. Негаданная удача. А то еще окна бить, всех соседей напрягать... Конечно, я не против поздороваться с набежавшими людьми, но нетрудно представить, как они отреагируют на выписавшегося меня. И так непривычно с одной рукой жить, неохота еще и стрессом обзаводиться.

— Ну, привет, домик...

Захожу в дом, пустовавший с момента происхождения.

— М? Надо же, все прибрано. Здесь же вроде было море крови?

Подновили и рассчитывают продать, когда шумиха уляжется?... Тогда и в моей комнате будет прибрано. Иду на второй этаж. Дверь в комнату новая. Ну да, я слышал, Мато-сан ее в щепки разнесла из дробовика.

— О-о. Внутри-то почти не тронуто.

Рассматриваю пространство, некогда бывшее комнатой Исидзуэ Арики.

Я плюхаюсь на кровать и теперь смотрю в потолок.

— Ох, вижу след от пуль.

Строители, не расслабляемся! Такое задорого не продашь.

Пробыв в доме почти три часа, я утолил тоску по нему. Изучив дом, можно понять, какую жизнь в нем раньше вели. Оставляю позади недолго служивший мне, а теперь отдекорированный наново дом. У меня тоже новая жизнь. И дом не смог бы долго пребывать нетронутым.

Ну и пусть. Все равно меня это не касается.

Прошло уже два месяца, непривычная жизнь утряслась.

Я уже привязался к моей 2DK-квартире³ и ухватил манеру жизни в этом городе.

Удобствами не балует, но жить можно вполне полноценно.

То есть остается одна проблема.

В изоляторе Исидзуэ Арика по собственной инициативе испытывал протезы рук, но ни один не подошел, и он остался одноруким. Ну а раз выписался, проблема должна для него встать очень остро. Может, это и бессмысленно, в конечном счете, но нельзя же из-за этого игнорировать вопрос.

Для начала заглянув к соседнему медработнику и указав условия для протеза, я неспешно возвращаюсь домой. Как тут... в заржавевшем почтовом ящике обнаруживается какая-то сомнительная почта.

— Что-то ни отправителя, ничего...

Большой конверт. Накрепко заклеенный, и сам конверт сравнительно дорогой, толстый, чтобы отправлять наличные.

³ http://www.k.u-tokyo.ac.jp/housingnavi/en/room_info/sample.html

Озадаченный, я возвращаюсь к себе, растягиваюсь на кровати и вскрываю конверт. Появляется нездоровая доза 10000-йеновых банкнот... Больше радости — непривычность ощущений.

Стараясь ни о чем не думать, я одной рукой считаю пачку. Восемьдесят штук. Больше моей годовой зарплаты.

— К черту выб... расывать рано, ведь это, того, я занимал у Ниидзими-тян...

О скорбь, после больницы денег у меня, естественно, не было. Трагедия о порождении нищеты. Как порой приходится терпеть столь очевидный корень бед!..

— Хотя отнести это в полицию — тоже проблемно...

Ладно бы можно было такое оставить в памяти, но оставлять в записях не могу. Моей жизни наступит крах.

— Пока что можно с полмесяца последить за развитием событий.

На том дело и кончилось. Так как это решительно какая-то ошибка, пока присмотрю за деньгами. Если начнется буча, просто верну. Ведь и когда подбираешь потерянную вещь, через полгода она принадлежит тебе.

— Э-э, или через год? Или не вся сумма?

Но это были мелочи.

Потому что на следующий месяц, на этот раз затолканный прямо в почтовый ящик, на меня свалится такой же конверт.

— Арика-тян, ты не замешан ни в каких неприятностях?

— Нет, доброе утро.

С самого утра уныние.

Постучавший в дверь как в боксерский мешок, Ниидзима-тян, как только меня увидел, выдал эту блеклую фразу, будто отчитывал мой сонный вид. Вот сейчас, при этих загадочных конвертах, это скорее я хотел бы спросить.

— У вас какое-то дело ко мне, Ниидзима-тян? А то я собирался завтракать.

— О, ничего себе, как вовремя! Отлично, Арика-тян, завтракать будет веселей!

— Не понял... Срочно выкладывайте и уходите, Ниидзима-тян.

— Ну да, ну да. Арика-тян, ты ведь ищешь протез руки, да? Тут гость на эту тему с тобой хочет поговорить.

— А?..

Яростно чешу затылок. Чтобы специально прийти в эти трущобы... это же насколько торгашу делать нечего?

— Не нравится мне это. Он что, ждет в вестибюле?

— Не-а, в «Марионе» напротив. Ну же. К *морнинг* — по времени впритык!

— Точно... Так бы и черт с ним, но морнинг в «Марионе» я поем.

Тем более на халяву.

Наскоро переодеваюсь, прохожу мимо вахтерской (как всегда никого) и — в коридор. Напротив дома №13 находится сделанное с неожиданным вкусом кафе «Марион».

Загвоздка в том, что средняя цена там — аж 800 иен.

«Добро пожаловать», — приглашает меня щеголеватый хозяин кафе, я захожу. Торговец обнаружился сразу же. Из непривычных в это время лиц был только он.

— Здравствуйте... Я Исидзуэ. Это вы продаете протез руки?

— Да. Меня зовут Ямада. Доброе утро, Исидзуэ-кун.

Пол — мужской. Возраст — под сорок. Ничего не бросается в глаза, непримечательный джентльмен. Я прошу себе «морнинг сет» и усаживаюсь напротив него.

— Так что, из какой вы клиники?

Я заказывал протезы месяц назад, все должны прийти чуть позже.

— Нет, я не из клиники. Я по другому делу прохожу, так сказать. Услышал, что вы ищете качественный протез.

Ух. Ну да, еще бы Ниидзима-тян не вел себя подозрительно. Этот джентльмен сам-то не в меру подозрительный.

— Ну, слушаю. Давай уже рассказывай.

Я готов отвечать «нет», но этот джентльмен у меня заплатит за уже заказанный «морнинг сет».

Его речь миновала предел подозрительной и стала немного смешной.

Вкратце: в окрестностях Сикуры живет ребенок-владелец уникальных протезов рук и ног, и, возможно, его искусственная рука подойдет Исидзуэ-сан? Так-то. Мне негде взять денег на такой явно дорогой протез, но этот ребенок ищет сиделку, стюарда, и если я его стюард, то он может дать поносить руку за так.

— Ага... И откуда ты это знаешь?

— Я до вчерашнего дня помогал этому ребенку. Хотя, к сожалению, получил расчет, — говорит он опечаленно.

— В смысле, уволен? Хе... Не буду спрашивать, за что, но зачем мне об этом рассказывать? Просто обычно за увольнение обижаются.

— Дело вот в чем. Я, конечно, мог бы просто забыть, но все-таки жалко дитя. Хотя бы замену хочу найти. Мучает совесть.

Джентльмен изложил сущность работы стюарда и зарплату. Достоверность ладно, но за такую работу двести тысяч в месяц — это неплохо. А тот момент, что я уж точно не встречу старых знакомых, вообще восхитителен.

— Вопрос. Почему я? С такими, как я, и заговаривать-то странно, тебе не кажется?

— Тот ребенок такой же, как и вы. Одержимый.

А-а. Вон как. Тогда понятно, разумно обратиться ко мне. Кто же по своему желанию захочет присматривать за переносчиком?

— А не буянит?..

— И пальцем не двинет. Я гарантирую вашу безопасность. Вы и сами только увидите его, сразу все поймете.

Мне становится еще любопытнее. Расспрашиваю, неспешно подъедаю «морнинг сет», даже еще кружку чая попросил.

В общем, мне захотелось хотя бы посмотреть на место работы. В деньгах я не нуждался, но найти сразу и работу, и протез вообще было нереально. А ребенок живет в окрестностях Сикура, да впридачу на частной земле... Явно жутко богатая девочка.

Обещаю сходить к ней хоть завтра и поднимаюсь.

— Спасибо. Тогда позволю себе один совет опытного человека.

Джентльмен улыбается, молитвенно складывает руки.

— Ребенок очень любит людей, и не пожалуется ни на какую грубость, ни на какое плохое обращение. Но имейте в виду. Как бы вы с ним ни были близки, ни за что не говорите ему одного...

Холодок по позвоночнику. Этот любезный и обыденный человек неприятно вздергивает уголки рта...

— Никогда, ни при каких обстоятельствах не предлагай ребенку выйти наружу. Как только скажешь что-то в этом духе, он воспримет тебя как безвозвратного, полноценного врага.

...улыбаясь, как дьявол.

Сикура — город крайностей. Вокруг вокзала обычный среднегородской вид, но торгово-офисные здания выстроились только вокруг центра, а кругом сплошь зияющие леса и поля.

Пройдя от станции в сторону жилого массива на холме Сикура пару километров, я миную границу жилых домов, и передо мной простираются поля и парки, насколько хватает взгляда.

Так вот... Такой прозаический пригород, местами поросший лесом, и в одном из таких лесов живет ребенок-владелец протеза руки.

Проехав сколько возможно городским автобусом, я зашел в лес, слишком большой для частного владения. В нем стояли городские фонари, заодно отмечающие дорогу, и вскоре я уже был перед искомым местом.

Здание, наводящее ассоциации с громадной игровой костью. На вырубке высится кубическая постройка со стороной в десяток метров. Ямада... наверняка псевдоним... говорил, что в резервуаре до краев воды.

Стальная дверь была не заперта. Внутри темно, солнечные лучи освещают лестницу, уходящую в подвал. Необычно глубоко.

— Жуть. Это даже не корпус D.

И все-таки скорее видно, чем нет. «Здесь живут драконы», — ощущаю я с холодком. Способность определять неведомое и смерть — общая для всех людей.

— Однако я уже согласился на личную встречу...

Неразборчивость в действиях — это по-Исидзуэ Ариковски, но раз данное обещание все-таки надо держать. Страхом за свою шкуру этого не изменить.

Спускаюсь по ступеням. Дверь закрывается. Сама собой! Иду по непроглядно-темному коридору. Быстро добираюсь до двери. На ощупь обнаруживаю объект, похожий на ручку двери, поворачиваю. Со скрипом открывается классическая дверь.

В тот же миг...

— А-а...

...смотрю вверх. Впервые в жизни я ощутил то, что называется «судьба». Тоже мне мечтательная девица. М-да, теперь у меня нет права подшучивать над Айболитом.

Эта комната была древней. Как будто из западного замка взяли и вынули ложкой темноватую и безлюдную комнатуху.

Пол в шахматную клетку. Кирпичные стены. Дорогая обстановка. Наваленная в углу комнаты гора всякой ерунды. Никакой ереси вроде электроламп, зато потолок весь стеклянный, да еще и в виде аквариума. Солнце освещает подземную комнату, покачивая лучами в воде.

— Здравствуйте. Вы Исидзуэ Арика?

Со стороны кровати с балдахином в центре комнаты доносится голос.

Мурашки неумно бегут по спине. На секунду чуть не забылось, кто я, но, взяв себя в руки, я направляюсь к кровати. Мне хотелось увидеть. Ясно увидеть, кто обладатель такого невозможно для этого мира прекрасного голоса.

— О, можно вы там остановитесь? Ух. И правда однорукий. Все как говорили.

За метр от кровати меня останавливают.

За вуалью, стекающей с балдахина, утопающая в постели фигура, фигура...

— У-о-о-о-о-о-о!!!

К-к-к-к-какая миленькая! Что это кто это как это, такие люди вообще бывают?! Я уже навиделся обворожительных красавиц, но такую красотку, чтобы не хватало слов, еще не встречал! И вообще, бывает же фэнтези в этом мире!

— Ау-у... Вы ведь Исидзуэ Арика-сан?

Черноволосая девушка смотрит на меня с беспокойством.

У меня сейчас расплавится мозг. Итак, глубоко в перине утопает девушка где-то четырнадцати лет. Редкостные светло-серые глаза, волосы чернее некуда.

Такая, какой нам никогда не доведется носить, похожая на платье пижама, наводящая на мысли об очень ценной кукле. Ненормально маленькое тело добавляет излишних ассоциаций с куклой...

— Ох, ё...

На этом моя разбушевавшаяся мысль застыла. Это не маленькое тело. Это недостаточное.

Нет.

Вообще нет.

У этой прекрасной куклы не существует рук и ног.

Я наконец понимаю, почему сиделка. И то сказать, так ей не пошевелиться, невозможно причинить кому-либо вред.

Совершенство. Это полностью выбило почву у меня из-под ног.

Кто вообще может подумать вывести подобное существо на улицу? Девочка и ее комната — целостны. Девушка без конечностей. Лес, куда не забредают люди. Подземелье под аквариумом. Так идеально отгороженный мирок. В хорошем смысле. Это восхитительно. Теперь понятно, надо было и мне так!..

— Исидзуэ-сан? А, вон что. Сначала протез, да? Подождете немного? Что-то вдруг испортилось настраивание. Только что был на столе...

Девочка сама может максимум поднимать голову.

Я невольно осматриваюсь.

Под софой свернулся похожий на добермана черный пес со скучающим видом. Даже когда я вошел, он без интереса продолжал дремать.

Комната вдруг потемнела. Подняв голову, замечаю в аквариуме некую рыбу вроде акулы, которая и заслонила солнце.

...Даже не знаю, с чего начать задумываться. Потолок же стеклянный, да? И десятиметровый слой воды там есть... Вода очень прозрачная, в такой точно можно выжить рыба? И вообще, почему акула-то?

— Вот тебе и на... Похоже, подходящий протез руки спит. Так сделки не получится...

Черноволосая девушка с сожалением отводит взгляд. Стоп-стоп, милочка, вы слишком впечатляете! Уважающий себя мужик без разговоров бросился бы ее обнимать, а может, душить, потому что нельзя и так далее.

— Нет, я возьмусь. Просто надо за тобой ухаживать, да?

— А подробностей — не надо?

— Не-а. Берусь. Работа простая.

На самом деле мне и сейчас страшно. Псы, акулы... Эта комната — неправильная. Но красота этой девушки наверняка включает в себя этот страх.

— Понятно. Спасибо, Исидзуэ-сан. Ты уже наверняка в курсе, но я Карё Кайэ. Что ж, рад знакомству, надеюсь, оно будет долгим.

В третий раз за день по спине пробежал разряд.

Девочка доверчиво и ослепительно улыбалась, произнося формальное приветствие. Очень обидно, что нельзя пожать ей руку.

Однако, что это было? Мне показалось, или я услышал «рад»?

— Стоп, так ты парень!!!

На-ду-ва-тель-ство! Ну, я думал, что для четырнадцати лет сверху как-то недоразвито, но блин, снизу-то, снизу, вон, висит, чертова мелюзга!..

— Ах-ха-ха-ха-ха... Нехорошо, Исидзуэ-сан, наниматься сиделкой с задней мыслью.

Черный чертенок невинно улыбается.

Его лицо, что ни говори, было настолько непобедимо очаровательным... Я даже дышал чаще, когда переодевал.

Был полдень второго дня с тех пор, как я стал стюардом. Мне так между делом бросили:

— Мне жарко. Исидзуэ-сан, переодень меня.

Вот так намекает, я думаю — ох, что дальше будет, а тут!..

— Между прочим... Это что? Китайское платье? Ты такое носишь как пижаму? Укоризненным взглядом протестую, мол, и не жалко?

— Просто халат так выглядит. Шелк — всего лишь для комфорта. Кстати, если я что-то один раз надену, то второй раз уже нет.

Серьезно?! Карё Кайэ совершенно пассивен, ни вот на столько не двигается.

Черт, я опять краснею, хотя очень этого не хочу. Когда я его раздевал, голова кружилась от ощущения аморальности. Раздевать красавицу без рук и ног. Уже зная — что ни делай, она не сможет помешать — девушка не противится, просто, глотая стыд, терпит бесцеремонного чужака. Похожее на игру с куклой чувство вины трясло мои пальцы, расстегивающие пуговицы.

Обнажившееся тело было настолько молочным, деликатным, что мне стало неловко своего тела, и я почти уже впал в беспамятство от осознания, что здесь и сейчас превращусь в преступника, как вдруг заметил предмет в промежности — каково мне было, кто-нибудь может понять?.. Никто? Ну да, наверное...

— Вот и все. Жалоб нет? На спине ничего не съехало?

— Ничего, аккуратная работа. Ты заботливый, Исидзуэ-сан. Да и одной рукой так ловко управляешься.

— А то. Есть одна — стараюсь одной двигать за две.

Отхожу от кровати, софу... и того черного пса обхожу на почтительном расстоянии и шлепаюсь задом на пол. Карё Кайэ — как тот махаон, что расточает яд в невинности своей, и если он будет ближе, чем сейчас, я получу смертельную дозу. К такому нужно постепенно вырабатывать сопротивляемость и закалку.

Мой быт сильно изменился. Весь день я, в общем-то, сижу в подземной комнате Кайэ, а домой возвращаюсь просто поспать. Однажды мне было лениво возвращаться, и я спросил, можно ли заночевать.

— Ночью опасно, нельзя. И вообще, кто мне сказал, что черта с два сможет в таком месте пробыть целый день? Хоть ночью надо же подышать свежим воздухом?

Так мне нипочем не дали остаться на ночь.

Работа до зевоты легкая. Заботы, связанные с едой, иногда прогулки по комнате на протезах, разговоры ни о чем. Вытирание тела — все еще крупное беспокойство, но, скажем так, забота о нижней части...

— Исидзуэ-сан, возьми тот протез ноги.

...решилась таким вот образом. Он сам ковыляет в туалет.

Податливо-пустые дни сменяли друг дружку, я оглянуться не успел, как прошел месяц. Получив первую зарплату, я обеспокоился, можно ли вообще столько брать. Работа должна быть трудной, а если она такая веселая, я начинаю бояться старых бед и нервничать.

Баланс начал нарушаться — я и сам заметил. Мое ранее беззаботное одиночество в квартире начало вызывать уныние. Небольшой, но любимый дом теперь совершенно не казался восхитительным. Мой идеал стал таким: если хочешь, чтобы никто не мешал, будь в той подземной комнате. С тех пор, как я узнал о ней, эта квартира стала не более чем ночлежка. Когда безродная чернь попадает на бал во дворце, надо думать, своя жизнь ей кажется пустой.

Включаю телевизор и под потоком неинтересных новостей лежу в постели, вспоминая сегодняшнюю подземную комнату.

— Исидзуэ-сан, ты проигрываешь своей фамилии, «Каменный посох».

«Серьезно напрягает. Кем он вообще себя считает?!» — думаю я иногда, всерьез ненавидя этого испорченного мальчишку. Ну а как еще, когда я так о нем забочусь и словом, и делом, а он вообще не волнуется, что я подумаю.

— Я думал, ты более жестокий.

— Что?

— Ты же добрый, заботишься обо мне. Хотя я и неполноценный, а все равно чувствую себя как человек, вот какой ты.

То есть ему нравится холодное отношение? Мазохист фигов!

Но я вижу силу, которой у меня нет, в том, как Кайэ вообще не беспокоит, если с ним обращаются как с вещью, в том, как он ведет себя достойно, не заикливаясь на любых чужих словах... И зачем стараться быть рядом с тем, кем не стал, кем восхищен?... Хе. Наверно, ждешь, что хоть капля перепадет и тебе. Ничего необычного.

— Черт, это как ходьба по канату. Когда нарушается баланс, нужно хладнокровно выправить.

Если дернешься обратно — упадешь. Все нормально, аккуратно вернусь на место. И то, что я хочу и дальше заботиться о нем, насколько возможно, и то, что у меня не выходит из головы подземная комната, — просто временное отравление.

Так же, как и с балансиром. Пройдет месяц, и жар должен снизиться.

Впрочем, это полное надежды предсказание было наивным.

Осложняя ОРЗ, жар не то что не спал, а продолжал подниматься. Неприятно признавать — но что делать, такова жизнь. Когда удача отвернулась, она то и дело против тебя.

— Ах да. Исидзуэ-сан, твой дом — на севере Сикура, да?

— Да, а что вдруг? Что-то надо сходить купить?

— Хочу посмотреть своими глазами, если достанешь. Исидзуэ-сан, ты в курсе? В это захолустье снизошел мир рок-н-ролла!

Видимо, пребывая в хорошем настроении, Кайэ сегодня нацепил протезы ног и левой руки. Может, поэтому я впервые увидел его театральный жест.

— Что за рокинролл? Окаменелость?

Закрываю томик комиксов. Он сказал, что купит книжек, чтобы убить время, и я под дополнительные расходы купил ему комиксы. Кайэ вообще не читает, поэтому они в состоянии вечной одолженности мне. Я строю козни убедить его купить все «Сангокуси», но это секрет.

— Зачем так, «окаменелость»... Так говорят о физической форме предмета, похожей на камень... Исидзуэ-сан, ты что, музыку не слушаешь?

— Нет. Когда пробую сам играть, получается, но чужое слушать не люблю.

— Хм-м. То есть и про «рок-н-ролл» ты не знаешь. Так вот, среди молодежи на севере Сикура, говорят, за нормальную цену можно достать лекарства, которых в аптеке нет.

— Чего?..

Как гром с ясного неба. «Хотя это неважно», — продолжает вещать подземный чертенок.

— Но да, это все совсем не так круто. Фарцовщик старается, народ до двадцати лет только и делает, что бесится. Дельцы не только торгуют препаратами, они заодно выжимают ребят, опаздывающих расплатиться, преподают наглядный урок, в этом он знает толк.

Похоже, погрязшие в долгах ребята попадают под машину. Когда умышленно сбивают и сбегает, фиг поймает, мне знакомый сыщик жаловался. Все это не имеет ко мне никакого отношения, но бредовая история похожа на только что читанный комикс.

— Слушай, я не знаю. Разве все это не кончится, как только выяснится, что бизнес — прикрытие? Хочешь посмотреть сны — пожалуйста, триазолама за глаза, и будет прилично и схвачено, и постоянных клиентов не будет больше какого-то количества, да? Если специально стараться распространять, сразу поймают, и не смешно же.

— Угу. Но проблема-то в том, что не ловится он. Фарцовщик, конечно, сам не показывается, но все его дела — подражания. Он учится на сравнительно долгих и удачно кончившихся мелких тяжбах и подражает им. Так что и инспектора не могут составить для себя образ преступника.

Странная тема.

Казалось бы, кто может лучше меня разбираться в подражательных преступлениях?

Тем не менее, если преступник не выходит из чужого образа, то и его истинного лица не увидеть. Его особая примета, как это ни глупо, — то, что у него нет своего лица.

— Вот странные преступники. Чего они хотят добиться подражанием?

— Кто знает. Ну, как минимум не того, чтобы занять чье-то место. В общем, такие дела, я думал, ты что-то знаешь, Исидзуэ-сан. У тебя же характер такой, запросто поддерживаешь такие темы.

— Да ну. Думаешь, какой-то фарцовщик вообще подойдет близко к той многоэтажке?

— О.

До Кайэ дошло. Хе, я живу в доме №13, которым мамыши пугают капризных детей.

Знаменитом высокой опасностью и бедностью. Впрочем, мне на удивление приятна эта тема.

— М? Веселишься, Исидзуэ-сан? Так ты все-таки что-то знаешь?

— Не-а, честно не знаю. Но это... ты ведь сейчас беспокоился обо мне, да?

Это ведь было предупреждение — смотри не вляпайся!

Кайэ не двинул бровью:

— Почему? Мне любопытны преступники-пересмешники. Что с тобой станет, меня никак не касается.

Черный пес гавкнул.

И тем не менее, дни были занятыми.

Пять месяцев прошло с тех пор, как я выписался из той клиники. «Может, так же, в попутных ветрах, кончится и этот год», — думаю я с оптимизмом, возвращаясь в многоэтажку. Сегодня этот в подвале был, как всегда, безразличен к моей судьбе, и я в последнее время думал, что это тоже ничего. Времени у меня сколько угодно, и, в конечном счете, положение лучше. Если будет совсем неважно, просто заставлю его слушаться силой.

— О, привет, Арика-тян.

Перед дверью меня ждал Ниидзима-тян. «Пинь!» — реагирует расслабившийся было радарчик в моей голове.

— Что-то случилось?

— Ну, в твоей комнате до недавнего времени кто-то был. Ты же до семи часов не приходишь? Я подумала — странно как, пошла глянуть, а оттуда какой-то странный

мальчик выходит. Сказал, что знаком с тобой еще до больницы, мол, не беспокойтесь, и ушел восвояси.

— Чего-чего?.. Это все? Точно ничего больше не было?

— Говорю же, нет. Правда, впервые вижу, чтобы к тебе кто-то заходил, Арика-тян. Еще бы. Потому что я не говорил старым знакомым, что выписался. Я благодарю Ниидзиму-тян и захожу к себе.

— Черт. За что, почему? Вообще ничего не понимаю.

Помещение представляло собой наглядный пример квартиры после обыска.

Кровать и телевизор — нетронуты, я сажусь на первую и задумываюсь, кто бы это мог быть. Естественно, ничего в голову не приходит. Надумалось разве что, что надо завтра первым делом сменить замок.

— Непонятно за что? Ну и дела. Сегодня только это и слышу.

Следующий день, два часа пополудни. Хлопоты с дверью пожрали время, и я появился на работе поздно.

Одним соком сыт не будешь; я нарезаю Кайэ яблоко, сам ошипываю виноград. Нарезка яблока одной рукой — трюк, который я выучил только ради Кайэ.

— Слушай, я серьезно говорю. Вчера я прихожу домой, а там все перерыто. Вообще-то я после больницы не делал ничего, чтобы заслужить чью-то неприязнь.

Я советуюсь с ним, что бы это значило?..

«А-ам!» — открывает рот Кайэ. Я аккуратно скармливаю ему яблочную дольку. На столе есть протез левой руки, но сегодня ему, похоже, не хочется его надевать.

— Хм-м, может, обычный домовщик?

— А ничего не украдено. Я предпочитаю носить банковскую книжку с собой.

И вообще все деньги ношу с собой. Если вдруг кто-то увидит мои доходы, мне конец.

— Хм. Ну, толку думать нет, по-моему. Ты же не помнишь, что было днем? И не знаешь, что делал вчера, верно?

— Ну... так-то оно так.

Вот только... Эй, я точно это говорил Кайэ?..

— Спасибо большое, можешь убирать.

Иду с подносом к раковине.

Поскольку кухни в комнате нет, посуду приходится мыть в раковине в туалете.

Наземный водный резервуар кубический и эта комната тоже. В квадратных стенах различные двери; рядом с той, что ведет наружу и в лес, — уборная. Причем без двери. Все двери, кроме южной, — запертые и таинственные.

— О... Почему в раковине лежат две чашки?

Почему, нипочему.

Сегодня, перед тем, как я пришел, здесь был гость.

— Э-эй. Кто приходил-то? — кричу, отмывая фруктовый нож и тарелку.

— Что? Ты же мне его представлял? Он сказал, что нуждается в помощи и хотел во что бы то ни стало спросить...

Перекрываю воду, бросаю фруктовый нож в карман, закручиваю оба крана, и по возможности натурально возвращаюсь в комнату.

— Каков он из себя? Мне чтобы было по чему вспомнить.

— Чуть младше тебя. По имени Хисаори Синъя.

— Хисаори... Синъя?

— Ты же его знаешь?

Да уж, знаю. Как не знать.

Но — почему он?

Он что, уже выписался?

— Как всегда внезапен. И что? О чем говорили?

— Тема была та еще. Жаждет отомстить сестре. Ты ведь в курсе, как его поймали?

— В целом слышал.

Хисаори Синъя. Старшеклассник, оставил родителей умирать, а заодно пытался убить сестру. Впрочем, это все было три года назад, сейчас он должен быть в клинике. Но если он смог покинуть больницу, то, думаю, он образумился, у него и мысли не возникнет мстить сестре.

— Ну а ты, Кайэ? Что сказал?

— Что ни говорил, мои слова до него вообще не доходили. Ты же знаешь сам, о чем люди шепчутся. Если захочешь убить одержимого, попроси демона, живущего в лесу. То есть это про меня. Хисаори-сан, к сожалению, воспринял это всерьез.

Над потолком резвится рыбина.

Черный пес у софы шумно сопит.

Я впервые узнал про такой слух. Ну да, этот сорванец может к подобной просьбе и прислушаться.

— Ясно. Все-таки старшая сестра Синъя — одержимая. И вон он решил отомстить уже наверняка... Что ты посоветовал?

— Поосторожнее рыть другому яму, больше ничего. Хисаори Синъя с руками и ногами, я даже протез руки не могу ему одолжить. А, спросил, как он хочет отомстить, а он — убить, как же еще?

— Гав, гав! — черный пес, до сих пор ни разу ко мне не подходивший, потерялся о шганину.

— Не было печали... Во сколько он ушел?

— Где-то за час, как ты появился.

Мы знаем друг друга. Нельзя такого опасного типа предоставлять самому себе.

— Извини, можно я сегодня пораньше уйду? Надо догнать Хисаори Синъю.

Вот только стоит ли? Если дойдет до рукоприкладства, с одной рукой мне несдобровать.

— Ага. погоди. Можешь взять с собой протез со стола. Раз у тебя еще нет собственных чувств, ты только с ним сможешь управляться.

Ничего не понял. Протез — для левой руки, который на столе?..

— Бери, не стесняйся. *Ты же с самого начала хотел протез руки.*

— А. Угу... Верно, тогда возьму. Хотя на что он мне сгодится...

После таких слов не могу отказаться.

Взяв белую левую руку, которую даже не хочу трогать, которая мне даже не подойдет, я покинул подземную комнату.

Прямо скажу, я знал, где искать.

Если за три года ничего не изменилось, дом Хисаори Синъя — землевладение в Нодзу.

Вернувшись к станции, сажусь на автобус в Нодзу. Впервые с выписки я еду в эту местность, и мне не хочется особо светиться. В автобусе прилаживаю протез руки, одолженный Кайэ. Он сделан по его образу и подобию. Я старался практически не думать об этом, но я знаю, что этот протез — «чудесный», без трюков.

Белую искусственную руку достаточно было приложить к моей культе, как она точно приросла. Как будто мне надели гипс. Она, конечно, не двигается... Чудесного в ней было то, что вот Кайэ ею двигает, *как бог*.

— Серьезно, какая же тут хитрость?.. — бурчу я, а автобус все катит.

Вскоре я прибываю в Нодзу. День погружался в сумерки, и одна из трех великих страшилок города Сикюра, иллюзорная многоэтажка, подернулась красным.

Хисаори — корпус 3, квартира 303.

Табличка с именем пустует. Похоже, новая семья не вселилась. Квартира после одержимых, кто бы в такую въехал.

Открыв замок, я вхожу. Я не хотел, чтобы он удрал, поэтому втиснулся, не зацепив дверного колокольчика, но внутри было совершенно пусто. Дома в Нодзу — 3LDK, и здесь было несколько тесно, но места как раз должно было хватать, чтобы мать, отец, сестра и брат уживались.

Солнце уходит за горизонт. Окидываю взглядом из пустынного зала балкон.

Вот так...

Если его здесь нет, я не знаю, как его отыскать. Вовсе не хочется, но неизбежно придется, как вернусь, позвонить в клинику и спросить у персонала о выписке.

х х х

Момент был таким удачным, будто его рассчитали.

Шел десятый час вечера. Я вернулся из Нодзу и был перед домом №13, когда внезапно получил тупым предметом по затылку.

Искры из глаз.

Сознания не потерял, но чуть не зарылся носом в землю.

Не давая опомниться, последовал пинок в спину, меня бросает наземь.

— Эй, ты Исидзуэ Арика?

Меня хватают за тяжело пульсирующую голову и волокут в темноту. Что за черт?.. Прямо передо мной жилой дом, и никто не придет на помощь, что ли?!

— У-э? Че, это он, что ли?! Че за нафиг, он хилее нас! Это он-то до сих пор загонял нас в угол?!

Опять искры. Кажется, пнули в голову сбоку. Мне уже при всем желании не справиться с ситуацией. Больше трех, но меньше шести малолеток прижало меня к толстому дереву.

— Эй, ты живой? Ты живой, правда? Хотя я плевать хотела... Та-кун, можно мне тоже?

Можно я ему врежу?

— А че нет-то? Вишь, кровь не идет. Только по лицу не надо. Ты ж со всей дури дашь, он и загнется.

Смеются.

Дам-м! — гулко стучает по затылку. Наверное, с размаху дала, как в гольф.

— Ты че, дура, по затылку то же самое! Фу, кровяшка! Seriously, кончай, он же сдохнет!

— Ну-у, ну и пусть подышает? От них все равно толку никакого.

— А-а, точно! Это ж одержимый, он и без башки ничо. Больной-стальной!

И начинается линчевание.

Со скрученными руками я превращаюсь в какой-то мешок с песком, на который еще и ругаются. От все новых и новых ударов в голове начинаются перебои, я уже не вижу лиц, не понимаю слов. Осознаю только то, что они были первыми ласточками.

— А!..

Левая рука, протез, шевелится. В просто так пристывший протез густо вливается кровь — *вжух!*

— Что?.. Та-кун, что у тебя с рукой?

Она начала вопить сразу же после вопроса.

Правда, ну что за гнусность? Прямо перед глазами, перед носом жилой дом, и хоть бы кто вышел.

Ярость, возмущение тем, что какой-то слабак нанес ответный удар, нападение толпой. Это переламывает подавляющая разница в силе, отсюда попираание, надругательство, стоны и зубной скрежет.

— А-и-и-и-и-и... нет, п-п-прости меня, прости меня, прости меня-я!..

Мольбы единственной оставшейся женщины где-то моих лет вызывают у меня взрыв смеха.

Признаюсь, я крайне не люблю применение силы.
Но садизм после мазохизма — это очень и очень клево...

— Ха-ха-ха, ха-ха-ха, ха-ха-ха, ха-ха-ха, ха-ха-ха, ха-ха-ха!

Я едва унимаю смех.

Пять молодых людей вокруг... или шесть? — лежат на земле. Они все в крови, но в принципе в добром здравии.

— О черт! А хотя, ну, они же еще живы?

Ха-ха-ха. Легкое сожаление.

Что же это... Наконец-то началась новая жизнь, я хотел стать обычным человеком, и тут ничего и понять не успел, как нарушил допустимые пределы самообороны. Ха-ха-ха! Тут надо аккуратней, а то мне дорога обратно в клинику. Но было так весело, так радостно, ничего не попишешь. Да-да! Человека в таком душевном состоянии совать в клинику — это же преступление. А ответственность ложится и на них.

— Эй, Та-кун. Скорую надо? Не надо? Странный какой. Хрипишь что-то, не поймешь тебя.

Если оставить их так, двое, наверное, умрут, ну а впрочем, кто-нибудь должен скоро проехать. Легкомыслие, с которым они напали прямо на обочине, — ниточка, которая спасет этих та-кунов.

— Вот и славно. Если бы хоть один умер, и это вскрылось, пришлось бы уходить на дно. А так нам всем повезло.

Ха-ха-ха, ха-ха-ха! Вот незадача, от избытка радости не могу контролировать выражение лица. Опять же, чего тут стоять, пойду-ка домой.

х х х

— Привет-привет, мой дом, я снова здесь!

Хоть по дороге и встретила маленькая проблема, я все же нормально добрался из Нодзу до дома.

Снимаю основательно замаранную одежду, включаю телевизор, плюхаюсь в кровать.

Поток новостей заставляет меня не верить своим ушам.

— Что-о-о?

Вскакиваю, смотрю в телик. Мне не показалось.

Вечно сообщающий новости из какого-то другого, не нашего мира диктор называет знакомые места и имена.

«Сегодня, около шести часов вечера, в индустриальном районе Нодзу города Сикура, в жилом массиве обнаружено тело молодого человека, опознанного как Хисаори Синъя, девятнадцать лет, проживавшего там же. По словам свидетелей и записям Хисаори, в причастности к смерти подозревается некто ***. Этого человека видели там в то же вре...»

— Что за бред!

На этот раз у меня в голове становится пусто.

Из грогги на грани потери сознания я кое-как прихожу в себя:

— Почему вдруг я-то его убил?

По подозрению в убийстве Хисаори Синъя назвали мое собственное имя.

2.

HandS.(L)

disconnection
isorder

Что бы я ни делала, ничего не удавалось.

А ведь девочка без изъянов, если судить по отметкам. Лучшая ученица, если судить со стороны.

Все вокруг постоянно боялись меня до такой степени, что желали мне смерти. Я знаю почему. Потому что момент окончания любых дел для меня был не таким, как у остальных детей.

От простого похода за покупками до разговоров с родителями. От школьных дел до забот о здоровье. Я была не в силах остановиться, если дело не двигалось к лучшему результату, о котором могла на тот момент подумать. И каждый раз родители разочаровывались во мне, но успехи все-таки были, и они говорили, какая я молодчина. На этом все и кончалось.

Восстановление, разумеется, прошло успешно и провалилось.

Добиваясь результатов своими методами, я одновременно заставляла многих страдать. Просто меня никто не винит, потому что плюсы перевешивают. Когда-нибудь это отношение перевернется.

Но я не знала других методов. Папа ругал меня: «Ничего не делай». Я была странной до мозга костей. Мама призналась, что я как соринка в глазу. Я никак не могла себя исправить.

Лишенная выхода, я унывала и даже не могла выйти на улицу. Я уже даже ложку держала страшно.

Но однажды мама научила меня — если я боюсь своих действий, пусть я повторяю в точности чьи-то еще, и у меня все получится.

И вот...

В конечном счете, я не знала, как остановить себя.

0/Hand (L)

— Исидзуэ Арика-сан, мои поздравления. По результатам исследований вы признаны латентным. Ваш курс лечения как носителя агонистического синдрома завершен. Приятно было иметь с вами дело эти полгода.

Через полгода после клиники, в июле 2003-го.

ЭКГ, пульс, АД, а также церебральная плева внутренностного нерва и прочие потроха были оценены и зачтены; моя невиновность – доказана. И только Мато-сан, сверлящая меня глазами с той стороны стеклянной двери, была недовольна.

— Спасибо большое. Теперь можно с чистым сердцем выписываться?

— Нет, Исидзуэ-сан, поскольку вас поранил синдроматик, мы переходим к следующим процедурам. Таким образом, мы будем обследовать вас так же, как и раньше, но переведем в обычную палату...

Похоже, «раз не одержимый — выпишем» здесь не работает. Злое Томато удовлетворенно кивает. Я долго терпел, я умею, но еще лучше Мато-сан умеет давить, и вот — последняя преграда.

Что за человечище, мало она надо мной издевалась?

— Подробности доктор Мато должна была разъяснить. В общем, теперь расписание вот такое... Ваш случай, Исидзуэ-сан, для нас внове, и мы хотели бы подойти к процедурам с несколько большим вниманием.

Среди персонала корпуса А много сравнительно настоящих врачей. Этот, довольно дружелюбный, подставил документы, напоминающие контракт.

— А, вот здесь расписаться, да...

...С авторучкой в руке я обмираю от нового расписания. Так, половину дня занял обход кабинетов врачей сверху вниз корпуса А. Вторую половину — так, болтай с другими пациентами, держи себя в форме, а напоследок — сеанс романтического психологического высококлассного закончившегося сегодня, казалось бы, осмотра с самой доктором Томой!

— Пардон, вопрос. Что это за долг службы данной клинике в основном абзаце?

В клиниках разве не мне, пациенту, служат?

— Э, дело в том, что вы хоть и пострадавший ментально, но здоровый мужчина, так?

Потому, как часть реабилитации для будущего возвращения в общество, полезен и такой метод лечения.

Ну-ну. Живи в одной палате с предписанными клиникой пациентами, болтай с ними, носись с ними, из шкуры вон лезь, при этом реабилитируйся. Получается так. Шут с моей безопасностью — главное, для них это должно дать незамедлительные результаты. А то и мне нет смысла рисковать жизнью.

— У меня есть право отказываться в отдельных случаях?

— Ну... Вообще, доктор Тома сказала передать, что это не волонтерство, а система. Жалко человека, совсем запутался. Между прочим, больше всего происшествий со смертельным исходом в этой изолированной клинике было не от остановки жизнедеятельности при операциях, а при вызванных неловким общением между пациентами вспышках агрессии.

— Вас понял. Кстати, доктор. Я просто уточню — эта служба, она добровольная, да?

— Да, в широком смысле. Хотя верность или дзюнси⁴ тоже подходят.

Ясно. Видимо, до выписки еще далеко.

Выйти живым не позволят убеждения Мато-сан, а мертвым — можно хоть завтра, с вероятностью 50/50. То есть — оставь надежду...

⁴ Практика следования за своим лордом в могилу.

Помедитировав, я вышел из кабинета и встретил ожидавшую меня Мато-сан. Она была без белого халата — видимо, сейчас уходит.

— Сёдзай. Сразу скажу — ничего добровольного.

— Утечка данных приватной беседы! Ладно, ладно, понятное дело, принудительно.

— Ага. Пока у тебя есть роль, обхожусь с тобой как с человеком. Ну, с головой-то в работу можешь не бросаться. Просто ты такой балбес, что без дела на минах плясать начнешь. Ну давай, до следующей недели, — прощается Злое Томато.

Так и запишем — «берегись, на той неделе ждет отчаяние». Тем не менее, я получил хотя бы свободу гулять по корпусу, поэтому в первую очередь потопал в исповедальню Айболита. Доктор Айболит, он же Доктор Роман, он же попросту Кинуи, — всегда на стороне пациентов, которых что-то тяготит.

— Ничего такого отчаянного нет. Я считаю, вполне стоит надеяться. В вашем случае, Арика-кун, ваша сестра направлена в D, поэтому клиника не может просто отписаться, что-де проблем нет, даже если вы латентный. Ведь и это решение уложили всего в полгода только благодаря тому, что доктор Тома прилагала все усилия.

— Ну, это да. Цитируя Мато-сан: «тебе хорошо — хоть до полусмерти загоняй, за ночь все забудешь», так что все верно.

Тут уж надо думать, она весело прилагала усилия во все стороны.

Медэксперт Тома Мато, прозвище — Мато-сан. Когда моя одержимая сестра взбесилась, она повязала ее до того, как всему вокруг стало плохо. Спасла мне жизнь.

Позднее выяснилось, что она — медэксперт-инспектор полиции, элита общественной безопасности, командированная инспектировать А-синдроматиков. Женщина работающая, часто появляется в клинике и исследует пациентов, а то и притаскивает новых.

— Ах да... Арика-кун, ваша память не удерживает дневных событий спустя ночь, да?

Скажите точнее, с какого и до какого часа она теряется?

— Утром, как ни странно, зависит от настроения. Ну, если усреднить, память за время с полдевятого утра до шести вечера у меня пропадает. И еще без учета времени все вылетает, когда сядет солнце.

И наоборот, события с вечера до утра я могу запомнить. Поэтому важно это знать, а там уж как-нибудь можно прожить. Записать все важное, что случилось при свете дня, а за ночь заучить записи, и все. Только пишу-то я текстом, поэтому вся информация, которая зависит от изображений, допускает погрешности в деталях.

— Какая незадача. С одной стороны, все расстройства выпадают, но жить можно без проблем. То-то доктор Тома не хочет вас выпускать. Тома, вы хотели излечить травму памяти Арики-куна, верно?

— Да ну-у. Я просто устала с этими пытками.

— Вот в это не поверю. Арика-кун, как считаете, она устала с пытками?

Предостережение улыбкой... и я узнал неприятную правду.

— Понятно, я был дурак. Кстати, Док. У меня с завтра появляется свободное время, чем можно руки занять?

— Почитать... нет, чтение не для вас. Смысла нет читать днем, забудете. Если уж читать, то ночью.

— Угу. Хотя в чем-то это офигенное счастье.

— Тогда, может, порисуете? На холсте-то все будет оставаться. И когда возобновите рисование, не так трудно будет.

— Ну, тоже верно. А рисовать — вообще занятно?

— Чем серьезнее относишься, тем больше головной боли. Но, Арика-кун, вы разве в детстве не рисовали ничего?

Айболит приносит покрытые пылью рисовальные принадлежности.

Ну да. Я помню, малевал когда-то каракули. Не для того, чтобы кто-то меня похвалил, не для того, чтобы кому-то показать, просто игрался с кисточкой. Когда изначально нет никакой цели, можно избежать неприятных воспоминаний?

В комнате ожидания корпуса В — ателье, шахматы. Единственное приличное место в клинике с видом на внутренний сад. И вот я шлепал кисточкой туда-сюда, когда со мной заговорила забавная личность.

— Виноват, можно, я рядом пристроюсь?

— Гм?

Личность представилась как Хисаори Синъя, хлопнулась на пол задом и придирчиво осмотрела меня. Как мелкая зверушка, которая впервые встретила человека. Блестящими глазами он с огромным интересом следил за каждым моим движением.

Полная адских миазмов, она, тем не менее, не имела злых намерений, поэтому я начал общаться с ней в расслабленной, тягучей манере.

— Возможно ли одной рукой так ловко управляться?

— Другой-то нет, так что стараемся помаленьку.

Я похихикал, и Хисаори, весело, тоже — «кхи-хи-хи». Так Хисаори оказался довольно заурядным персонажем, болтал ни о чем и стал моим другом.

Мне четко запомнилось, ну, как ему понравилась моя рука. У меня нет левой, поэтому осталась правая. И вот этой единственной правой рукой он любовался — наверное, потому, что...

— Привет, Исидзуэ-сан. Сегодня *сеги*?

Прошло полгода, и вот — две тысячи четвертый, начало.

Вляпавшись в скучную проблему, которая приключилась в клинике, я задержался с выпиской до лета. Тут передо мной появляется незнакомый пациент.

— Ты в порядке? Это я, Хисаори.

Хисаори?.. А, и правда, приметы человека передо мной, если припомнить записи, совпадают с приметами Хисаори Синъя. Я встречал его только днем, и образ в памяти не отложился.

Я проверил, что он — это он, так, в текстовой форме описал телесные особенности. Длина волос, рост и сложение, пол... Запоздал с опознанием я потому, что Хисаори, стоявший передо мной, претерпел решительное изменение, приобрел новую примету.

— Ну, и что с тобой? Упал?

— А-а, это? После операции. Там давно было все плохо, просто сказал, чтоб ампутировали.

Такой же однорукий пациент, как я. С этого дня Хисаори лишается правой руки.

Мы немного поболтали. Зазвучала музыка, личное время кончилось, Хисаори прощается и уходит.

— О-о. Привет, Арика-кун.

В этот момент со мной поздоровался удачно проходивший мимо Доктор Айболит.

Хороший мужик, в том смысле, что можешь спросить что угодно, он ответит.

— Слушай, Док. Хисаори уже что, выписывают?

— Да. Как и вы, Арика-кун, Хисаори по службе на хорошем счету, поэтому выписка переносится на полгода раньше. Да и в этом месяце надо было кого-то одного выписать. Если бы вы хорошо себя вели, сейчас выписали бы вас.

— Ха-ха-ха. Да, Мато-сан рвала и метала. И, похоже, завтра мне опять в изолятор...

Лучше вот что скажи. Какие у Хисаори-сан вообще симптомы? Человек вроде в корпусе С, но я вообще ничего такого за ним не замечал.

— Новообразование у Хисаори-сан редкое. Внешность меняется, но в то же время со стороны симптомы нельзя определить. Поняли, о чем я?

Поднимаю руки — я пас. Видно, но нельзя определить — что за загадки муторные? Но вообще, если честно, мне не были интересны симптомы Хисаори.

— Выражение лица. Внутри лица Хисаори-сан нервные клетки, мышцы, волокна становятся совершенно новыми. Хисаори-сан по собственной воле, по воображаемому образу может менять свое выражение лица.

— Чего? Это же обычное дело. Скажем, рассердишься — лицо становится злым.

— Ну, да... Когда сердишься, не улыбаешься. Однако Хисаори-сан — нечто особенное. Когда сердится, выражение лица становится печальным. И вашу манеру выглядеть безжизненно может в точности отразить.

— Хм-м... Экое странное новообразование. Но так можно и не лечить, а сразу выписать. Никакой опасности в этом нет.

— Это как сказать. Для отдельного живого существа это невеликая сила, но в обществе — зрелый талант, не находите? Хотя здесь нелегко подобрать аналогию.

Наверное, речь о том, что фальшивая улыбка, которая не выглядит фальшивой, — страшное дело. Может, Айболит снаружи встречался с какими-нибудь свадебными кидалами?

— Ну ладно, оставим в покое новообразования. Что толкнуло ее стать одержимым? Спрашиваю сразу суть дела. Именно это мне интересно, и как бы Хисаори ни казался нормальным, но раз очутился здесь — значит, однажды все-таки сломался.

— Скажем, аномальной степени зависимость. Хисаори-сан не может иметь ясной цели по жизни. Практически разучилась оценивать себя объективно — так яснее? Не повторяя чьих-то движений, она даже ходить не может.

— Хм-м... А это, ну, вообще по адресу пациент? Ей же перед нашим чистилищем в психушку надо было.

— Нет-нет, проблема, конечно, имеется, но это вовсе не значит, что она становится самим человеком, которого повторяет. В конечном-то счете она — Хисаори Макина — всего лишь принимает во внимание чужую жизнь, чтобы все получалось.

— И потом, Арика-кун. В упомянутом вами лечебном учреждении числится ее младший брат, Хисаори Синъя...

Начало две тысячи четвертого года.

Через три года после принудительного помещения в психиатрическую больницу, вылечившись путем 2,5-летнего психиатрического вмешательства, помещенный в юношескую клинику общего профиля Хисаори Синъя в возрасте 19 лет был поставлен на учет органов защиты, но признан общественно реабилитированным.

Родственники принять Хисаори Синъю согласились. Примечание — по странному совпадению его старшая сестра, Хисаори Макина, была выписана из клиники им. Ольги примерно в то же время. Родственников, пожелавших ее приютить, не нашлось, и она поселилась в муниципальной организации благополучия города Сикура.

Хисаори Синъя был официально признан как ответственным врачом, так и ответственными инспекторами образцовым пациентом, его ментальное и физическое состояние — наилучшим, а знавший его состояние возбуждения во время первоначального происшествия ответственный доктор аплодировал приложенным им трехлетним усилиям.

Тем не менее, показания даже излечившегося Хисаори Синъя касательно происшествия остаются неясными. На тот момент его позиция была такова, что Хисаори Макина была преступником, а он сам — пострадавшей стороной, но через несколько дней, после того как Хисаори Макина была признана пациентом с синдромом А, он признал свою ошибку, и вот текущая версия.

Далее не он говорил о старшей сестре, Хисаори Макине, но двухлетнее судебное разбирательство объявило дело о семье Хисаори несчастным случаем.

Через полгода после начала диспансерного режима Хисаори Синъя был найден в комнате в индустриальном районе Нодзу мертвым.

Причина смерти — кровопотеря от рваной раны шеи.

С тех пор, как он потерял родителей и столкнул сестру с балкона третьего этажа, прошло три года. О чем он думал и чего страшился, теперь никому не узнать.

Кроме...

Того, кому за полдня до этого, в подземной комнате, он рассказал свою историю.

«Я расскажу про свою сестру, послушаете?»

Я ни разу не думал о сестре как о человеке. Сейчас-то у меня есть причина, но в раннем детстве это было странно, удивительно. Хоть сестра была так совершенна, была идеалом для меня, почему она была настолько же противна?..»

На этом вопросе он с умиротворенным видом начал повесть.

Сестра обертывает, а я вытягиваю.

Эти понятия — у нас в иероглифах имен, и мама говаривала, что мое имя — Синъя — родилось от сестры.

Макина и Синъя. Родители мечтали, что мы станем очень гармоничными сестрой и братом. Мне тоже этого хотелось бы. Но сама сестра была не из тех, кто в состоянии понять такую человеческую инерцию.

Семя таланта созревает только тогда, когда окружение правильно его растит. Если бы дать варварам современное оружие, оно бы только ухудшило все; так же и нашей мирной семье не требовался бог. Хисаори Макина, значит, была для дома примерно такой же карой небесной.

«Слушай, Синъя, сестренка ведь иногда хочет побыть одна? Обязательно рассказывай об этом папе или маме. Пока что-то еще можно исправить...»

В детстве каждый раз, когда мы выходили поиграть, мама втайне шептала это мне на ухо. Может, потому что так часто она напоминала, сейчас это у меня вообще в первичной памяти. Я только успел войти в сознательный возраст и просто наклонял голову набок, вообще не понимая, что мама имела в виду. В это время я безоговорочно обожал сестру, и мне было постоянно завидно, что, куда ни пойдешь, все было к ней ласково.

И я помню недовольство матерью. Ведь сестру все вокруг так любили, что в округе здоровались с ней. Мол, чего это она смотрит на сестренку как на чужую.

«...Да. Синъя-кун, ты ведь брат Макины-тян».

Ситуация дала ростки изменений, когда я пошел в школу.

Я был во втором классе, и классрук выделил меня только за то, что я был братом Макины. Оказалось, он был у нее классруком в прошлом году. Макина год назад была не самой прилежной девочкой, особого интереса к учебе не питала.

«Ну, тут всего-то и надо, что заучить. Просто игра же, чего я буду упираться.»

В Макине не было ничего детского, но и в учителе — взрослого. Она считала игры и учебу глупостью, на что учитель взял и ответил — тогда заучи все, до этого не пущу в класс. Несколько дней потом Макина не выходила из комнаты. Мы с сестрой до перехода в среднюю школу были в одной комнате, и я хорошо знаю, что происходило. На двухъярусной кровати сверху она днем и ночью, в изоляции от внешнего мира, «заучивала», в точности как сказал учитель.

За каких-то три дня Макина снова оказалась в классе, запомнив все учебники второклассников наизусть. Но это еще не конец, Макина через неделю экстерном перешла на следующий учебный год и, сыпая информацией про авторитет и здравый смысл классрука, наконец остановилась на предметах шестиклассников. Почему? Очень просто — дальнейших пособий младший студент получить не мог.

Учитель сделал две ошибки. Он дал Макине ясную цель; он рассказал ей, что учеба — это заучивание. Повезло, наверное, в том, что вокруг нее были все еще дети-второклассники. Они, как и положено, не понимали, какое безумие творила Макина. Девочка, разбирающаяся со всей учебой за день, — вот и все. Действительно, повезло. Годом позже, и ее голову сравнивали бы с моей.

С тех пор учитель год терпел мучения, заключавшиеся в попытках сделать Макину ученицей. Один раз он даже не смог ее вынести и был вынужден прийти к нам.

«Ваша девочка — крайне одаренная ученица. Ей место не в нашей школе. Я представляю ее в более продвинутое учебное заведение», — и так далее. Если переведем, то он напишет рекомендацию, но школа уж точно не будет морочиться, подыскивая ей другую школу... где-то в таком ключе, и стало ясно, что в школе тоже понимали, какая сестра странная. Просто одаренную ученицу — пожалуйста, но навязывание такого вот, с проблемами в смысле человечности, шила в мешке пойдет под их ответственность. Перевод должен, в конечном счете, произойти только по воле семьи Хисаори. Но папа в такие моменты всегда отвечал одинаково:

— Другая школа значит постоянные поездки куда-то далеко, а у нас таких денег нет. Нашей Макине и так неплохо.

И так лев, моя сестра, продолжил посещение миниобщества котят.

Да... Раз учитель так обжегся на молоке, он и на воду подует. Еще бы он меня не выделил. К слову, до этого учителя дошел слух, что меня перестали считать за своего в классе, и он тут же ушел из школы. А был хороший человек, приезжал на работу на крутой тачке. В

конец машинка у него была плюнь-развалится, ученики хохотали над ним, и он, кажется, захлопнулся от мира в своем доме. После этого, помнится, папа увидел газету, скривился, пробормотал что-то про самоубийство и петлю. Старшеклассники как само собой разумеющееся говорили: «Потому что Макина его невзлюбила».

...Хоть мне не хочется даже думать об этом... кто-то из прихвостней Макины безответственно ляпнул, мол, от врагов надо избавляться.

Только после этого происшествия я понял, почему мама когда-то так говорила. Человек без определенных базовых знаний не поймет подвигов в этой отрасли. Даже инновационный двигатель внутреннего сгорания не привлечет внимания тех, кто считает автомобиль лишь средством передвижения. Таким же образом, чтобы верно осознавать действия Макины, требовался как минимум с ее ноготок интеллект.

Сейчас можно посмеяться над моим хвастовством, а только и я тоже был лучшим в классе по оценкам и понимал, что превосхожу средний уровень. Ну да, до первого класса старшей школы у меня были лучшие баллы, я был весьма одаренным. Но у меня не было времени ощутить свое превосходство. К счастью ли, к горю ли, не досталось мне такой радости.

Скажем так, я чувствовал себя как бесенок, совсем рядом с которым живет Сатана.

Сунешься куда не следует, и точно раздавят и уверенность в себе, и все остальное. Все это я про свою юность, и такова была Хисаори Макина.

Макина поражала взрослых, что бы ей ни поручали. Божье дитя, гений, в Нодзу не было никого, кто о ней не знал. Но глянешь повнимательнее — она все-все делает спуста рукава, но даже так оказывается слишком далеко впереди остальных, поэтому простому человеку и хотелось закрыть на это глаза. Нельзя прямо смотреть на Солнце.

— Сестренка, ты же всерьез не стараешься?

— Не-а. А то я совсем одна останусь.

Перед каникулами я спросил так в сторону второго яруса кровати и получил ответ.

Вообще не в тему ответ. Макина саму себя не понимает. Какое еще «совсем одна останусь»? Давно уже совсем одна — и только сама этого не заметила.

С каждым новым учебным годом Макины на родителей было неприятней смотреть. Это даже я понимал. Вот они на словах хвалят Макину, а вот на лицах написано: не нужна ты нам, одна морока. Неудивительно. Макина обязательно добивается успеха в одном, но одновременно заставляет терять много другого. Проще всего понять на примере денег. Макина получает самые высокие баллы во всей Сикуре, но зато съела весь семейный бюджет. Уж если она начала учебу, требуемым ею материалам нет предела. Скупает книги направо и налево, одну за другой заучивает, а прочтенное почему-то сжигает. Из-за нее бюджет буквально испаряется. Словно нищий разьежжает на лимузине. Она была предметом родительской гордости и одновременно принуждающей к нищенскому существованию дырой в кармане.

Но со стороны-то Макина являлась непревзойденной примерной ученицей, поэтому папа с мамой не могли ее отругать. Обращаясь с ней как с больной мозолью, они, тем не менее, отчаянно играли в любовь к дочурке. Мерзость. Что родители, унижающиеся перед пятиклассницей, что сестра, которая безоглядно верила их вымученным улыбкам. Она вправду не понимает ничего, что относится к ней самой.

Ни в школе, ни дома не было ничего, что она не могла.

Если говорить в таких терминах, что роль школы — учить учиться, роль мамы — делать работу по дому, а зарабатывать средства — роль папы, то ей уже никто не был нужен. Думаю, она точно делала все сама. Потому что по-другому было тогда, когда она была ребенком. Любой одаренный ребенок остается скованным условностями общества. Мы

дружно успокаивали себя, что она — ребенок, и равно боялись того, что с каждым годом она ребенком быть перестает. Она была непотопляема, но у нее не было даже союзников. И все равно Макина была замечательной старшей сестрой. Сколько ни старался, я не мог за ней угнаться; как ни учился, мои хорошие оценки меркли; это был восхитительный барьер. Словно сложный случай рака, вечно царствующий в моем мозгу.

Ни разу я не думал о Макине как о человеке. Она как бог. Она вселяет восхищение совершенством и трепет перед могуществом. Ведь боги — это где-то так, да?

Но летом, когда Макина была в пятом классе... Моя богиня внезапно сошла с ума.

«Папа, смотри, призрак идет!..»

Среди бела дня Макина зовет папу. Усталый к этому выходному отец не реагирует на ее зов, и я, и мать тоже не спешим к ней.

Потому что вся семья уже устала от Макины.

«Горит. Горит. Черный как сажа, черный как сажа...»

Заинтересованный голос Макины на балконе — спокоен. Может, просто шутит, а может, почудилось. В общем, тон голоса намекает, что не обязательно бежать к ней, такой девичий, милый.

И кстати. Макина говорила таким голосом только в тот момент.

Иногда я терзаюсь — что, если это был вопль из всех ее сил, когда Макина впервые просила семью о помощи? Ведь как получается — если бы папа тогда сразу вытащил бы Макину с балкона, выручил... Сестра хоть и вечно не туда шла, но никогда не оступалась, а тут...

Макина так и пробыла на балконе до заката, потом мама вернула ее в комнату. На другой же день Макина, как обычно, улыбнулась папе с мамой за завтраком, увидела ответные неловкие фальшивые ухмылки, слегка вскрикнула.

— Хе...

Я тоже невольно усмехнулся. Смешная. Что угодно может, а такое — только-только заметила.

И так Макина стала комедийной героиней.

Осознав, насколько ненавистна всем, она так выкладывалась, будто от этого зависела ее жизнь. Она пыталась вернуться в тот мир, каким он ей виделся раньше. Обычными ее способами делать дела, выпячивающими ее гениальность, она бросалась ко всем — ну же, дружите со мной! Это переходило все границы и было уже трагедией. Макина забегает поиграть именно тогда, когда ты один, безо всяких договоренностей. Впихивает тебе то, что самой нравится, вылавливает и насильно решает твои проблемы. Даже про недостатки и черты характера, о которых сам не знал, она тебе этак очень подробно расскажет. Знакомые побаивались ее все больше и больше, но Макина вовсе не возражала и продолжала носиться сломя голову.

Ходила показать себя хорошей девочкой перед соседями. Подлизывалась не только к ровесникам, но даже к их родителям. Макина продолжала все это в масштабах школьного потока, в масштабах своего квартала. Раз решив, она не знала других способов... И добивалась вообще противоположного. Как танцующая кукла, у которой горит голова. Если уж хотела со всеми сдружиться, могла бы не так напирать.

Жалобы мы принимали так же обыденно, как рис или чай. Сделайте с вашей девочкой что-нибудь, пожалуйста. Она же странная. Каждый раз, услышав жалобы через маму, Макина становилась еще отчаяннее. Как обычно, она довела свой подход до мертвой точки.

— С меня хватит!.. Ты что, чокнутая?! Прекрати дурачиться перед взрослыми!..

Мама сорвалась. Ну да, она же постоянно и попадала в ураганы, поднятые Макиной, а потом...

— А, а. Па, папа, й, я...

...Макина прилипла к папе.

А папа был разочарован в ней больше, чем мама:

— Макина. Сиди теперь дома. Такая плохая девочка не должна ничего делать.

Сестру больше не звали Макиной. С папы и мамы пропали нарисованные улыбки, и только в этом, можно сказать, у Макины с ее подходом что-то получилось. Папа перестал водить свою драгоценную дочурку в дом начальства, мама, когда-то не смотревшая на меня, стала радоваться сыновним — обычным — успехам, и только мое имя было у нее на устах.

На Макину и в школе смотрели как на пустое место. С первого и до шестого года ее игнорировали, как ученицу-невидимку. Мне тоже такое грозило, но я делал из себя самого пострадавшего и избежал этой участи. Такая горькая правда. Меня всегда ослеплял блеск Макины, так мне нужно вставать на ее сторону? И потом, все думали так же, наверное. Что пусть она будет такой, пусть будет ребенком.

Четыре года с тех пор, как Макина попала в среднюю школу, были для меня самым лучшим временем в жизни.

По причине перехода в среднюю школу, Макину переселили в комнату, которой пользовались как кладовой, и большая комната, где мы жили как брат и сестра, стала только моей.

Со средней школы Макина была совсем без блеска и грохота, все время смотрела в пол, была тихой, как привидение. Если с ней заговаривали папа или мама, она вскрикивала.

Иногда она одиноко посматривала в мою сторону, но я пристально смотрел на нее в ответ, и она тут же сбегала в свою комнату. Для Макины наступил коллапс. Все вокруг было для нее страшным, она зашла в тупик, из которого сама уже не могла выйти.

— О-ох... Неужели ничего с ней нельзя сделать, с Макиной? Синъя, спаси ее, а? Ты же ей брат.

— Да ну, влом. Мам, не надо спихивать все на меня, когда самой лень. Ах да. Насчет еды, может, пусть она одна ест у себя? Каждый раз ходить ее звать — навязываться, и папе так тоже будет повеселее.

Макина будет мрачно сидеть в углу своей каморки, как привидение, и это будет не дело, но и черт с ней.

Макина постепенно разучилась что-либо делать, и совсем недавний вундеркинд превратился в стыд всей семьи Хисаори. Конечно, я тоже к этому слегка приложил руку. Попав в ту же среднюю школу, я учился там изо всех сил. Только из-за этого не могущую ничего делать Макину сравнивали со мной и даже в школе не давали покоя. Макина много раз сбегала ко мне в класс, но я пристально смотрел на нее, и она опять убегала. Макины чурались и в школе, и еще где-то что-то было, я не следил. Да и не нужно знать о каждом таком месте, поэтому я не решал ее проблем и не докладывался родителям.

Так Макина подверглась остракизму еще и от общества.

— Ох... наконец-то...

...Удалось запереть чудовище.

Да. Я всегда боялся. Настолько же, насколько восхищался, в глубине души я желал, чтобы она исчезла, и ничего с собой поделаться не мог...

В старшей школе Макина с первого же семестра то и дело пропускала занятия, а перед летними каникулами вовсе перестала туда ходить. Закрывшись в темной каморке, она показывалась только во время обеда. Последняя стадия. Макина, день ото дня теряя способности, под конец даже говорить нормально не могла.

Ровно как новорожденная. Она так забыла бы, как дышать. Так сложилось, что за ней ухаживала мама, даже советовалась с папой насчет помещения ее в детский приют. Разумеется, ответ папы был тот же: «У нас нет таких денег. Управляйтесь сами».

Я погряз в школьных контрольных, мама тратила последние крохи любви к Макине, которая стала темой местных пересудов. Уход за Макиной стремился к низшей точке. Мама говорила, будто убеждая саму себя, что в семье Хисаори один ребенок, Синъя, и только и делала, что заботилась обо мне.

На полгода — пока я не выпустился — Макина была предоставлена сама себе в ее темной комнате... И от этого, как дурак, я дал себе расслабиться. Конечно, частично виноват праздник по поводу окончания школы, но я сам наивный. А ведь я *это* когда-то считал богиней, хоть и с натяжкой. Как мог я решить, что Макина больше не раскроет рта, как мог начать мерить ее своим аршином...

— Так вот, Синъя. Учитель вошел в положение и решил перевести вас с сестренкой в один класс.

— Чего-о?

Макина вздрогнула.

За праздничным столом мама впервые за шесть лет навесила свою фальшивую улыбку.

— С чего это? О чем ты? Сестра что, еще хочет ходить в школу?

Макина, не ходившая в школу, и, по идее, не могущая перейти в другой класс, провела год в самоизъявленном академическом отпуске. Мама, считавшая ее обузой, но ценившая родительский долг, подумала, что хочет, чтобы дочка хотя бы закончила школу, и записала ее на второй год.

— А что в этом плохого? С тобой-то, Синъя, и она сможет в школу ходить.

Так сказал отец, ничего не понявший, но сделавший вид. Подумаешь, не в тему. Сунуть старшую сестру-второгодницу в один класс с младшим братом? Что за черт. Суший бред. Что отец, что учитель — идиоты, что ли? Входить в положение надо не так.

— Что за чушь, не смешно! Я не собираюсь за ней сопли подтирать.

Если бы я тогда не сказал про сопли, а категорически отказался от помещения нас в один класс вообще....

Нет, даже не так...

— М-м... ай.

Если бы на этом месте Макина не обронила ложку, все бы было хорошо.

— Подбери, Макина. Ты же уронила. Что? Не молчи, мы не телепаты. Или не слышишь?

Ты ложку уронила? Мама говорит — подбери ложку, сама.

Послушавшись приказа мамы, Макина медленно подобрала ложку. Папа притворялся, что не смотрит. Макина с ложкой в руке одиноко глядит на маму.

— М... Мамочка, покорми.

Бух — атмосфера за столом рушится. Макина сама не может даже поесть.

Мама разгневанно стучит по столу:

— Хватит, избаловали! Ты что, даже этого не можешь?! Ты дура?! Когда ты стала такой растяпой?! У тебя же пример перед глазами! Если ничего не можешь, смотрела бы за Синъей и училась!

М-да... Только знаешь, мать.

Именно этого ни в коем случае не следовало говорить.

— А?..

Макина резко вздергивает голову.

Ее глаза сияют, как две линзы:

— Мама, мне можно что-то делать самой?

— Разумеется. Ты не ребенок, если что-то непонятно, повторяй за Синъей. Тогда никому не будешь мешать, и этого хватит с тебя.

Нельзя задавать цель.

Нельзя учить способам.

Этот механизм нельзя было заводить.

— А-а. Ясно... Теперь так и буду делать.

Дальнейшая история семьи Хисаори встает с ног на голову.

Ну, а я...

Что бы ни делал, у меня ничего не получалось.

3

В старшей школе мы с Макиной стали учиться в одном классе. Честно говоря, мне от этого было хуже некуда.

«Старшая сестра второгодница по непосещению», — не идет мне такой крест. Отцовская бедность и здесь принесла беду. Не желая платить за учебу, он разрешил сдавать экзамены только в местную старшую школу.

Макина обязательно будет тянуть меня вниз. Не умеет даже есть одна — кому такая понравится? Никому. В школе слабые лишаются минимальных человеческих прав. Достоинство, телосложение, разница в отметках, а еще такой вид, словно само собой разумеется, что на тебя можно сваливать все грехи. За всем этим — к Макине. Если ее станут шпынять, никто не придет на выручку. Потому что нет никакого смысла ее выручать. Вот ты спас ее, а она — насквозь гниль, и ты только себе проблем нашел. Не будь она родня, не представляю себе, чтобы кто-то был настолько к ней добр.

Но жизнь в старшей школе, начавшаяся вместе с головной болью об остракизме, оказалась на деле прекрасной.

На весь первый месяц Макина избавила меня от своего присутствия в классе.

В местной школе и старых знакомых много, и учителя меня помнили с хорошей стороны, так что я стал центром класса, обзавелся друзьями и доверием. Порой поднимали тему сестры, которая не ходит в школу, но мне не привыкать уворачиваться от расспросов про Макину. Перейдя из средней в старшую школу, Хисаори Синъя сделал очередной блистательный шаг.

...Только одно «но». Кое-что меня беспокоило. То, что Макина стала выходить из каморки.

Каждый раз, как я чувствовал взгляд и оборачивался, на меня обязательно смотрела Макина. Можно сказать, не было ни дня, чтобы наши взгляды не встретились. Меня это раздражало, и я зыркал в ответ. До сих пор она от этого тут же сбегала... Но, выдерживая даже недобрый взгляд, Макина постоянно наблюдала за мной. Смотрела на Хисаори Синью пристально, не моргая, как объектив камеры.

С мая я осознал, что чувствую неудобство.

Как-то вечером папа был на редкость в хорошем настроении и болтал с Макиной о том, о сем. Что-то про удавшуюся работу, спасибо Макине, еще о чем-то... Не смешно. Мне вспомнилось, как еще совсем детьми мы сидели за этим столом.

— Ну, Макина, я купил тебе клетку, а птица не нужна, что ли?

— Угу. Клетка есть, так зачем то, что внутри?

Папа весело улыбался. Макина просила что-то купить — редкость. Папа послушал и купил — тоже редкость. Я смотрел на это все со стороны, как чужой, и после этих слов до меня дошло.

Папа назвал Макину по имени, а Макина, не говорившая ни слова, нормально улыбается ему в ответ.

Отношения папы и Макины ненормально улучшились. Как-то в воскресенье, когда я вернулся с кружка, Макина с папой играли в мяч во дворе. Они часто ходили по магазинам. Вечером после ванны смотрели телек.

— Спасибо тебе, Синъя, теперь Макина повеселела!

Мама смотрела на них с давно забытым выражением лица. Я ничего не делал. Но Макина ожила, если верить маме, благодаря мне... Почему-то мне стало очень противно.

«Ты знаешь, Макина. Вообще-то я хотел такого мальчика, как ты».

И папа радостно погладил Макину по голове. Клянусь, Макина — не мальчик.

Так противно, так тошно. Оно и понятно — как настолько закрывшийся ото всех человек мог настолько прийти в норму за какой-то там месяц? Как настолько ненавистная родителям дочь могла так быстро помириться с ними? И я не сразу понял, что было самым противным.

И вот в июне Макина как ни в чем не бывало вернулась в школу.

С этого времени мне стали сниться кошмары.

Я открывал глаза от непередаваемого ощущения закупоренности.

Все происходит в полночь, свет выключен. Я бросаю взгляд на дверь, та чуть приоткрыта.

Ясно как день — *что-то наблюдает*.

За дверью тьма на порядок глубже, чем в комнате; неприкрытое прерывистое дыхание; визг сервомотора.

В дверной щели.

Зрачок как объектив, существо из одного только глаза...

Для стороннего наблюдателя мы с Макиной были дружной семейкой. Макина мало-помалу приживалась в классе, заводила друзей, очищала свое запятнанное имя.

«Ученица, не ходившая в школу», — слабачка, которую следует винить.

Но «ученица, старающаяся снова ходить в школу» становится слабачкой, которую следует защищать.

Если я буду игнорировать такую правильную сестру, винить начнут уже меня. Мне, как хорошему брату, оставалось молча присматривать за реабилитацией Макины. Даже если это было до ужаса противно.

Макина мирно, гладко становилась частью класса. Не похоже на нее. Такое откровенно середнячковое поведение исходило от Макины, которую я не знал. Хочется плюнуть.

Такое чудовище не может ладить с нами, людьми. С такой очевидно натужной улыбкой не стать популярной, это слишком фальшиво. Такая новенькая не завоеует чужого доверия, оно будет слишком мелким. Мир, который я поддерживал, не должен был быть таким простым.

— А что, с ней легко общаться. Хисаори-сан, м-м, хоть и девчонка, но как пацан. И приятно разговаривать, опять же.

— Макина и правда на тебя похожа.

— Да? А не наоборот? Скорее Синъя-кун похож на Макину-сан...

Это говорят друзья со средней школы. Мол, будто Хисаори Синъя в двух лицах.

«Если ничего не можешь, смотрела бы за Синъей и училась!»

Да... Это я и так знал, можно не говорить вслух.

В классе был еще один я. От бытовых привычек — до учебы и уровня отметок. От манеры речи, поддерживая партнера, в конце возвращаться к себе — до общих тем и вкусов, которые пугают чужих людей. Все это первоначально было моим. Честное слово, хочется плюнуть. «А ну, прекрати!» Ее новая жизнь за те два месяца подверглась полной переплавке.

Имитаторство Макины день ото дня фокусировалось.

От учебы — к детальному копированию.

От изложения — к полному воспроизведению.

Она упорно продолжала имитировать Хисаори Синью.

Какой смысл — непонятно. У нее голова работает лучше моей в разы. Даже если она решила делать, как я, по какой-то прихоти, в результате должна была появиться более совершенная, отличающаяся личность. Она явно концентрировалась только на подражании.

С ней серьезно было что-то неладно. Подражать вкусам своего идеала — еще куда ни шло. Бывает такая цель, что проникаешься чьим-то драйвом и хочешь стать таким же. Но я для Макины — просто человек, оказавшийся рядом. Такой же, как случайный прохожий на улице. Вообще психически возможно подражать действиям такого человека? Ни интереса к нему, ни уважения, он вообще цели не составляет. Не стоит потраченных сил и времени. Это на самом деле возможная для живого существа мысль? Даже у чудовища есть свои мотивы, своя воля.

Но мне ничего не оставалось, как только проглотить недовольство.

Макина для всех стала позитивной и рассудительной, остающейся на уме, примерной ученицей, и я, зная ее тошнотворность, все равно был вынужден играть в дружную семейку.

Совершенно бесполезные усилия. Даже без них баланс день за днем сдвигался, и второгодница по непосещению, неудачница становилась центром внимания класса, как я.

Роли распределились — Макина была лидером среди девушек, я — среди парней.

Казалось, наверное, что мы — счастливая семья.

Дома же центр внимания стал всего один.

За каких-то два месяца семья Хисаори перестроилась. Папа с мамой перестали смотреть на Синью и находили радость семейного очага в улыбке Макины. С каждым днем я чувствовал, что мне все труднее и труднее там жить.

«Скажи, Синья, ты не мог бы отдать сестре комнату?»

Не смешно. Я завоевал эту комнату. Макина, сбежавшая в чулан, не сможет взять и вернуться со спокойной миной.

«Макина, у тебя следующий выходной свободен? Папа хочет кое-куда съездить.»

Завидная откровенность. Раньше напяливал маску с фальшивой улыбкой, а сейчас без стыда и совести ее балует.

Достал этот семейный обед. Я поднялся, чтобы уйти к себе.

— Погоди, Синья. Расслабь правое плечо перед сном, а то утром шея затечет.

Вот так. Купаясь в родительской благодати, Макина рассказывает мне об особенностях тела Хисаори Синьи, которой он — я — и сам не знал. Мне кажется, я слышу свист сервомотора в ее безжизненных глазах.

Не ответив, я отвел взгляд и поспешил к себе. Наверное, потому, что потерял душевный покой от превосходства над Макиной. Моя комната, где я от души наводил порядок, постепенно становилась все грязнее. И сегодня я плюнул на все и рухнул в постель.

Наутро же, от того, что я проигнорировал предупреждение Макины, шея и правда затекла. Ну разумеется.
— Доброе утро, Макина. Ой, у тебя шея онемела? Ты в порядке?
За завтраком обнаружилось, что, предвидев даже мое безразличие, Макина проснулась с затекшей шеей.

4

Чрезмерное подражание — ничто иное, как агрессия к оригиналу. Со второго семестра стул Хисаори Синъя меня почти успел стряхнуть.
Как-то раз друг еще со средней школы не пошел со мной гулять. Вроде у него образовалось срочное дело, не до развлечений. Он редко отказывался от моих приглашений, но почему нет, бывает. Я и не задумался, пошел в даунтаун за покупками, где случайно углядел Макину...
— Что за фигня?..
...рядом с которой лица друзей, отказавших мне, так и лучились улыбками.
Я не хочу вспоминать, что чувствовал в тот момент. Это они нарушили обещание. А я прав, но я — по всем параметрам пострадавшая сторона. Я тут же бегом вернулся домой. Просто если бы они меня заметили, мне было бы стыдно.
«П-привет, Синъя. Я там случайно с Макиной встретился.»
Хватит. От таких оправданий еще хуже. Если ты извинишься, это только добавит холодку.
«Да что... Ну ты хоть соображай, а. Ладно, ладно. Убедил. Синъя, идешь за компанию?»
Даже думать не хочу!.. Это же я буду как избегаемый, но везде сующий нос неудачник, лишенный друзей!..
— Уф, уф, уф, а-а-а-а!
Я влетел в комнату, закрыл дверь и выпустил из себя утробный вой. Вот бы сделать это. Вот бы выместить все на этой бессмысленной прибранности, раскидать к чертям. Но самолюбие вцепилось в меня. Стой. Стой. Стой. Незачем искать компенсацию. Я ничего не потерял. Нет, ничего, поэтому получится, что я сам себе дал подножку и покатился. Сейчас лучше просто отдышаться. Только никак не получается. Похоже, астма появилась. Даже голова заболела, и я был готов свалиться от головокружения, когда — *кляц* — запертая дверь открылась.
— Сестра...
Заходит Макина. Я ретируюсь до кровати. Макина стоит, не двигаясь, посреди раскиданных вещей.
— Ч... Чего тебе? Не входи в чужую комнату без разрешения.
— Угу. Я просто тебя увидела. Ты вдруг убежал. Что-то случилось?
Астма прошла. Головокружение исчезло. Вместо этого в мозгу словно зачиркали спичками, пытаюсь его поджечь, из ушей почти повалил дым.
— Что-что. Ты-то сама, вообще, насколько всерьез?
Язык заплетается. Нехорошо. Горло горит. Плохи дела. Я понимаю, что ты хочешь сказать, но забрасывать меня вопросами неразумно. Я уже давно говорю — эта монструозная братия, как только узнаешь их истинное лицо, накидывается на людей.
— Что именно всерьез? Я тебе что-то сделала, Синъя?
— И продолжаешь делать, причем в открытую... Вот это что было? Почему ты была с Тифудзи и остальными, сестренка? Ты же девочка, так и веселилась бы с девочками. Почему... почему ты обязательно должна утешить моих друзей?!
Но не остановить. В раздражении, а еще, наверное, в страхе я не могу остановить вылетающие одна за другой фразы.
— А-а, вон что, — говорит она.
Закрывает глаза.
И потом Макина...

— Так Тифудзи-кун сам меня позвал. Синъя, говорит, скучный. Уже *даже не особенный*. Если выбирать между мной и им, говорил, со мной интереснее. ...неловко хихикнула, словно жалея меня.

— Кх!..

Бух! — разнесся резкий звук.

Все побелело, сжатый правый кулак горел.

Макина не пикнула. Безвольно искривившись — *тум* — шлепается задом на пол.

— А... э?..

Гуманный рассудок рассыпается, как песок. Это неприятно. Впервые я применил силу, и это было так мерзко, что захотелось повернуть время вспять. Макина отвернулась и потирала новорожденный синяк на правой щеке. Она притихла от изумления, что ее ударил младший брат? Нет. Она... не может быть... Улыбается?..

— Ты мне противна.

Это Макина слабая, а я машу кулаками. Но дрожат мои ноги, а плечи Макины подрагивают.

— Чего ржешь, заткнись! Что смешного?! Ты чокнутая! Пугайся, как раньше!..

— Ничего смешного. Я до сих пор ничего не считала веселым.

Медленно поднимает взгляд. Чудище, блестя глазами-объективами...

— Поэтому я ничего не могла сделать от себя — но да. Я попробовала занять твоё место, Синъя, и это, кажется, занято.

...действительно впервые на моей памяти весело засмеялось — хи-хи.

Вопрос, мучивший меня с детства, решился. Что меня в ней отвращало? Это же легко.

Макина и плакала, и сердилась. При этом она сама по себе не радовалась ни единого раза.

— Занято... по... чему?

Весь в страхе, я только и мог, что спросить это... Если бы стал умолять ее прекратить так делать, может, она бы еще послушала. Поздно.

— Ну-у. Ведь так всем веселее! Ты, Синъя, можешь пропасть. Я стану за тебя Синъей.

Потому что, сам видишь, *я могу быть Синъей лучше*.

Ее уже было не остановить. Я перевел глаза на правую руку, всю красную от крови из носа Макины. Не смейся. Не смейся, не смейся, не смейся. Это не тебя все любят. Это не у тебя все получается. Не повторяй за мной. Не двигайся. Какого черта, какого черта, да ты, да ты вообще...

— Да ты вообще ничего не можешь, только за мной повторять!..

Удар разнесся по комнате. Макина ударяется о стену. Подпрыгивает и падает полка.

Книги валятся ей на голову. Легкое кровотечение. Немного в сторону, и у Макины бы пострадал правый глаз.

Сколько продолжалось разрушение?.. Я только помню, как вернулась мама и перебинтовала Макину. Раны на лице были легкими, все обошлось. Зато мне места в доме больше не было.

Папа отругал меня. Макина вступилась. Мама расчувствовалась от доброты сестры. Я тупо смотрел на упавшую полку. Эх... А ведь мы ее в детстве вместе с сестрой собрали, любимую мою полку.

/

Тенденция закрепилась.

Что было дальше — и говорить не о чем, все шаги очевидны. Родители были очарованы Макиной, друзей убавилось. Мне становилось все страшнее, что я окажусь загнан в угол, и я отчаянно барахтался, чтобы избежать этого. Но ничего у меня не получалось как следует. Потому что мой образ действий удавался Макине лучше — слишком хорошо.

Я перестал понимать даже то, как добивался успешности раньше, и, в конечном счете, был вынужден учиться у Макины.

Казалось бы, это она мне подражает, но теперь уже я догоняю ее. Я сам учусь у нее быть тем Хисаори Синъей, которого она воображает. Я уже не понимаю, каким был изначально.

Конец наступил внезапно.

Класс, в котором мне все же оставалось место, я бросил сам. По мелкому поводу. Как-то утром я зашел в класс, Макина раздавала распечатки. «Это обязанность старосты, моя роль, и уж точно не твоя», — сказал я и, как дома, поднял руку на Макину.

«Зачем ты это делаешь?» — рывкнул я. И эта же самая фраза вернулась мне от всех остальных.

А на следующий день, когда я пришел в класс, моя парта была выброшена.

М-м, э-э... Кто же первым забросил занятия? Ну ладно, неважно.

Я со второго полугодия перестал ходить в школу и отсиживался у себя в комнате. Все в ней было раскидано, как в грязных руинах под снос. Папа только раз, напоследок, а мама время от времени — заходили, волновались.

Макина — наверное, постоянно была у меня.

Я вспоминал Макину, какой она была раньше, и так же терпел пытку временем. Ни на что не глядя, ни о чем не думая. По-моему, Макина так и жила.

Так что Хисаори Синъя лишен ценных качеств. Нет смысла ему подражать. Оставьте его в покое. Я уже ни на что не годен и ничего не могу.

— У...

Но когда родители засыпали, и я был на кухне или когда проходил по коридору в туалет и оборачивался, Макина бессловесно стояла там. Наблюдая за мной, потрескивая сервомоторами. Эти глаза пристально смотрели на меня, не на человека, а на сор. И механически-холодный голос сказал:

— Слушай... *Ты ничего нового не будешь делать?*

Я заорал и сбежал к себе. Запер дверь. Заполз под одеяло. Свет уже и так давно перегорел. Я закрыл и окна, и ставни, самоизолировался. В моей комнате — мрак, в который пробивается лишь свет в щель под дверью.

Но она видит меня насквозь, даже если я закрываюсь в комнате, она наблюдает за каждым моим движением.

Да... Так всегда было. Почему я раньше не замечал? Ошибкой было само бегство к себе в комнату. Это — клетка. Я каждый день был под ее надзором. Как? Ха. Будто это чудовище чего-то не может. Вот сейчас открою ставни, а там в комнату заглядывает гигантский глаз.

— Нет... Нет, нет, не надо, хватит...

Когда Макина меня повторяла, было еще нормально. Но когда мне нечего стало ей предъявить, моя полезность исчерпалась. Макина всегда сжигает прочтенные пособия. Поэтому, даже когда я спрятался, чтобы она перестала видеть меня насквозь...

— Так нельзя, Синъя. Таким, даже если запястье порежешь, просто будет больно. Если уж подходить с умом, нужен хотя бы тот стянутый вчера крепкий нож.

Кто-нибудь, помогите...

Эта комната — словно внутри ее глазного яблока.

...В конечном счете стало ясно. Я не смог стать Макиной.

Жизнь без каких-либо мыслей недостижима честной душой. Я весь потрескался, но еще не рассыпался. Я страшился Макины, потом устал даже страшиться и отчаянно задумался, как бежать из сложившейся обстановки.

Сначала — нельзя ли как-то сделать так, чтобы Макина оставила меня с миром. Она подражала мне потому, что я ее не выручал от издевательств одноклассников. Это мсть Макины. Я извинюсь, и она, может, простит меня — понадеялся я, встал с кровати и заговорил с Макиной, которая была тут же рядом.

«Почему? Я на тебя ни капли не обижалась», — поправляя сломанную мной полку, говорит она.

Обсуждающие голоса семейства с кухни:

«Папа, может, той клетке уже пора на помойку?»

«Ага, делай что хочешь, Макина. Но почему вдруг выбрасываешь? Мне казалось, ты ей дорожила.»

«Не-е. Я ни разу ей не дорожила. Внутри все равно сидел какой-то бессмысленный червяк. Да и скучно это, честно говоря.»

— Ха... Ха-ха!

Мне от души захотелось ее убить. Запертое тело и беспрерывно обворовываемая душа дошли до предела и перешагнули его. Что за обыденный тон. Будто все уже кончилось.

Перехватила «Хисаори Синъя», и это всем типа без разницы?!

— Да... Какой я наивный...

Ни мсть, ни обида — ее не тронут такие человеческие эмоции. Без толку извиняться. У нее вообще никогда не было чувств ко мне. Поэтому пусть получает.

Раз я для нее теперь стану бесполезен.

Перед этим я вымещу свою обиду.

Распаленная, негасимая решимость. Весь на взводе, я дождался глубокой ночи, убедился, что пробило два часа, и начал искать в комнате подходящий инструмент...

Повезло. Пусть и детская, но все-таки в шкафу нашлась бейсбольная бита.

— Ха-а-а...

Детская, но стальная. Такой охватишь — будет больно.

— Ха-а-а...х...

Но что поделать. Я прокрутил в памяти все, что случилось, напряг свою ненависть. Кулак, впившийся в рукоять... Так. Ха, она легче, чем я думал! Этак и я управлюсь.

Дыша пореже, тихонько, не топая, я открываю дверь. Осталось через коридор, сквозь кухню, а там — тайком в комнату Макины.

Вот именно, с самого начала надо было так сделать... Я не слабее ее. Даже Макина — девочка, если дать битой, сделать побольнее, с... с-сломать хоть руку — она подумает еще и уяснит, что меня опасно загонять в угол.

— Ха-а... ха-а...

Я выхожу в коридор. Через четыре шага выхожу в кухню.

Света нет. Кухня укрыта мраком. Вообще нет людского присутствия.

Сколько-то шагов, и я тихо оставляю кухню позади.

В то же время...

— А?..

На другой стороне кухни, перед открытой дверью в кладовую.

Стояла Хисаори Макина.

Как в зеркале. Ровно в то же время, что я зашел в кухню, Макина вышла из комнаты. В моей руке — стальная бита. В ее руке — наточенный блестящий нож.
— М...

Это было совершенное подражание. Она имеет полное представление о состоянии сознания Хисаори Синьи и его пределах, она дублирует Хисаори Синью.

Но — нож и бита. Мой Синъя думал *запугать*, а Синъя Макины — *убить*.

— Тьфу ты.

Макина смущенно улыбается.

— Эх, в кои-то веки ошиблась. Прости, Синъя, ты оказался чуть мельче.

Наверное, тогда и случилось.

То, что было мной, наконец, осыпалось в прах.

Я не могу победить *это*. Я могу делать что душе угодно, но моему Хисаори Синье не сравниться с ее Синьей. Я просто раньше не понимал, что уже давным-давно стал пустой старой куколкой гусеницы, осталось только наступить и забыть.

5

Начало две тысячи первого года. Моя последняя история перед тем, как я оказался в клинике.

Тот день был днем рождения Макины. До прошлого года он даже в разговорах не упоминался, зато с заката папа с мамой — с головой в приготовлениях. Я заперся в своей темнице и молюсь только о том, чтобы наступил рассвет.

«Хисаори Синъя» давно во владении Макины. Если ей только захочется, я тут же исчезну с лица Земли. День рождения Макины. Святое воскресение той, что была мертвой, но переродилась в качестве Хисаори Синьи.

Макина с утра активизировалась. Кучу раз позвала меня поучаствовать. Мол, хоть сегодня поужинай со всеми. Не смешно. Я даже в этой комнате от чужого взгляда готов исчезнуть, а внизу, при свете, если я с Макиной встречу глазами, у меня сердце остановится.

— Ну что же ты. Выходи давай, Синъя. Сегодня день рождения у сестры...

Я продолжал игнорировать призывы, и мама, похоже, потеряла терпение. Она открыла почти всегда закрытую дверь и вошла в мою темницу. Без стеснения в самый центр. Туда, где Макина всегда стоит и смотрит, в самый центр разрухи.

«Что ты все спишь? И в комнате полный завал, когда ты уже...»

...станешь похож на старую?

Нудная. Свет из коридора слепит глаза. Если закрыть дверь — ругаются... Вернусь в темень. Мама все еще не вышла отсюда.

«Ты слышишь? У сестренки день рождения! Макине не нравится, что тебя нет. Она говорит, что хочет праздновать вместе с Синьей!»

Нудная. Макина. Макина. Макина. Мама с гордостью произносит ее имя. Как же надоела нудить. Какое тебе до меня дело, ты просто в угоду ожиданиям Макины вытаскиваешь меня из постели. Хватит. Перестань. Я не хочу. Мне грустно видеть Макину, видеть вас таких, счастливо болтающих с Макиной. Если вам так дорога Макина...

«Ну же... Сестренка тебя уже заждалась.»

...пожалуйста, очень прошу, оставьте меня в покое-е!..

— Ик!..

Отбрасываю. В сторону двери, откуда пришла незваная гостья, я отбрасываю пешку Макины. Бум — звук удара о закрытую незваной гостьей дверь, шлеп — звук падения на задницу.

— Синъя! Да ты что...

Рассерженная мама. В миг, когда я подумал, что такое уже случалось раньше... *Хряп!*
— Хе... ай?

Из горла мамы выплеснулся фонтан крови.

Кроме того, *дс-с, дс-с* — посыпался хлам. В свете, просачивающемся через щель в двери, я кое-как оцениваю ситуацию.

Прямо над дверью — и когда она там оказалась? — накренилась навесная полка с отлетевшей скобой, и вещи, что были на ней, свалились на маму. А в горле мамы торчало блестящее лезвие, которое, аккуратно разделив горло, упало на пол.

Нельзя не сказать, это было красиво. Лезвие упало вертикально, но, словно в воронку, зацепило горло мамы острым концом и располовинило его насквозь.

— Э-эй... Мам?..

Нет ответа. Слышно натужное дыхание. Море крови. Даже неясно, жива она или нет.

— С... Си... ги... и...

Синъя, помоги. Я так не понимаю, мам. Могла бы поучиться, скажем, чревовещанию.

— Х-х...

Смотрю на оружие убийства. Нож. Тот, который предназначен убить меня. Не успел я додумать до конца, что это означает, как...

«Что за шум тут у вас? Случилось что?»

...из коридора донесся голос папы. Дверная ручка поворачивается. Мама мешает двери открыться. Папа с силой распахнул дверь, все еще дышащее тело мамы покатилося по полу.

«Мать?..»

Какая страшная картина предстала папиным глазам?..

Реакция папы была приятно-подходяще спокойной. Прежде всего, он врезал мне, стоявшему в обалдении, и тут же проверил состояние повалившейся мамы. Разорвал одежду, приложил к ее горлу. Решил, что двигать ее опасно, и, проорав, чтоб я ни шагу не двигался, убежал по коридору. Топ-топ-топ... Но все-таки не все было в норме. Папа, желавший поскорее позвонить в больницу, пробежал по тесному коридору до кухни, где был телефон, и...

«Г-гх!..»

...бум — обо что-то споткнулся и упал. Я услышал звук падения. Проблема возникла потом. Когда я ждал-ждал, но ни того, как он встает, ни дзинькания снимаемой с рычага трубки слышно не было.

Тишина. Слышен только шум дыхания мамы.

Я крадучись выхожу. Под яркими лампами миную коридор. Там еще светлее, а у стола с ужином.

С лезвием, глубоко засевшим в левой глазнице, неподвижно лежало тело отца.

— Опасно постоянно ходить с такими вещами, Синъя.

На другой стороне стола, перед телефоном, без капельки крови на одежде улыбается Макина.

На словах «с такими вещами» я посмотрел на свою руку, та сжимала нож. Я нервно разжимаю кулак. *Тум* — впивается в пол кончик покрытого пятнами лезвия.

— Сестра...

Что произошло — не могу даже задуматься.

Умер ли папа, находится ли, как мама, на краю смерти — только об этом и думаю.

— Сестра...

У меня, глупца, еще оставалась надежда. Я хотел как-то объяснить ситуацию, скорее позвонить в больницу, но...

— Молодец, Синъя. Ну, куда эта штука попала матери? В правый глаз или в яремную вену?

...осознал. *Это*, что болтает со мной, нанесло упавшему папе решающий удар.

— Ты не слышишь? Я спрашиваю, что с матерью. Полка же упала, да? Я не видела, расскажи хоть. Что проткнуло, правый глаз или горло?

Мне становится плохо. Нет смысла спрашивать Макину, что произошло. Она интересуется не тем, жива ли мама, а куда попал нож.

— Откуда ты знаешь?..

Беспокойство за папу с мамой победил ужас.

Не важно. Ни про полку, ни про нож, которого там не могло быть, ни про распростертого папу. Про это и спрашивать незачем, и так понятно.

Только – почему? Откуда она так уверенно знает, что стало с мамой?..

— Да что с тобой? Это же просто математика с физикой. Я же знаю длину и массу тела матери, ширину шага. Вписываешь все в формулы, и результат очевиден. А ты чем до сих пор в школе занимался, Синъя?

А-а... Вон как.

Мою комнату организовал не я. Это она так подстроила, чтобы все так получилось. И захламленный пол, и недействующий свет, и место, откуда Макина всегда начинала говорить со мной — все было устроено так, чтобы достичь цели.

А потом достаточно дождаться, пока все условия совместятся. Сегодня не пришло время решительных действий, а она, которой было все равно когда начать, ждала, чтобы я нажал выключатель. Она все время сидела и ждала, чтобы Хисаори Синъя причинил вред матери.

— Но зачем? Прекрати. Если уж на то пошло, были способы помягче.

Я же мелкий. Я не готов убить, ты же сама лучше меня знаешь.

— О-о. Ясно, мать с угрожающим жизни ранением. Вообще-то разница между жизнью и смертью была в том, стояла она или упала задом. Я постаралась по возможности добавить веса, но расстояние падения зависело от вас с ней. Не повезло — ни тебе, ни матери.

Будь я слабее, стой мама подтверже, не будь комната захламлена, она бы не упала задом? Но знаешь что, Макина. При этом папу, который тут лежит, ты не оставила на произвол судьбы.

— Угум, что с матерью, я поняла. Теперь, наконец, можно идти дальше.

Макина отворачивается. Берет трубку телефона.

— Что ты... делаешь?

— Как что, звоню в полицию. Так и так, у нас тут жуткое происшествие.

Я не в силах осознать этого.

В полицию? Не в больницу? Все-таки после этого Макину арестуют. Как ни крути, эту трагедию устроила...

А...

— Дошло? Синъя, на тебе брызги крови. Вот проблема. Де-факто в обстоятельствах, имевших место полгода назад в семье Хисаори, ты несколько раз применил ко мне грубую силу.

Узость мышления из самонанесенного ущерба. Для панорам меняй объектив на «рыбий глаз». У меня закружилась голова, и тело с сознанием попытались разделиться.

Ощущение, будто крышу снесло. Макина нажимает кнопки.

— Сторонний наблюдатель подумает сам понимаешь на кого. О, гудок. Алло, полиция?

— А!..

Не допустить. Не допустить. Не допустить. Бита. Почему-то на кухне удобно валялась бита, переделаю, что не доделал тогда ночью, руку, хотя бы руку, да, хотя бы ее руку тогда надо было сломать!..

— А-а-а-а-а-а-а!

Махнул изо всех сил. Фулл-свинг по правой руке Макины, сжимавшей трубку.

Впечатляющий, раздирающий мир звук. Падающая трубка. На отводе разламываю и телефон.

— А... а, ха-ха, а...

Готовый упасть, опираюсь на битую, как клюку.

Спасен... Сейчас нельзя звонить в полицию. Полиция должна прийти за ней. Но я смог ей вовремя помешать. Ох...

— Э-эх. Телефон сломал?

Со сломанной рукой, Макина легким шагом направляется на балкон.

— Да ты страшен, Синъя. Тебе настолько *не хочется, чтобы звонили в полицию?*

Ха... Ха-ха. Ха-ха-ха. Ах-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

— Ну вот, теперь прощай. Наконец-то ты освободил стул.

Др-р, открывает окно. Снаружи — прекрасный закат. Красный балкон — как тогда, когда Макина увидела призрака.

— Но можешь не беспокоиться. Синью изолируют от общества, но образ действий Синьи я продолжу.

Да... Она сядет на место Хисаори Синьи, и меня все-все забудут. На стуле может сидеть только один. Чтобы Макина села, нужно убрать хоть какого слабого, несуразного, но бывшего там вначале меня.

— Сестренка... сестренка, сестренка, сестренка...

Сам не знаю, что хочу сказать.

Хочу прощения. хочу помощи, а может, хочу верить, что *это* — моя сестра..

А *это*, напоследок хихикнув...

— Дурачок... Пока-пока, Синъя.

Стороннему наблюдателю показалось бы, что она убежала от меня, со смехом спрыгнув с балкона третьего этажа.

Шмяк.

6

Через три года после того, как по подозрению в убийстве родителей и обвинению в физической расправе над сестрой арестовали Хисаори Синью, — начало две тысячи четвертого года.

Меня поставили на учет, но, тем не менее, допустили к реабилитации в обществе. Мне вновь представился шанс.

Она тогда, разумеется, не разбилась насмерть, а выжила, всего лишь лишившись руки. По идее она должна была выйти невредимой, но сломанная правая рука замедлила ее. Так что и она не всесильна. И то ли ей кара небесная, то ли что, но после этого ее, как и меня, с целью тщательного обследования изолировали от мира.

План опустошить меня, изгнать из Хисаори Синьи был безупречен, но когда все кончилось, ее признали одержимой. Не поздновато, блин? Я уж сколько лет знал, что она не человек.

Конечно, с этим я обзавелся смягчающими обстоятельствами. Поскольку я жил с больной синдромом А, адвокат давил на огромный психологический стресс.

Я надумал выписаться, родня с радостью приняла меня, и с пособием по сиротству я какое-то время смогу прожить и без работы.

Конечно, у меня нет такой цели. За три года в больнице я стал другим существом.

Это — последний шанс. На этот раз я не ошибусь. Хочу исполнить выпавший мне долг, чтобы хоть секундой раньше стало легче. К счастью, самое узкое место — финансы — уладилось. Пустые нежизнеспособные рассуждения внезапно приобрели реалистичный вкус. Поводов для беспокойства много, но талант и деньги создают паритет. Даже с моим

уровнем способностей деньгами можно залатать ямы в таланте. Если фортуна не отвернется, я добьюсь успеха.

Ну... Когда не думаешь, как деньги там или счастье увеличить, они идут довольно неплохо — такова жизнь.

／Hands.cut.

2/Self (L)

Может, и нельзя говорить про себя такое.
В общем, это была паршивая реабилитация в обществе.

— Это все. Исидзуэ Арика с этого дня выписан из нашей клиники. Теперь специально назначенный инспектор будет держать под надзором и регистрировать его жизнь. Само собой, ввиду признания латентным Исидзуэ Арика считается носителем синдрома А с соответствующим обращением. В случае появления любой неготовности к повседневной жизни разбирательство поручается специальному инспектору. Есть еще вопросы? Медэксперт Тома Мато в строгом черном костюме острым взглядом давит на назначенного пациента.

Год две тысячи четвертый, август. В смотровой палате клиники Ольги — наверное, в последний раз, — я весело разбираюсь с документами.

— Сёдзай. Еще вопросы?

— Все, вопросов больше не имею, госпожа инспектор!

«Сэр!» — отдаю честь Мато-сан. Мое начальство грозно хмурит брови, не понимая юмора. Ну, как сказать. Если спросите, насколько все хреново, то «она и после больницы будет держать меня за глотку, спасите-помогите».

— Ох... Ну и момент ты выбрал выйти чистеньким. И чего ваша братия не умеет выбирать время?

— Вообще это вы там решили, когда меня выписывать. Не надо во всем винить меня, пожалуйста.

Сразу оговорюсь, я не очернял рук преступлением... А-а, ну, все-таки я начисто забываю, что бывает днем, поэтому не уверен, но, в общем, проколов не было. Но Мато-сан обращается с людьми, как с уголовниками. Грехи отцов — грехи сынов... точнее, сестер — братьев, как-то так.

— Простите, вы сейчас сказали «ваша братия»?

— Сказала. Seriously, Сёдзай. Твоя выписка, ну, должна была быть более громкой, что ли. Но прошлым вечером дали приказ с изменениями. Выписка — вопрос решенный, провести любыми средствами, но по возможности тихо, вытурить так, чтобы люди не обратили внимания. Знаешь, в чем тут дело?

Мато-сан, не глядя мне в глаза, крутит шариковую ручку. Никоим образом не для развлечения. Это наверняка...

— Ни капельки. Но да, со стороны мы кажемся преступниками.

— Не кажется. Самые настоящие преступники.

Хрусть. Она сердится — ручка ломается. Уже третья. Тома-сан и инвентарь не щадит.

— Сурово... Но это ведь не про меня, так? Выписаться можно, но нежелательна огласка... А-а, что-то натворила предыдущая?

— В точку. Днем с тобой удобно разговаривать. Эй, ты, принеси ручку. Покрепче, пожалуйста.

Медсестричка, затаившая дыхание в глубине помещения, встрепенулась и протянула собственную ручку. Четвертой будет?.. Мато-сан для успокоения могла бы хоть покурить, что ли. Хотя я не видел, чтобы она курила.

— К слову, Сёдзай. Ты помнишь Хисаори, которая полгода назад выписалась?

— Лица не помню, но знаю, что собой представляла. Показать страницу Хисаори?

— Да ладно, уже утром присовокупила к общей картине. Ты с Хисаори Макиной не связан, это точно и замято... Ох. Она тебя учла, ты сам ни при чем, но...

Вж-ж, вж-ж — крутится болгарка. В смысле, ручка. Вечное перо надо было ей дать, в конечном итоге меньше вреда было бы.

— Все-таки общество всех выписавшихся чешет под одну гребенку. Она портит дело — а искры и до тебя долетают. Когда выйдешь наружу, на тебя будут смотреть самую малость с холодком, но это надо выезжать на наглости. Дело Хисаори можно закрыть хоть завтра. Хисаори явно влипла в какие-то дела. Ровно год назад я познакомился с назвавшей себя Хисаори *Синъей* — Хисаори *Макиной*. Мы виделись только в дневное время, и я ее не помню, но записок о ней осталось много. У меня проблемы с левой рукой, у нее — с правой, на этой почве и сошлись. Записки то и дело твердят: «Хисаори. Странная.» Причину этого я понял за полгода до ее выписки. Со слов Айболита я знал, что Хисаори Макина сама ничего не может, поэтому жила, подражая младшему брату, Хисаори Синъе. Еще бы не странная. Потому что она — женщина, а говорит и ведет себя совсем как мужик.

— И как? Как там Хисаори? Мато-сан, у вас страшноватый взгляд.

— Это мешки под глазами. Я просто из-за Хисаори ночь не спала. Да и из протоколов выходит ложное обвинение. Когда я тебя провожу, пойду собачиться с подведомственным помощником инспектора. За одержимыми подтирать мне не хочется, но лучше, чем за обессиленным родственником... Честно, осмотры тут за несколько лет — просто ужас. Год от года дел все больше, один только бюджет не идет в ногу со временем.

Обследования и трупов, и клинических — все заканчиваются одним листиком бумажки. Я сколько говорю, вкладывайте больше средств...

Молча слушаю жалобы Мато-сан. Она неподражаема, но поэтому и союзников нет...

— Ну да ладно. Я, Сёдзай, вот что хочу сказать.

— Да-да? Что же, госпожа инспектор Тома?

— Даже случайно — не замарай мне реноме. Если я, например, окажусь приставленным инспектором Хисаори Макины.

Это и говорить незачем. Хисаори сейчас уже канула в Лету.

— Так точно. После выписки я буду честно и по-взрослому жить в темном уголке круга общественности.

— Вот и славно. Ну что, до выписки остался час. Что делать будешь, отдохнешь тут?

— Э-э... нет, хотел сходить попрощаться с доком, так что я пойду. А вы, Мато-сан?

— Не пойду. Не собираюсь даром время тратить. Иди давай один. Ах да, кстати, Сёдзай. Ты еще не забросил поиски протеза руки?

Только я поднялся, она остановила меня. Редким для Мато-сан голосом, таящим неуверенность.

— Не забросил, а что?

— Да не... ну, просто. Если прямо приспичило, могу познакомить с одной перспективкой. Только мне, признаться, не нравится она... Понимаешь, человек говорит, что обязательно хочет с тобой увидеться.

Она вздыхает меланхолично, от души. Лично меня больше, чем тема протеза, поразило то, как эта непотопляемая личность может настолько уйти в блюз.

— Понимаете, Арика-кун? Вам нужна не уверенность в себе, а именно кто-то, кому вы нужны. Потратьте жизнь, но найдите. Для этого вам следует жить.

Исповедальня, куда я зашел попрощаться. Айболит, как всегда, говорит как художественный персонаж.

— Гм... Что такое, Арика-кун? Что за смертельно бледное лицо, на котором написано: «Когда же меня наконец выпишут?..»

— Ничего подобного. Вы хорошо поднесли напутствие, док.

Только вот получается, я могу сам себе цены не признавать. Но невзирая на это, идти вперед — это по-людски. Как ни крути, так легче.

— О-ох. Хисаори-сан, помнится, с такой готовностью согласилась. Арика-кун, вам эти полгода не испортили характер?

— Я вник в вашу идею, док, только и всего. Но при чем тут Хисаори? Она тоже забегала перед уходом?

— Да. Так же, как вы, приходила советоваться, как быть после выписки.

— Так же, как я, значит... Разве на нее похоже — брать в голову, что там снаружи? Скажи, док, Хисаори ведь должна кого-то копировать, иначе никак? Так какой была Хисаори, когда сюда заходила?

— Вот этого не могу сказать. Частная жизнь пациента.

Доктор Айболит усмехается. Хоть он трижды святой и друг каждому больному, становую жилу ему растила клиника Ольги. Доктору приоритетно здоровье пациента. Каким бы способом оно ни достигалось, если пациент в норме — эти страшные люди-врачи на все смотрят сквозь пальцы.

— Ну и ладно. Это все даже случайно меня не коснется. Пора мне уже, доктор. Спасибо за то, что терпели меня этот год.

По большей части заходившего ко мне, чтобы убить время. Встретимся ли еще — в воле моей судьбы и настроения Мато-сан.

— Взаимно. Между тем, Арика-кун, вы с доктором Мато попрощались?

— Хотелось бы, но никак. Я еще не сказал, но мой инспектор — пугающая капризных детей, доводя их до инфаркта, Томато-тян.

Айболит тут же прыскает. Похоже, это прозвище ему вмастило.

— Эх, одни волнения вам, да, Арика-кун?

— Я волнуюсь за твое чувство такта, док. Надо бы не ржать, а сочувствовать...

— Это-то уж я от чистого сердца сочувствую... Однако «Томато-тян»... Вы это в лицо доктору Томе говорили?

— Э-э... Всего раз. С языка соскочило.

Жуткое воспоминание. Был вечер. К сожалению, солнце тогда уже зашло. Триллер, ужастик.

— Ого. Очень прошу, расскажите. Я учту на будущее — доходят ли до доктора Тома шутки.

— Могу и рассказать. В общем, я ляпнул «Томато-тян», она внезапно посуровела, вскочила, мол, сиди тут, и ушла. Приходит с кухни с настоящим помидором. И передо мной вот так — *хлюп* его в руку в соус, фарш и потроха, и говорит: «Сёдзай. Я понимаю, ты хочешь так же?» Как тебе?.. Нет, она слишком жуткая, чтобы подкалывать!

Доктор наконец расхохотался. Оно того стоило. Чтобы Айболит ржал, держась за живот,

— раритет на уровне Мато а-ля блюз.

— Нет, ну надо же, а! Арика-кун, ты герой какой-то!

— Стараемся. Хотелось бы через свою амнезию вот это позабыть.

Исидзуэ Арика не отважен, он просто потерял способность чувствовать «угрозу».

Животные, не замечающие стоп-сигналов, — как... эти, которые летят в огонь. То же самое, что младенец, развлекающийся на проезжей части.

— Ну, на этом счастливо. Веди остальных заблудших агнцев, пастырь.

— Хорошо, — Доктор Айболит мягко улыбнулся. Будем надеяться, что не свидимся. — Кстати, Арика-кун, вы знаете? Доктор Тома при всех своих данных не терпит томаты. Говорит, что даже трогать не хочется.

Хм-м... Не ненавидит, а не терпит — это важно.

Выписка прошла разом, и я через примерно полтора года возвращаюсь в родимое гнездо — в город Сикура, на холм Сикура, в дом Исидзуэ.

За рулем — Мато-сан, автомобиль — красный «фроудстар». Невероятная психика — как вообще представить, чтоб выписавшегося из клиники пациента подвозили на кабриолете.

Кстати, запрошенные при выписке расходы на больничное содержание оказались поменьше, чем я себе представлял. «Странно», — говорю я Мато-сан.

— Это с полуторалетней зарплатой. Я же сказала, твоя помощь — не добровольная. Даже неуютно... Вот поэтому я, держа Мато-сан на расстоянии, все-таки доверяюсь.

— И потом, у дома Исидзуэ есть покупатель. В оплату счетов поликлиники его на следующий месяц продашь. Рассчитывай на это.

Вот так, прямо без отрыва от руля. Видимо, налог на наследство и прочие такие проблемы Мато-сан утрясла сама. Не спросив меня.

— Э-э, а когда дом купят, мне можно будет жить в палатке?

— Нет, конечно. Так устроено, что можешь в любое время поселиться в общежитии. Если хочешь, можешь хоть сейчас. Ага, рекомендую. За вашим братом, неприкасаемым, проще наблюдать, если собрать в кучку.

Крайне неуютно. Вот поэтому я, желая удрать от Злого Томата, все-таки смиряюсь.

— Звони мне раз в четыре дня. Если не позвонишь, буду думать, что либо помер под забором, либо сбежал.

Выпустив меня у таблички «Исидзуэ» со словами «ну, пока», «роудстар» делает разворот с заносом и улетучивается.

Предоставленная переносчикам синдрома А муниципальная многоэтажка стояла на севере Сикуры, строго напротив холма Сикура относительно железнодорожной станции. Здание соцпомощи и благополучия за номером 13. Так легко запомнить, что в глазах темнеет. Пройдя по потрескавшемуся бетонному коридору и напрямик мимо зашторенной вахтерки, направляюсь в свободную комнату на четвертом этаже. Наскоро осмотрев выделенную Исидзуэ Арике комнату, испытал легкую тревогу относительно соседской твякающей псины, погрузившись от мысли, что уже через месяц меня запихнут сюда, в комнату на третьем этаже на лестнице.

В коридоре третьего этажа веселились какие-то шумные люди. Им шли синие униформы и головные уборы, и были они, что называется, легавыми. В данный момент старательно проводящими обыск.

Связываться было себе дороже, но все-таки мне здесь через месяц жить. Как же не оценить степень риска? А, вот, как раз кучку полицейских рассек и подошел ко мне мужичок в гавайке. Это чудо в перьях никак на полисмена не походило.

— Привет. Ты здесь живешь?

Гавайка — если приглядеться, еще и в макияже, — выпучил на меня глаза.

— Але-у? Я тут со следующего месяца вселяюсь. Тут что, каждый день так?

— О, нет, неправда, я тоже впервые такое вижу. Служители порядка почему-то копаются в комнате Арики-тян.

На этот раз моя очередь выпучить глаза. Гавайка опять удивлен.

— Скажи-ка... Ты Арике-тян не брат? Как странно. Лицо вообще другое, но чем-то вы оба очень схожи.

— Есть у меня младшая сестра, но вряд ли ты о ней. И кстати, меня тоже зовут «Арика». Исидзуэ Арика. А что, вот в чьей квартире обыск, его так же зовут?

— Ничего себе, еще и полные тезки?!

Удивленный Гавайка тем не менее изучил меня и о чем-то тяжело задумался. Потом сказал:

— Хм-хм... То есть ты — настоящий?

— Чего? Однако ты шустро соображаешь.

— А! Ну что ты, не захваливай меня, дурачок! Я ведь тоже подумала, что Арика-тян странная. Девочка, а говорит в мужском роде. Я и думаю, за этим что-то кроется. А вон оно как, Арика-тян все-таки мальчишка, все верно! Ну, может, и не мне говорить, но все-таки девочки должны вести себя как девочки, правда?

— Да уж. А парни — как парни.

— Да-да. Хм-м... Только кто тогда прежняя Арика-тян? Я ведь тоже о ней беспокоюсь. Хотя и не в моем вкусе.

— Кто знает. Если я настоящий, то она кто-то, кто не Исидзуэ Арика.

Подытоживая дальнейшую историю Гавайки: полгода назад здесь поселилась женщина, назвавшаяся моим именем, влипла во что-то несколько месяцев назад и вчера, наконец, исчезла. У Арики, жившей здесь полгода назад, была, да, одна рука, и она была точно как я, только не лицом.

— Только странно. Псевдоним сразу вскрылся бы.

— Не вскрылся. Табличек на дверях ведь нет, и вообще, ты из таких, кто роется в семейных реестрах новеньких детишек?

Это какие «такие»?..

— Ну а почта? А вахтер?

— Дурачок ты. Это все неточно. А, меня вот Ниидзима зовут, но большинство писем мне идут на имя «Цветничок». Псевдоним есть псевдоним. А все счета управляющий собирает с жильцов и сам оплачивает.

Здесь пользоваться псевдонимами — обычное дело, что ли? И вахтер — юродивый под стать Ниидземе-тян, в дела жильцов вообще не вмешивается. Нынче риэлторы да владельцы редко на короткой ноге с жильцами. А дружить с соседями псевдоним не мешает, да.

— И все-таки бывает и другое, что-то, что оставалось бы в записях. Права или банковские книжки.

Хотя, кажется, при выписке права забирают? Ну, а банковские книжки, хм, чужим-то и не показывают.

— Можно на секунду? Эй, ты, Исидзуэ Арика?

— О черт...

Прижали! В день выписки допрошен сыщиком! Зря я с Ниидзимой-тян дурью маялся. Застывший в коридоре полицейский расслышал мое имя и сдал меня сыщику в комнате. Что это значит, Мато-сан, легавые честно делают свое дело!

— Да, я Исидзуэ Арика. Со следующего месяца планирую вселяться. Заранее скажу, в этой комнате не я жил, так что вот.

Не хочется «проследовать до выяснения», поэтому говорю как есть. Только и полиция не дремала. Оказалось, и что меня до сего дня в городе Сикуре не было, и что в обыскиваемой квартире жил кто-то другой под моим именем — уже выяснено.

— Уф-ф... Да, можно я тоже спрошу?.. Вот эта, которая под моим именем ходила, кто она?

— Девушка по имени Хисаори Макина, твоя ровесница... Только знаешь что? Вон он сказал, что ты с ней одинаковые, но у вас только и общего, что однорукие. Ой, виноват, без обид?

— Без обид, правда же однорукий. Кстати, э-э, Хисаори Макина? Что именно она делала под моим именем?

Сыщик вроде человек хороший, и я решаю тоже узнать, как все было.

— А-а. Шантаж, мошенничество... Что еще — по мелочи собирали материал по подозрению в незаконном сбыте. Всего-то двадцать лет, а какие злобные побои проделывала, вроде. А-а, и еще...

Интересно, почему «вроде», но еще интереснее, что дальше.

— И что еще?

Задаю вопрос, приличествующий невинной жертве, чье имя использовали.

Молодой сыщик выдохнул что-то в смысле «уже рассказываю, чего уж там» и...

— Это, наверное, круче всего. Подозрение в убийстве Хисаори Синъи.

...сообщил вообще не касающийся меня, Исидзуэ Арики, вчера закончившийся случай.

3/Self (R)

И вот в медовый месяц, которым я жила — нет, жил, — внезапно примешался деготь. — Сегодня, около шести часов вечера, в индустриальном районе Нодзу города Сикура, в жилом массиве обнаружено тело молодого человека, опознанного как Хисаори Синъя, девятнадцать лет, проживавшего там же. По словам свидетелей и записям Хисаори, в причастности к смерти подозревается некто Хисаори Макина. Этого человека видели там в то же время...

Приподнятое после небольшой драки настроение единым махом обрушилось в пыль. — Что за бред!

Безответственный корреспондент продолжает говорить.

Хисаори Синъя был убит проникающим ранением острым предметом в заброшенном старом доме Хисаори, и сейчас больше всего подозрений ложится на старшую сестру жертвы, Хисаори Макину. Это слишком непостижимо, до потери сознания. Макина убивает Синъю? Как, с чего?

— Почему вдруг я-то его убил?

Но ситуация сходится. В индустриальный район Нодзу я действительно заезжал как раз пару часов назад.

Когда я зашел в старый дом Хисаори, внутри было как в сброшенном панцире насекомого. Значит, труп Синъя — это уже после моего ухода. Кто это подстроил — неизвестно.

Очевидно только, что раз я заходил в комнату, мне теперь не позавидуешь. Отпечатки. Волосы, свидетели. Улики в пользу того, что я там был, не удастся скрыть.

— По странному совпадению, все произошло в той же квартире 303, где три года назад погибли родители Хисаори. Почерк убийцы тот же — Хисаори Синъя убит режущим оружием. Что могло привести к повторению трагедии? Наша передача видит связь с синдромом А...

Озвучивают досье Хисаори Синъя. Дело о буйстве трехлетней давности. Случайная гибель родителей. Сброшенная с балкона старшая сестра в дальнейшем признана больной синдромом А.

Похоже, это и есть изюминка передачи. Телевизор изливает досье Хисаори Макины, выписанной полгода назад из карантинной клиники. Вот неблагодарный ведущий. До сих пор меня радовал за развлекуху, а тут нате, разболтался.

— Дурак, что ли? Из обиды за обнародование факта одержимости я убила Хисаори Синъю?

Это же слухи. Это же просто слов нет. Я и не видел... а впрочем, надоела шкура Исидзуэ Арики. Я и не видела Синъю все эти три года. Ни разу я на него не обижаюсь.

Да, вообще нет никаких причин.

Как и нет причин попадать под линчевание каких-то малолеток, которых я и видела-то впервые. А поскольку я была Исидзуэ Арикой, вам и Макину мусолить незачем. И вообще. *Все прочие — не доросли мне мстить.*

— Ладно. Не понимают потому, что не хватает.

Перевожу мысли на другие рельсы. Неизвестно, как и что было, но Исидзуэ Арика, которым я до сих пор была, уже не годится. Сами по себе события, которые останутся в памяти, — еще ничего, но когда ты попадаешь в такие неприятности, тут же нагрянет полиция. Жители того квартала, может, и опознают меня как Исидзуэ Арику, но в документах я откровенно Хисаори Макина, никуда не деться. Даже искать нечего, где я живу. И вот тогда и слишком подозрительное поведение меня, называвшей себя Исидзуэ Арикой, и шестью шесть литров крови, которые я так неудачно пролила полчаса назад.

— Невероятно! Ох, да что же это, почему!..

Я надеваю верхнюю одежду. Банковская книжка уже не нужна. Запихнув накопленную наличку в карман, ухватив тот единственный, в красивой рамке, багаж меня-как-Хисаори-Макины, я ухожу из обжитой за полгода квартиры.

— Синъя, болван. Я могла ведь больше протянуть!..

Насколько этим вот новостям разрешили трепаться? Нашли тело Хисаори Синъя — это, наверно, правда, но истории про Макину — не более, чем домыслы авторов передачи! Будь это официальная точка зрения, по моей квартире давно бы топтались копы. А их нет, то есть полиция неспешно исследует тело Хисаори Синъя... Когда-то они додумаются вспомнить про Хисаори Макину, но к добру ли, к худу ли, а первыми попали пальцем в небо слухи.

— Что делать, что делать, что делать!..

Сбивая себе дыхание, я покидаю квартал.

Я трезво оцениваю ситуацию и вовсе не боюсь, что меня станут считать братоубийцей.

Это — явное ложное обвинение, и даже если бы повернули так, что это я убила, я всего лишь вернусь в клинику. Невелика досада. А потому...

— А-а... а-а, а-а-а-а!

Вот так, неприглядно, сходить с ума у меня всего одна причина.

— Что делать, надо быстрее найти следующий эталон!..

Да. Коль скоро я перестала быть Исидзуэ Арикой, у меня ничего не будет ладиться. Ведь я снова стала Хисаори Макиной...

От побега из учреждения для одержимых до утра — десять часов. Я схожу с ума, одновременно кое-как скрываясь. Спрятав багаж так, чтобы когда-нибудь за ним вернуться, сделав благодушное лицо, но с такой полуулыбкой, чтобы не задерживалось в памяти, я форсирую море людей и двигаюсь в окраинные районы, туда, где поля. Ко времени, когда я укрылась в одном из разбросанных тут и там лесков, уже наверняка сменилась дата.

Это была ночь воспоминаний.

Сколько лет прошло с тех пор, как я вот так возвращалась в свою голову?

Там всплывают одни ненужные вещи.

Вроде призрака, которого видела в детстве.

Вроде зашедшего на кухню смертельно бледного отца.

Вроде звука, с каким он, чуть отступив назад, повалился на спину.

Вроде лица, от выражения переносимой боли в затылке — *фьюх* — перешедшего в озадаченность при виде падающего ножа.

Правая рука болит... Когда я вот так становлюсь Макиной, не могу не поражаться себе в то время. Почему я так далеко зашла? Как бы меня ни давило, все-таки не настолько далеко.

— Но да. Лишиться своего места в жизни — это мой случай.

И все равно — вправду ли я перестаралась?..

Мои шестерни без ограничителей, мой газ без тормоза. Такая машина однажды не впишется в поворот, такой поезд скоро слетит с рельс.

Я оступилась не сейчас, а давным-давно.

Я была безукоризненным ребенком, если смотреть на оценки.

Я была внимательным ко всем ребенком, если верить слухам.

Но хотела я не похвалы, и почувствовать физически, что такое слава, мне не довелось.

Такому аморфному нечто я бы предпочла более явное легкое душевное тепло.

Может, и в этом я была несостоявшимся созданием. Пошла вкривь и вкось... Тело — самолет, а душа — тварь, что двигается, пользуясь руками-ногами.

И поэтому я прошу тебя, Господи.

Дай этой мелкой душе — мелкий сосуд.

— Ай. Как странно...

Правая рука болит. Ах да, я же так и хожу с протезом.

Когда я давала отпор шестерым хулиганам, он двигался, а сейчас вообще никак. Не мешает, но и противно, хочется снять, а никак не снимается.

— Э?.. А, а?..

Просто я — Хисаори Макина и даже этого не могу.

Так жаль себя, что хочется разреветься.

Надо быстрее завести пружину. Так меня сразу найдут. Я задумалась, чего сейчас больше всего хочу.

— А, ну да... Ведь почему все так вышло-то.

Кто послужил поводом пойти в эту промзону Нодзу, куда мне даром не надо было? Кто разговаривал с горящим жаждой отомстить сестре Хисаори Синьей?

У меня еще оставалось подземелье Карё Кайэ.

— О, привет. Ты рано сегодня.

Пройдя по темной лестнице, я открыла дверь.

Залитые просачивающимся сквозь потолочное море пепельным солнечным светом, я и мое сознание были совершенно промыты. До сих пор приходившая сюда не иначе как в чужой шкуре, я именно сейчас оказалась настоящей собой и напрямую наблюдала то, чего видеть не следовало бы.

Почти вылетело из головы, зачем пришла... За час, прошедший между тем, как я вспомнила об этом месте, и этим мигом, плотно сжатое в чувстве расплаты, близкому к вымещению зла на всем вокруг, мое сердце одним махом было промыто.

— Хм? Что с тобой, ты же по уши в грязи. Можешь сходить вымыться.

Вода переливается. Пепельное солнце покачивается. От кровати с привешенным, несмотря на подземелье и глубокоморье, балдахином я слышу прекрасный голос. До совершенства изолированное пространство. Неимоверно стерильное пространство. В центре комнаты, избавленной от всего неприглядного, как само собой разумеющееся...

— Ну же, скорей. Расскажешь мне интересную историю.

...покоилось существо до ужаса прекрасное, так, что дальше некуда.

Мой взгляд сам переходит на мои руки. Данные от рождения и искусственные пальцы.

Пальцы изящнее, стройнее — на дареной правой руке. Но даже более великолепными мне казались руки этого существа. Лишенные формы, великие, незримые руки.

— Карё... Кайэ.

Я уже совсем вымоталась. В полном нокдауне. Как боксер, про которого кто угодно скажет, что он не выдержит, но который пытается продолжить бой.

— Начни с двери. Закрой. Присядь тут. Ты со вчерашнего дня не спишь, да?

Мне становится себя жалко... Я все эти полгода с завистью думала — как он в таком искалеченном теле может оставаться таким здоровым во всех отношениях? Как он может оставаться таким дружелюбным? Я-то наоборот. Я и забыла, насколько хреново мне быть самой собой.

— Угу... Не сплю, а что?

Держаться... Ты пришла сюда, чтобы вытрясти из него историю о Хисаори Синье.

Я ослабела, и потому продолжаю принимать неверные решения. Когда промыло душу, надо было бежать со всех ног. А я, как летящий на свет мотылек, нетвердым шагом иду вперед.

— Ого. А тебе досталось, я по дыханию думал, что у тебя не осталось сил вообще, однако твое сердце еще больше иссохло. Извини, отложим разговор. Сюда пока что никто не придет, ложись на софу.

Хочется плакать от запоздалых сожалений. Почему я не удержала личину Исидзуэ Арики?.. Я сама не могу здесь находиться и, если меня поймают, я не смогу сюда вернуться.

Дура, признаю.

Хисаори Макина любит это существо. В восторге от этого подземелья. Вот бы до того, как увидеть того призрака. Вот бы быть самой собой и прийти сюда...

— Нет, не стоит... Я просто влип в тупую историю и сама с себя поражаюсь. Я займу ванную?

Я влезаю в раз снятую шкуру. Грошовый спектакль и так далее. С маской на лице ничего не видно.

Молчание. От моего паршивого спектакля Карё-сан делает такое лицо, будто лимон съел.

— Ну да ладно. Давай, пользуйся на здоровье. Заодно оружие не забудь.

Я иду в ванную комнату. Умываюсь. Прячу в задний карман фруктовый нож. Как всегда — как Исидзуэ Арика, — сажусь перед софой на полу.

— Послушай. Я насчет вчерашнего, что с Хисаори Синъей было.

Я боязливо начинаю разговор... Он не ладится. Когда я думаю и говорю, обязательно захожу в тупик. А ведь более-менее натурально начала.

— А-а. Неудачно получилось, его убила Хисаори Макина, — сказал Карё Кайэ не допускающим сомнений тоном.

— Как... Откуда... ты з... наешь?

— А в утренних новостях крутили. Как раз перед твоим приходом. Что полиция нашла тело Хисаори Синъи и главной подозреваемой называют Хисаори Макина.

Что за черт... Недоумки. Я вообще ни разу не причастна, но теперь повернули, что убила я?

— Неправда. Я этого не делал.

— Ага. Исидзуэ-сан там ни при чем.

— Да. Поэтому я прошу тебя быть свидетелем, что я со вчерашнего дня все время был здесь. Нет, даже не так...

Если он укроет меня здесь, какие-то внешние проблемы не будут меня беспокоить...

— Быть свидетелем? Можно, только как-то разговор не стыкуется.

Он хихикнул.

Черноволосое существо весело посмотрело на меня:

— Хисаори Синъя вообще не имеет отношения к Исидзуэ Арике, верно? Синъю убила его сестра Макина. Ведь общество уже об этом знает?

Я меньше всего на свете хотела это слышать, меньше всего на свете хотела говорить это таким голосом:

— Я же сказала, что не убивала его-о-о-о!

Наспех наброшенная маска легко спадает.

Я резко осекаюсь. Однако... *оно*, на кровати, вообще не обратило внимания на мою оговорку.

— Ну так и все хорошо. Хоть ты Арика, хоть Макина, если не убивала — значит, клевета. К убийствам следователям не привыкать. Если есть вещдоки, надо знать наверняка, если нет — они не остановятся, пока не доберутся до правды. В общем, насчет таких случаев: *все-таки в памяти-то они остаются*.

— Э... а?..

Ну и ну. Так это существо все знает.

Дернуло мою убитую правую руку. Уголки рта неприятно задрались.

— Что-что?.. Ты что сейчас сказал?

— Я сказал, клевета на Хисаори Макину быстро кончится. Но да, дальше как по маслу не будет. Если схватят — это дорога в клинику, пусть и временно. Если даже человек безгрешен, эта клиника не так великодушна, чтобы давать поощрения однажды сорвавшейся одержимой.

Правда, говорить нечего. «Гав-гав-гав!» — спавшая под софой черная псина проснулась от моей враждебности. А, так вот на какие вещи она реагировала.

— Хм... Ты с Синьей в сговоре?

— Когда он вчера приходил, просто попросил замять то, что будет дальше. Чтобы, когда все закончится, если я с тобой увижусь, я объяснил за него. Последнее желание все-таки, лучше выполнить, а то засыпать боязно.

Беззащитен. Даже в младенце больше жизненного резерва. Я подумала прервать его неприятный треп, но что *это* может, кроме как трепаться? Поговорим еще немного.

— Когда ты узнал, что я Хисаори Макина?

— Имя узнал только что, а что не та, за кого себя выдаешь, — сразу. Имени я не знал, оставалось говорить только «Исидзуэ-сан».

— Не понимаю... Кайэ, у тебя фотографии Исидзуэ были, что ли?

— Нет. Полтора года назад — нет, уже два, наверное... Его случай основательно осветили в новостях, я просто знал об этом информативно, так сказать.

Два года назад... Я тогда уже жила в изоляции клиники.

— И? Как это связано с тем, что я не та, за кого себя выдаю? Я такая же однорукая, как Исидзуэ-сан. А, разница между левой и правой?

— Я не знаю, левой у него нет или правой. Скорее, дело в имидже. Исидзуэ Арика ведь пострадавший. Ты слишком сильная, вообще не подумаешь, что ты окажешься той, кого убивают. Кстати, пол тоже не в счет. Его хоть сто раз поменять можно.

— Ни фиги себе. То есть ты понял, что я имитатор, не по записям, а аж по образу.

Я слишком рада, и это слишком обидно. Ага... это существо не ведется на поддельную улыбку.

Хм, вопросов больше нет?.. Какая-то ты слишком равнодушная. Раз так, я бы хотел выполнить последнюю волю Синьи-сан.

— Да ну ее. Сейчас ведь ты и я разговариваем. И опять же, это последний раз. Я спрашиваю, а ты отвечаешь. Когда этого больше не сможем — занавес.

— М-м... Ладно, тоже ничего. Результат все равно одинаковый.

Карё-сан хорошо понимает: повиноваться мне или противиться, что угодно делать — конец один. Разговор затянулся, но в эту подземную комнату никто не придет. Может, как раз сегодня к нему могут заглянуть гости, но в таком случае я постараюсь заставить его выиграть мне максимум времени. Это расплата за то, что игнорировал меня напропалую до сих пор. Ощути-ка мое дивное настроение.

— Угу, тогда дальше. Что тебе вчера рассказал Синья?

— Про тебя — ничего. Цитирую: «Про Макину я вообще ничего не знаю, так что расскажу про себя». Рассказ шел про прошлое Хисаори Макины, и он хотел, чтобы я тебе сказал, что об этом думаю.

И вот я слушаю длинную историю, рассказанную Синьей.

История Хисаори Макины из уст Синьи даже с точки зрения меня, как главной героини, была в целом безошибочна.

Детство, когда я не замечала, что отличаюсь от других детей.

Лестница, на которой я оступилась в пятом классе. Как меня со средней школы считали аутисткой, а со второго года старшей я переродилась, подражая чужой манере жизни.

Как я оказалась одержимой. Как подражала привычкам Синьи, жестам, от образа мышления до уровня обучаемости и физического развития. Как, при всем этом еще больше выделяясь среди *homo sapiens* манерой лицевой артикуляции, Хисаори Макина, будучи существом, полагающимся на память об образах других, могла становиться даже людьми, чьи лица были даже совсем иного строения, согласно дедукции Синьи.

— Я недооценивала Синью, он молодец. Все в точку.

— Угу. Это и есть твое новообразование. Наверное, самая маленькая среди других одержимых способность, не приводящая к препятствиям в развитии характера. Но она

незначительна по сравнению с сегодняшним днем. Твоя аномальность не имеет отношения к одержимости. Она мелочь в описании сегодняшней Хисаори Макины. Он прав. Имитация, подумаешь... Если захочу, кого хочешь сыграю. Я всего лишь прирожденная актриса. Во мне что-то сломалось еще до того, как меня настигла одержимость.

— И что? Вот Синъя тебе рассказал, и что ты подумал? Что я незаурядная, что одержимая, которая просто смотрела, как умирают родители, и довела брата?

— Ага. Твоя психика ненормальна, ты одержимая, ты использовала родителей, чтобы довести брата. Это все, что нужно знать о деле Хисаори. Я не думаю, что кто-то виноват. Если смотреть по итогу — ты права. Потому что твой план подвергнуть Хисаори Синъю остракизму удался.

— Знаешь что... Не подлизывайся. Не хочу в тебе разочаровываться. Я — с любой стороны...

— Извини уж, но если хочешь наказания, обратись к специалисту. Добро и зло по текущему курсу меняются местами, я не могу отсюда сдвинуться и не смогу наказать.

— То есть с твоей точки зрения, Кайэ, я не виновата?

— Мне не нравится само то, что ты одержимая, но и так, не то чтобы я тебя на дух не переносил.

Ох. То есть ему все равно, так?

— Но тебе надо кое-что услышать. Пусть действия Хисаори Макины были верными. Но в одном моменте ты фатально неправа. Больше ничего мне история Синъи-сан не дала. Мурашки по спине. Я строю крутую, кривлю рот в ухмылке:

— Где? В чем неправа? Что все-таки убила родителей? Что из-за этого и Синъя мне мстил и чуть не уничтожил?

— Глупая ты, Хисаори-сан. Разумеется, *я о том, что ты обрела цель.*

Что я обрела — цель?..

— И ради доброго имени Синъи-сана добавлю, что и он на тебя был не в обиде. Как ты ничего к Синъе-сану не чувствовала, так и Синъя-сан думал только о себе, когда сюда пришел. Тут тоже не заблуждайся, ладно?

Еще меньше понятно. Синъя не обиделся на меня и пришел сюда не ради мести?..

— Врешь. Синъя меня ненавидел.

— Это до клиники. Да, три года назад Синъя-сан тебя ненавидел. Потому что твоя имитация была неполноценной. Если бы ты захотела, смогла бы быть идентичной ему, а ты достигла результата на шаг выше подлинника. Ты могла бы стать в разы совершеннее Хисаори Синъи, но специально застыла в одной точке.

— В результате, — продолжил он, — ты, будучи для всех Хисаори Синъей, стала искусственной, игнорируя существование настоящего Хисаори Синъи. Ты сама могла никакого зла не держать, но со стороны имитируемого это был акт крайней агрессии. Ему, как Хисаори Синъе, пришлось прибегнуть к самозащите. Он возненавидел тебя всего лишь тогда, когда понадобилась причина защищаться. Но за эти три года Синъя-сан понял, что ненависть бесплодна. Что надо бить по Хисаори Макине. Осознал, что если он хочет вернуть украденного себя, ему придется биться непосредственно с тобой.

Кайэ улыбнулся:

— Потому что у вас разные способности.

Что за черт... Все настолько непонятно, что я все больше злюсь. Не-е, его уже пора кончать.

— Ага. Здорово с его стороны не бросаться на меня с кулаками, но в итоге — что, это вот бредовое происшествие? Ну, для Синъи хороший ход, наверно. Он таки загнал меня в угол... Итак. Кто ему напел такую идею? Ты, Кайэ?

Синъя пришел сюда посоветоваться. Положился на демона из подземелья, который, как говорят, убивает одержимых.

Раз так, то меня загнал в угол не Синъя...

— Нет. Я же сказал, я ничего не мог ему посоветовать. Что бы я ему ни говорил, *он без остановки имитировал тебя.*

— А? Имитировал — меня?

— Угу, в твоей манере имитации чужих действий. Когда полгода назад Хисаори Синъя выписался из психиатрической клиники, он принял твой опыт во внимание и действовал как ты. Для начала он хотел замараться в мелких преступлениях от лица Хисаори Макины, а возмездие направить на тебя и себя, я думаю. Но ты же после клиники действовала от лица Исидзуэ Арики, так? Синъя-сан разузнал про тебя, когда ты выписалась, поудивлялся, но понял, что так и должно было быть. «Чего и следовало ожидать от Хисаори Макины», — как-то так. Тогда он подправил планы. Наверное, решил уничтожить и твою состряпанную личность Исидзуэ Арики, и человеческие права Хисаори Макины одновременно. Потому что если один из них жив, ты сбежишь в его или ее школу.

Вчерашнее линчевание. Так оно все же было направлено против Исидзуэ Арики. Просто если я не помню, значит — тот Исидзуэ Арика, который не я, сделал что-то не то, в этом и было дело.

— А-а. Чертов Синъя, устроил невесть что от имени Исидзуэ-сан. Но... сумел бы робкий Синъя такое учинить?

— В этом он мог учесть опыт разных предшественников. И его цель наделала только минусов. Если вообще не думать о личной выгоде, кто угодно может плевать ядом. Логично. Чертов Синъя, небось денег повыкидывал. У него была родительская страховка, кажется.

— А еще вчерашние новости были странные. Слишком ненатурально раньше полиции назвать имя Хисаори Макины, а? Это следует понимать так, что информацию купили еще до того, как нашли тело Синъя-сана. Я не думаю, что у него был сообщник, так что Синъя-сан, скажем, сам позвонил. Перед своей смертью он сказал, что его убийца — Хисаори Макина.

— Поверить не могу... Неужели чертов Синъя...

— Именно. Когда я спросил, как он собирается отомстить Макине, он ответил, что если не может победить, не станет и сражаться, и что придется подавить свои эмоции. Но, похоже, убить одни эмоции ему не хватило терпения.

Да что это, самоубийство? Не надо говорить такое просто так. Совершить самоубийство же труднее, чем победить меня!..

— Вот и все по делу Синъя-сана. Он совершил самоубийство, остался только преступник. Но знаешь, Хисаори-сан. Он исполнил свою месть на загляденье хорошо, но у него все равно нет мотива. Умер-то Хисаори Синъя, но убила его Хисаори Макина... Что ни говори, а это все устроила ты, это преступление совершила ты.

Он бредит? Я ничего не делала, но со мной обходятся как с одержимой, убившей брата. Это же, как ни крути, подстроил Синъя.

— Не издевайся. Меня просто подставили. Почему... Ты жесток, Кайэ. Если ты знал, почему не выручил меня?

— Потому что это было невозможно. Ни я, ни ты не смогли бы остановить Хисаори Синъю.

Все врешь. Синъю запросто можно было остановить.

— Т-ты не смог бы, наверно. Но я-то. Вчера бы рассказал, и...

— И ты тоже нет. У тебя достаточно способностей его превзойти, но нет энергии ему противостоять. Когда ты вчера узнала, ведь не смогла смазать ваши с ним различия? Вчера Хисаори Макина не сумела остановить имитацию, которую три года назад начал Хисаори Синъя.

Карё добавил, что Синъя до вчерашнего был именно настолько силен. Что имитаторство Синъя было несравнимо хуже моего, и несравнимо более восхитительно.

— Как бы умело ни сыграна пьеса, перед натуральностью она бледнеет. Хисаори Синъя был актером третьего плана, но его горячность была неподдельной. Понимаешь? Без какой-либо цели показать чье-то чужое развитие, характер — работа сама по себе близкая к самоистязанию. Насколько долгому воображению наблюдение за незнакомцем, с которым разминулся, может стать основой? Человек, у которого есть «я», и пяти минут не протянет. Имитация потребляет очень много горячего.

— Что?

С этим я никак не могу согласиться.

Ведь как же. Я до сих пор ни разу не считала ее трудным делом.

— Да. Ты — *сразу противилась*, тебе не понять, наверное. Жизнь человека, который с тобой никак не соприкасался, можно вообразить. Там, где кто угодно бы сдался, Хисаори Синъя уперся и справился через полную отдачу. Три года назад ты лишила его места в жизни, и он все время думал, без секунды отдыха. Не развлекаясь, не отвлекаясь, он тратил все время на подражание другому. Не ты, обожающая имитировать. *Нормальный* человек, которому тяжело даже подумать о подражании другому, расстался со всевозможными идеями и с головой ушел в это. Задействованные упорство и рвение невозможно вообразить. Когда говорят о *нечеловеческой энергии* — это о нем. Если подойти с другой стороны — вот день, неделя, месяц, год, и все это время человек посвящал раздумью; а ты в это время *всего лишь* плыла по течению чужой жизни. Ты сможешь его остановить? Едва ли.

По спине пробежал холодок.

То ли от страха перед серповидной, как луна, улыбкой Карё-сан, то ли от энергии Синъя. Хотя мне безразлично это его упорство... это трехлетнее добровольное затворничество напомнило мне себя саму.

О да... Если Синъя стал таким, какой я тогда стала, то да, за день его не удержать... За м-м... за четыре как минимум.

— То есть, если я хотела его удержать, вчерашнего дня уже не хватало?

— Да. И вдобавок — метод Синъя-сана был безукоризненным. Против плана ради самосохранения можно было бы пойти массой путей, но план, где себя не хотят спасти, невозможно остановить. Самоубийство — самый неэффективный, но реализуемый план. Хисаори Синъя, чья жизнь уже была убита, хотел пожертвовать своим существованием, чтобы убить жизнь Хисаори Макины.

Довольно. Молчи. Не говори, хватит уже! Конечно, если он себя сам где-то в кустах зашибет, я его не смогу остановить.

— И все-таки. Даже при этом — самоубийство...

Но — этого одного я не могу понять. Чего не понимаешь — того и страшишься. И я сейчас на самом деле ощущаю угрозу от Синъя.

Ведь я не смогла выбрать такой способ. Я понимала, что такой финал никому не причинил бы вреда, но боялась и думать об этом. Сумев это сделать без боязни, Синъя был сильнее меня?..

— А ведь Синъя был таким робким, что даже меня не мог убить.

И такой человек взял и сумел совершить самоубийство?

Ведь самоубийство — это же больно? Хотя ты здоровый, хоть одержимый, неважно. Дух же только и делает, что старается оттянуть смерть своего вместилища?

— А Синъя нормально общался? Все-таки выписался, то есть стал нормальным.

— Кто его знает. Я не знаю, чем болел Хисаори Синъя. Пожалуй, если бы он восстановился до стандартного мышления, не стал бы себя убивать. Но как ты, смотря с другой стороны, думаешь? Как Хисаори Синъя лечил себе психоз?

В этом и вопрос. Карё-сан сказал, что мой план удался. Синъя отрешился от общества, и больше странен сам факт, что он оправился. Обычно мертвецы не воскресают, как подсказывает мир.

— Да. Разум Хисаори Синъя был полностью разрушен благодаря тебе. Он захотел умереть в тот же миг. Но жажда мести не дала ему сделать этого. Хисаори Синъя не мог умереть, не повергнув тебя. Если бы он и умер, Хисаори Синъя не исчез бы. Он и хотел бы умереть, но не умер бы до конца. И тогда — он, больше всего мечтавший умереть, решил вернуть себе здравомыслие, в том числе чтобы добраться до последней станции. Он не стал здравомыслящим и умер, но вернулся в норму, чтобы умереть. Можно сказать, заменил разум. Если говорить поэтично, то Хисаори Синъя ради краха Хисаори Макины продал душу дьяволу.

Даже при разнице в способностях мы на самом деле были похожи, какими и должны быть брат и сестра. Наверно, Синъя воскрес не своими силами. Моя «единственная ошибка» породила эту месть.

— Поразить меня, чтобы самому умереть?.. Ха-ха. М-да, это точно не из ненависти. Слушай, Кайэ. Моя ошибка случайно не похожа на Синъю?

— В другом порядке, но одно и то же. Ошибка всего одна. Три года назад ты, впервые по собственной воле, имитировала Хисаори Синъю не как самоцель, а как средство. До этого было не так. *Ты, наполовину из интереса, использовала средство существования как средство увеселения.*

«Я до сих пор ничего не считала веселым.

Я попробовала занять твоё место, Синъя, и это, кажется, *занятно...*»

А-а. Вот в чём было дело.

— Твоя имитация была верна в том, что она сама была целью. Так как это и была конечная стадия, из неё *ничего не результативало*. Но ты воспользовалась имитацией как средством, чтобы сбросить брата с его стула. А средство неизбежно обрывает целью — результатом.

«Дурачок... Пока-пока, Синъя.»

Я признаю. Я веселилась. Даже когда спрыгивала с балкона, залитое слезами лицо Синъя приводило меня в восторг. Я же сама говорила — когда меня как одержимую сунули в клинику, это была моя расплата за единственный грех.

— Ясно. То есть прошлая я мне отомстила.

Точно так.

Юноша в подземелье расцветает улыбкой.

Ну, сама себе навредила.

— Эх... Дура я была.

Решение прийти сюда было самым наипаршивым, но одновременно, наверно, самым лучшим. Внезапно начавшееся мое низвержение теперь стало понятным. Теперь в голове прояснилось, многое стало неважно.

Угу. Хватит, хватит цепляться за прошлое и тратить нервы. Хисаори Макина постоянно терзает голову другими вещами.

— Это все, о чём Синъя-сан меня попросил. Ну, что делать будешь? Теперь только бежать или сдаваться. Если сдаваться, лучше отягчающими не обрывать.

Отягчающими? Как насчёт вчерашних малолеток? Ничего, кто-нибудь их спас. Наверное. Что сделал Синъя от имени Исидзуэ-сан — тоже в конечном счёте к Синъя вернется.

— И вот это, думаю, на добивание. Говорят, Исидзуэ-сан вчера выписался. Сейчас он, наверное, уже в общежитии?

Да пусть. Он уже не нужен.

Я беру в руку нож из заднего кармана.

От ощущения жесткого предмета в руке меня подергивает. В неотрывающейся белой правой руке толчками ходит кровь. Что буду делать? Вернусь в клинику? Неплохо, но уже не получится, Карё-сан. Теперь я знаю место, где мне приятней, чем там, а желать лучшего пути естественно.

— Слушай. Я хочу очередной объект для копирования.

Возможно, это первая в моей жизни просьба кого-то о чем-то.

— Что?..

Продолжая лежать, *она* поднимает на меня взгляд. Без рук и ног не убежать. Ну вот, к этому все и пришло.

— Да. В общем, не мог бы ты умереть?

Рука радостно задвигалась. Пес ненависти молчит.

— Зачем? Если хочешь сыграть в меня, просто иди и живи как жила где-нибудь, где тебя никто не знает. Незачем становиться подлинником. Или Хисаори Макина все-таки по-другому устроена?

— Ну, да. Понимаешь, такой комнаты больше нигде нет. Да и ты, Карё-сан, офигенно богат.

— Ну, положим, деньги есть. А что, ты хочешь меня убить, отрезать себе конечности и тут сидеть? Так ты меня не подменишь.

— А вот и нет... Ну да, неудобства будут. В общем, убью и подумаю...

Средств полно. Просто я хочу эту комнату. Оригинал мне не нужен. И потом...

— Как бы сказать. Все-таки это вроде как ты меня подставил, нет?

Или эта беспричинная жажда убийства и радость исходят из восхищения им?

Я опускаю нож. Мир вокруг опадает. Я убита до того, как убила. Мои руки и ноги мгновенно окутываются мраком.

— Эй, ни фига себе!..

И я — *бушух*.

Из пепельного пространства — слышу — накатывается девятый вал.

4/Self (L)

— А? Про протез, еще утром говорили?

В окрестностях Сикуры, в одном лесу, есть неотмеченный на карте водный резервуар. Так вот. Еще глубже под ним есть подземная комната, о которой не знает никто.

— Ну это уж, знаете ли... Мато-сан, вы на удивление, ну, как это...

Романтична — не могу сказать, хоть режь. Даже по телефону это Злое Томато, и она хоть за тысячу километров через трубку порвет мне барабанную перепонку. Точняк.

— Меня тоже смешит, но я не шучу. Понял? Сейчас скажу адрес, чтоб за сегодня разобрался.

Сравниваю названный адрес с картой. Я сейчас нахожусь в телефонной будке перед зданием №13. Чтобы добраться до места, надо вернуться на холм Сикура, а потом еще полями по пригороду.

— Хм? Тут нехилый домище, Мато-сан... Как эти кандзи вообще читаются? Э-э, Ка... ре?

— Я не знаю, какого года твоя карта, но тот особняк сто лет назад снесли. Хотя по-прежнему частная собственность, но о твоём прибытии упреждены, не парься.

— Понял. Если сейчас поеду, буду к вечеру только, у хозяев как настроение?

— *Это*-то всегда в хорошем настроении. Особенно когда солнце сядет. И потом, Сёдзай. Когда закончите, не забудь позвонить.

— Аха... Ну хорошо, а после неудачных переговоров тоже? Вы, вроде, не любите бесполезных звонков.

— Этот раз — особенный. Неважно, в котором часу. Тут вопрос жизни и смерти, так-то. Как же я буду не знать, жив ты или помер — этак и сакэ в глотку не полезет.

«Ну давай», — неуклюже кончается разговор.

Оказалось, девичья байка Мато-сан достоверна.

Облака рассеялись, высокое звездное небо, августовская луна теплая, желтая.

Огромный, кубической формы резервуар, в нем — тяжеленная стальная дверь. Замок открыт. Под землю уходит лестница и узкий коридор. Освещения вообще нет. Спускаюсь наощупь, вперед по коридору, дохожу до двери, открываю.

Внутри оказалась узкая и давящая, пустынная, оторванная от реальности комната, как в замке. Потолок — целиком аквариум, в нем колышется луна.

— Добрый вечер, простите...

Вхожу в очевидно неприятную подземную комнату... В здравом рассудке бы сразу сбежал, но, к сожалению, к моим цепям осторожности питание не подано.

В центре комнаты — кровать с пологом. Почему-то рядом с кроватью валялся фруктовый нож.

— Да-да, хорошо, что добрались в такой поздний час. Вы — Исидзуэ Арика-сан?

С кровати подглядывают прозрачные глаза. Их обладатель, освещаемый луной, был несомненно девушкой, прекрасной не от мира сего.

— А. Ну да, у настоящего же белые волосы, — радостно воскликнула черноволосая красавица, то есть, раз ребенок, то девочка.

Огромная тварь, похожая на собаку, — и где только пряталась? — шумно нюхая мне ноги, знакомится с новым гостем.

— Вечер добрый. Ты и есть Карё-сан? Дело такое, я слышал, у тебя есть отменные протезы руки.

— Есть. Не так много, но несколько редкостных имеется. Хотя они все выбирают человека... Вам повезло, Исидзуэ-сан, похоже, вам без проблем подойдут.

«Гав-гав!» — бодро полаял черный пес. Похоже, добродушный, порадовался я и застыл на месте.

— Эй, ты что...

Владелица комнаты, лежавшая на кровати, была не обычным существом. Дело не в том, что без рук и ног. Каждая клетка во мне кувыркнулась от жуткого озноба. Даже в клинике я не чувствовал такой... угрозы, которая исходила от малышки передо мной.

— Ты вообще человек?..

Это озадаченно распахнуло глаза. Точеное личико красоты не от мира сего от души заулыбалось:

— Наконец имидж совпал. Рад знакомству, Исидзуэ Арика. Меня зовут Карё Кайэ. М-да. Все-таки одним лицом персонажа полностью не сыграть.

— Чего?

Неведомое существо произнесло непонятной формы приветствие.

Вот такая история о чудике, которого я встретил сразу, как только выписался.

А дальше — о зарождении близости с Подземным Дьяволом того свойства, какую буквально не рассечь ножом.

/Hide and Self.

— Вот что случилось, и в финале сюда пришел ты, Арика. Такая вот история о мимикрирующей одержимой Хисаори Макине.

— Так говоришь, будто сказку рассказал.

Август. Без малого месяц прошел с тех пор, как кончилось дело об этой самой Хисаори Макине. Солнце зашло, в подземелье Карё Кайэ похолодало, витиеватая и скучная история наконец закончилась.

— Да я Хисаори и не знаю совсем, только по записям. Если спросишь, какой она была, я не сумею тебе устроить вечер воспоминаний, как ты любишь.

Когда Кайэ очень голоден, он выклянчивает в утешение истории о клинике. И о Хисаори наверняка заговорил специально, желая расспросить про ее жизнь в заточении.

— Что? Мне и не надо. Просто хочу, чтобы ты подумал, потому что для тебя очень важна история Хисаори Макины. Мне она вообще неинтересна.

— А мне казалось, ты всех одержимых очень любишь.

— Зависит от масштаба. Вот, скажем, тебе же не хватит стейка меньше двухсот грамм. Вот и ее новообразование было таким мелким, что без разницы.

И вообще я стейка-то после клиники не видел. Уже месяц, как взялся за работу ухаживать за Кайэ. Когда он уже первую зарплату даст, засранец мелкий?

— Ну, и как меня касается история Хисаори?

— Хисаори Макина имитировала тебя, и она — одна из немногих выписавшихся. И опять же, ты, Арика, еще не привык к жизни здесь. Я подумал, тебе пригодится история вышедшей на полгода раньше тебя.

— Пригодится?... Гм. А что про ее виновность? Все так и считают убийцей Синъя?

— М-м? Нет, там выяснили, что Хисаори Синъя совершил самоубийство. Ее последнее обвинение о способностях носителей синдрома А слили через информбюро. Вышло, что она сбежала от приставленного инспектора и в настоящее время числится пропавшей без вести. И правда, куда она подевалась?

— Хорошо ей... Если бы я такое сделал, на другой день всплыл бы где-нибудь в этом резервуаре.

— Тьфу на тебя. Если будешь бегать от Мато-сан, бегай в другую сторону, ладно? Не порти мне воду.

Вот так. Куда она делась — неизвестно, но Хисаори повезло. Если ты не в лапах Мато-сан, то хотя бы останешься жить.

— Хм. Ты завидуешь Хисаори Макине?

Кайэ загадочно улыбается, смотрит искоса. Уф. Вроде привык, а все равно волнуюсь. Не пугай меня! *Это* — хоть и притягательное, что слов нет, но вообще-то мужик, факин Джизас.

— Не. Просто подумал, как она всех напрягла. И вообще, какое имитаторство. Чужую жизнь нужно видеть, и этим ограничиваться. Нефиг каждый раз про это думать.

Вот как я считаю.

Хисаори Макина не годится в одержимые.

Любям своих проблем по уши хватает. Люди помнят о других только поверхностные сведения, а уж что внутри творится, и думать не могут. И думать нет нужды.

А вот она ухватывала о других все в точности. Хисаори Синъя упорством соткал свое «воображение и воспроизведение чужой жизни», а она это делала на подсознательном уровне, чудовище. Прямо сказать, гипертрофированное воображение. Поэтому и одержима всякими дурацкими навязчивыми идеями вроде «ничего не ладится». Все у нее ладилось с нулевым балансом. К большим успехам — большие провалы, на самом деле ведь здоровая такая жизнь.

Хотя я не в курсе, она в детстве, наверно, на самом деле для всех была идеальной ученицей. Самой главной ее ошибкой была не одержимость и даже не врожденный интеллект. Есть «нравиться всем», а есть «делать так, чтобы как можно больше людей тебя не любили». Вот эти два момента ведь — диаметрально противоположные способы жить, и ее ошибкой было просто то, что она думала, что это одно и то же...

— Хорошо тебе. Угум, угум. Вот от этого твоего свойства я места себе не нахожу.

— Ну а я от таких твоих формулировок себе места не нахожу.

Я не хочу записываться в команду Ниидзими-тян. И это забавляющееся за чужой счет выражение лица не хочу видеть, о'кей? Ишь, развеселился.

— Раз ты такой добрый, Арика, то у меня вопрос. Если ты будешь кому-то подражать, то по каким соображениям?

Он же издевается? Спросил не «кому», а «почему».

— Черт его знает. Ни разу не пробовал... Ну, наверно, из восхищения или желания быть таким же?

Стать подлинником — это, знаете ли, того... Хисаори Макину вечно окружали фальшивые улыбки, поэтому она и пыталась стать настоящей.

— Да не. Если бы хотел стать оригиналом, разговор был бы проще. Я всего лишь про то, когда достаточно стать похожим. Нет надобности специально подражать.

А это не про восхищение оригиналом? Значит...

— А-а... Самому за себя думать влом, и ты делаешь как кто-то другой?

То есть он про то, когда неохота думать. Когда механически подражаешь.

— Угу. Такой и была подлинная сущность Хисаори Макины. Она основательно обдумывала чужую жизнь, в результате чего прекращала думать.

— Наверное, — продолжал он, — у нее мысль работала в противоположную сторону. Мы с тобой движемся по жизни, попутно меняя всевозможные приоритеты в уме. Сравним с автомобилем. А она начинает с завода пружины. То, на что нам требуются годы, она продумывает заранее, а потом начинает движение. Например, имитирование Хисаори Синъи. Она каждое утро всего несколько минут подзаводит пружину-мышление под названием «Хисаори Синъя» и продолжает играть другого человека. Если говорить об уходящей именно на это энергии, наверно, даже среди одержимых она среди лучших. Если бы еще правильно пользовалась, то все на свете смогла бы.

— Не понял. Какой смысл так делать?

— Я же сказал — *она размышляет только для того, чтобы ни о чем не думать*. Как настоящий заводной механизм. Какие помехи при этом возникают, я не знаю, но если Хисаори Макина не имитировала никого, у нее не было ни мечты, ни надежд.

Слова Кайэ — с двойным дном.

Мечты, надежды Хисаори — это все как-то плоско, не о том. Хисаори Макина должна была стереть себя, чтобы вообще мочь жить — вот так.

Вот ведь напряжная жизнь. Она ведь, можно сказать, жила ради страдания.

— А, куда ты? Самый важный разговор только начался. Если хочешь знать, Арика, почему я заговорил о Хисаори Макине...

— Не надо. Такие вещи оставь до светлого времени. Меня ждут Цурануи и Еда.

Прощаюсь с единственной прелестью подземелья, софой, на которой так удобно спать.

Разговор был мрачным, но да, было о чем задуматься. Уже месяц, как я выписался.

Похоже, Хисаори Макина с изнанки напомнила мне о векторе в жизни, которую я принимал во всей ее туманности.

/

— Добрый день. Это Исидзуэ Арика-сан?

— Да, Исидзуэ, а это кто?

— Да это я... Давно тебя не видел. Ах да, сейчас «не видела». Как поживаешь?

— В общем-то неплохо. А ты как? Нормально?

— Спасибо, что спросил. Немного ноет правая рука, но ничего. Впрочем, благодаря ей я теперь на уровень выше. Здорово, да? Если выдастся еще случай, я тебя еще лучше сыграю, Исидзуэ-сан.

— Чего? Одержимые набирают уровни? Чем? Хлебом или кровью?

— Откровением свыше и талантом — думаю, так. Надо и то, и то, иначе не получится. У тебя ни того, ни другого нет, Исидзуэ-сан. Впрочем, ты и не одержимый.

— Ну и хорошо. Ну и что это было? Я же тебе не интересен.

— Естественно. Мне на тебя от души наплевать. Для имитации нет причины. Я просто иначе не могу жить, вот и все.

— Где-то я такое слышал... Ты тяжелобольная? Или даже отдаешь концы. Опять же, болезненные поведенческие паттерны у вас — обязательное состояние.

— В предельном смысле — да, отдаю концы. Да и ты, Исидзуэ-сан, недалеко от меня ушел. Ты всегда такой бессердечный?

— А с чего бы я хотел сблизиться? «Иначе не могу жить», это не смешно. У вас система вся наоборот. Жизнь на то и жизнь, что ты уже живешь. Все цели по идее дальше.

— Значит, с тобой не так?..

— Нет. Благодаря вам я это четко понял. Я хочу жить как можно легче. Чтобы мне для волеизъявления была нужна причина? Увольте.

— Хе. Ты какой-то странный, Исидзуэ-сан. Раньше вроде был пессимистом. Ну да ладно. У меня другое дело. У тебя ведь есть вечерние газеты? Не выбрасывай, обязательно проверь. Полгода не продержалась, но все же полезные вещи написаны.

— Отчет?... Эй, что это тут про разборчивость в еде и подсчет калорий, и про мангу, которую надо купить? Чем это полезно?

— Может, попытка примазаться? А, только это совсем не помогло, результатов может не быть. Достало. Нафига я вообще это делаю?

— А я что спросил? Зачем ты мне звонишь?

— Последнее желание Карё-сан, такие дела. Как же не исполнить. А, и еще от сестры тебе весточка. «Еще стану посильней и выйду, так что не дай себя убить, братик». Все, пока-пока, Исидзуэ-сан.

— Да, пока-пока. Кстати, а ты вообще кто и откуда, напомни?..

/

— Ну-у... Все-таки забыл, ах ты чурбан.

Я цыкнула и вышла из телефонной будки.

Долги уплачены. Но мне было обидно, поэтому самое главное от Ямады... наверняка псевдоним... я не смогла передать.

Знает про Исидзуэ-сан столько, сколько он сам. Исидзуэ Арика из моей головы в самом-самом конце все-таки наступил на мину. А ведь если бы не моя ошибка в имитации, их дружба не затянулась.

— Наверное, как раз это раньше, чем сестра его убьет. Ты уж продержись год, Исидзуэ-сан.

Пора выбросить все это из головы. Если я сама буду думать, мне конец. Я молча завожу пружину.

Ну вот. Не до разборчивости, начну-ка с совершенно случайного чужака.

／Переодевания

/3.5/self (R)

И я — *бушух*.

Из пепельного пространства — слышу — накатывается девятый вал.

Набросилось на все тело сразу. Как в огонь упала. Всю кожу, все мышцы и до внутренних органов пробрал кислотный дождь. От макушки до пяток словно измельчил огромный миксер.

— И-и-их... А-а-а-а!

Пытка, близкая к наслаждению. Даже стон не получился.

Я рассеченными в кубики глазами наблюдаю исходящий на мелкие клочки пепельный солнечный свет и море, и улыбку, как трехдневную луну, и плывущий по подземной комнате фантом крупной рыбы.

— А-а-а... А?..

Ну да, фантом.

Меня не расплавил и не измельчил.

Я поднимаю голову — все тот же резервуар, ни следа снизошедшего моря. Ни на полу, ни на стенах нет сырости. Но. И смешно, и страшно — я мокрая насквозь.

— Эй... Сейчас... стекло ведь... разбилось?

— Стекло?

Безрукий, безногий ребенок вопросительно наклоняет голову.

У нас с ним разное сознание. Видимо, я подумала про стекло и про воду, а у него для этого *не такие имена*.

— Я смотрю, ты не по вкусу «Горю»... А-а. Ты и так давно уже в его слюне.

Пепельные лучи затеваются. В резервуаре над головой вдруг оказывается крупная рыба.

Ее тень, словно сама — глазное яблоко, — внимательно всматривается в меня.

— Ха... ха... Что это за рыба, она один в один с тем призраком?.. Поняла. Да. Я и думала, что не так.

И вообще. Даже не в том вопрос, как рыба живет в воде прозрачной, как воздух. Таких рыб ни в каком справочнике не значится.

— Эй. Я что, опять ошиблась?

Едва ли я смогу его убить. Как минимум, в этом подземелье он непобедим. Поэтому убьет он. Стоит протянуть руку, и последует контрудар, такая естественная теория.

— Ага. Я разочарован, Хисаори Макина. Играй меня на здоровье. Но кто тебя задурил, что если есть оригинал, ты не сможешь стать настоящей?

Роняю на пол нож. Все еще как мокрая мышь, распрощавшись с жизнью, слушаю упрёки Карё-сан.

— И вообще подмена подлинника — это не имитация. Надо подражать успешным. И ведь это само по себе твоя цель. Так если ты станешь подлинником, кому потом подражать-то собираешься?

Он прав. Я могу безошибочно подражать другому, но когда другой умер, это уже не имитация. Это запись. А я занимаюсь имитацией. Если я буду подражать тому, кого уже не существует, это буду просто я, Хисаори Макина, унаследовавшая сущность.

— Пожалуй. Я не сажусь на стул, я просто смотрю на стул, и ладно. Прости, теперь буду иметь в виду. Может, простишь мне этот раз?

— Ладно. Ты не виновата, что пришлось ему не по вкусу. Теперь счет по взаимобийству ровный.

— У-уф...

Я облегченно вздыхаю. Как бы то ни было, побегу-ка я отсюда поскорее. Ноги до сих пор дрожат. Мне еще не позволено смотреть на этот стул.

— Ну, прощай. Твою работу я считаю на этом оконченной.

Да. Эту прилипшую намертво правую руку нужно вернуть.

— М-м, Кайэ, насчет этого протеза...

— А-а, его. «Восторг» пусть пока у тебя побудет. Тебе и так нелегко придется. Ведь полезных рук никогда не хватает, правда?

— Ты уверен? Я ведь не приду возвращать.

— Ничего. Подменю Ненавистью, как-нибудь управлюсь. Да и не вернешься, так он все равно вернется, когда умрешь.

Ноги затряслись куда сильнее. Жуть. Все-таки я его люблю!

— Лучше скажи, у тебя уже есть наметки? Если деньги надо, я бонус за все время доплачу.

— Не. С деньгами нет проблем. У меня еще от Синъи наследство. А потом... ну, бежать-то я побегу, но за пределы префектуры трудно выбраться. Даже невозможно. Спрячусь в городе, пока шумиха не уляжется.

Направляюсь к выходу. Если решила бежать, надо сразу двигать. Не представляю, чтобы полиция сюда нагрянула, но знакомый Карё-сан, инспектор, очень даже может.

— А, подожди. Еще кое-что на прощание. Когда все устаканится, можешь позвонить Исидзуэ Арике?

— Зачем?

Несколько неожиданно. Теперь еще чтоб я звонила Исидзуэ-сан — когда он начал просить о таких невозможных вещах?

— Затем. Ты тут полгода проработала. Передать преемнику дела — это долг и ответственность.

Карё-сан улыбается. Так же, как при первой встрече, доверчивой первоклассной улыбкой. Я ухожу из подземелья. Разговор о работе закончен.

— Эх...

В итоге я ни разу ему ничего не сказала.

Я хочу, чтобы он знал, но сейчас это вообще не в моих силах. Я иду по безлюдному лесу и вдруг вспоминаю диалог полугодовой давности. Про то, как — *бубух* — сотрясался спортзал. Про подающую надежды новенькую корпуса D, младшую сестру Исидзуэ-сан, и про то, что произошло тогда.

— Слушай. А что ты думаешь про одержимых? Мы все-таки больные, которых надо изолировать? Все-таки если не можем жить нормально, значит, мы очень слабы.

Черноволосая красотка, которая, впрочем, моложе меня, взглянула на меня изумленно, как делал и ее брат.

— Я ни разу так не думала. Но если говорить о силе, мы точно сильны. И мы целиком из крепкого теста слеплены.

Бубух. Как в кошмарном сне, песочный мешок взлетает к потолку. Восьмиметровая цепь и 60-килограммовый груз визжат и гнутся.

— Какого именно — крепкого? То есть если на тебя посмотреть, ты-то крепкая...

— Не телом, а духом. И я, и Хисаори-сан — крепкие. Разноупорные. Что нам смерть кровной родни, что нам отчуждение, мы слишком толстокожие. Настолько, что очень много чего нам без разницы.

Бубух. В бьющем кулаке чуть заметно проглядывает жажда убийства.

Одержимость, говорят, есть мозговая опухоль, которая вспухает из-за душевной слабости. А ты говоришь, что она появляется поверх того.

— Но... нелегко. Мы настолько же не можем выносить свое безразличие, насколько его у нас много. У таких нас нет никаких проблем. Мы всем как заноза, а нам никаких бед. Но

— безо всякой причины нам обязательно хочется как-то себя таких изменить.

«А могли бы забить», — посмеивается она и весело дает пинка мешку. Страдание и радость. Она явно души не чает в своем устройстве.

— Кстати, а почему ты это делаешь?

— Хм, это? Ну, чтобы не расхолаживаться...

Тома Мато схватила ее и притащила в клинику.

И теперь у нее жуткая рана. Не телесная, а ментальная. Как животное она, очевидно, побеждала, но была исколочена в фарш. Расслабившись от собственной особенности, она проиграла обычному человеку в тренированности.

— Ну, а что сделаешь. Мы только дух изнуряем, а собственные способности, тело, не тренировали вообще. Я и подумала — сейчас их и подтяну. По правде, я и сейчас могу выйти. Но надо еще чуть измениться, а то с этой теткой не смогу скрестить шпаги.

Бубух, дзын-н. Последний, добивающий мидл-кик отправляет мешок в стену, и мешок не возвращается.

— Да-а... Она нечто, девочка эта.

Настолько оптимистичных одержимых, наверно, больше нет. Тогда я считала свое отличие слабым местом и пропускала все мимо ушей, но сейчас я поняла и согласилась. Человеку необходима самооценка.

— Я нашла идеальный стул. Я была очень осторожна, но не сложилось.

Я думала, что и так хорошо, но лучше тоже потренируюсь. Слишком я до сих пор полагалась на заданный сразу талант. Если уж все равно менять, то тщательно. Одним внутренним миром вообще не обойтись. Я приобрету новую пружину. Чтобы полноценно мимикрировать и внешне, быть никем и кем угодно, стать заводным механизмом.

Фи. Вот теперь посмотришь, засранец мелкий.

／Hide and Self.end

От имени и по просьбе Подземного Дьявола я несколько часов наблюдаю за остановкой. После того как ушла Макина, я не спеша пошел к жилому району, вошел в 303-ю комнату, где теперь ничего нет.

Станным образом, комната, бывшая кухней, была вся пунцового цвета. На видимом из окна узком балконе сидел фантом обнявшей коленки и зовущей на помощь маленькой Макины, которая тогда была богиней.

— А-ах...

Красный цвет, наверное, казавшийся печальным три года назад, сейчас приобрел блеск праздничного бокала вина. Ах, как блестит. Как больно. Какое еще «человек горит»!

Горит сама эта маленькая старшая сестра...

— Но — прости уж, Макина. Одним твоим приходом сюда я победил.

Присев на кухне, я приставляю украденный нож к горлу. Последние мгновенья. События трехлетней давности проносятся пред глазами.

«Учись у сестренки».

«Синья, ты слишком повторяешь за сестрой».

Нет. Нет, нет, нет. Это она фальшивка, эти манеры — мои. Синья — это я, а она подделка, люди, слышите, настоящий — я-а!..

— О...

Слышно эхо моего собственного вопля. И этому тоже настал конец. Может, с моим образом мышления у меня ничего не выходит, но этот способ расставит точки над i. Ведь ему меня научила Макина. Если хочешь кого-то убрать из этого мира, достаточно принести себя в жертву. Наконец я победил демона. Ладонь впилась в рукоять. Боль и прекращение существования не страшат. Это не результат, а только средство. Более того, облегчение приходит раньше.

Комната все так же красна, куда ни кинешь взгляд.

В финале я возвращаю себя себе.

Ну все... Пока-пока, Синья.

3.

formal hunt.

disconnection
isorder

Мне не интересно, что времени осталось мало.
И меня не волнует, что будущее уже наступает.

Для меня...
Вещи, которые невозможно остановить,
были доказательством скорости.

／ **formal hunt.**

1/Двумя годами ранее (конец 2003-го года)

Братик не знает, но наша семья — убийцы.

И правда в том, что я, как ее часть, тоже скрываю в себе демона-убийцу.

Самый север префектуры С, чуть восточнее центра. Здесь, на расстоянии двух часов езды на междугороднем экспрессе до главного центра, располагается город Сикура.

Населения — всего 15 тысяч человек. Туристы сюда не забредают. Это типичный провинциальный городок, до которого еще надо топать пять километров от железнодорожной станции через поля и холмы.

Если от центра городка вы пройдете на север, то на склоне холма попадете во второй район Сикуры. Это жилой район, но здесь довольно тихо. Широкие и удобные улицы города присыпаны землей, но, к сожалению, рядом с домами цветы не растут. В один ряд стоят двухэтажные домики, многим из них более десяти лет.

Молодежи здесь не очень много, но для семей, снимающих здесь жилье, комплексные квартиры обходятся дешевле.

В этом районе вы можете почувствовать разницу в уровне благосостояния между различными классами на примере нескольких жилых домов.

Промежуточное положение между ними занимает средний класс, который не без проблем, но владеет собственными домами.

Я живу в четвертом доме жилого района Сикуры. Тут довольно тихо и скучно, но через пять минут езды на велосипеде можно добраться до магазинов, книжной лавки и кафе.

Осенним утром я чувствую себя особенно хорошо. Это время всегда проходит в спокойно и непринужденной обстановке.

— Эй, Томори! Нам уже пора идти!

— Прости, я еще не позавтракала, поэтому иди без меня.

Я отправила своего братика вперед.

На самом деле я стеснялась ходить в школу вместе с ним. Но не могла сказать ему об этом прямо, поэтому и прибегала к такой хитрости.

— Ясно. Тогда я пошел. А завтра проснись пораньше, и прекрати засиживаться допоздна.

Брат немного туповат и ничего не подозревает, он спокойно ушел раньше меня. А я, солгав ему, продолжала тянуть время и прихлебывать слабый кофе.

Имя Томори довольно редкое, его носит лишь несколько человек — я полагаю, я могу гордиться тем, что затесалась в их ряды. Оно не настолько притягательное, как имя Ханако Реуко, но оно легко запоминается и его легко написать. Когда учителя впервые видят написанное мною имя, они говорят что-то вроде: «Никогда раньше не видел такого пустого и неинтересного имени!» Хотя... я и сама порой так думаю.

Мой брат говорит: «Имя у тебя странное, но сама ты — красавица», — и я верила в это до начальной школы. Недавно мне стало интересно, и я решила спросить его, что же во мне красивого. «Что-то и от японской куклы, что-то и от кролика... Да, именно. Вот как круто». Так он и сказал после двухминутного раздумья.

Что? Откуда он вообще взял такое чудовище?

Японская кукла плюс кролик... это что-то вроде лисицы? Ну, а например то, что я стараюсь идти в ногу со временем или горжусь своими черными волосами?..

Да ну и ладно. Я допила свой кофе и встала. Мне уже стоило поторопиться, чтобы добраться до школы.

— Постой, Томори! Вернись сегодня пораньше. Отец хочет с тобой поговорить.

— Хорошо. О чем?

— О том же, о чем всегда. Убедиться, что ты была хорошей девочкой.

Мама широко улыбалась. О том же, о чем и всегда, значит?.. Этот человек натурально сумасшедший. Каждый раз устраивает семейный совет, прямо вгоняет меня в депрессию. Поскорее бы он уже умер.

— Я поняла! Вернусь раньше семи.

И я бодро выскочила за порог.

Было около восьми часов, я опаздывала. И все равно не торопилась — шла уже знакомой мне дорогой, оглядывалась по сторонам.

Осенний путь в школу — ужаснейшая вещь. Все вокруг окрашено в дурацкие бесчувственные цвета. Но с наступлением зимы заканчиваются дни, когда я пытаюсь избегать других людей, и, какой бы необщительной я ни была, приходится идти на контакт.

2002 год, октябрь.

Как-то внезапно вокруг меня стало очень шумно.

— Неужели ничего из этого не выйдет? — за последние десять лет жизни я впервые была так взволнованна.

Быть может, не стоило переживать, но я слишком долго ждала этого момента.

Я сделала глубокий вдох и почувствовала запахи осени. Это меня немного успокоило.

Пешеходы неспешно бродили по улицам. Это тоже дарило успокоение. Все это было наигранно, хрупко, но отчего-то довольно забавно.

Я старалась дышать ровно, но сердце не желало успокаиваться и только чаще забилось.

Хотя, наверное, я сама была виновата. Я бежала.

Около двух недель назад я начала понемногу изменяться, а холм Сикура окутала какая-то странная атмосфера.

Если начать с популярных историй, то в нашей школе учатся самые сильные отбивающие игроки в бейсболе.

В старших классах средней школы Сикуры есть два монстра бейсбола, талант которых никто не может превзойти. Один из них — легендарный четвертый номер. Он из тех людей, которые попадают в команду без особых усилий и все удары бьют словно играючи. Стайки школьниц всегда ходили посмотреть на его игру, хотя не знали даже правил бейсбола.

И все же наш бейсбольный клуб проигрывает каждый год. И в этом году уже в третий раз. Если вам интересно, почему так случается, то на это есть две причины. Когда этот четвертый номер совершает хоумран, его вырывает. Согласно ходившим слухам, он страдал СРК⁵, но лучший отбивающий, завершающий свой триумф рвотой, — действительно редкое зрелище.

В этом сезоне, когда его тошнило уже десятый раз, он внезапно потерял сознание прямо во время матча. Утратив свой главный козырь, наша школа проиграла. Кстати говоря, в третьей игре одним из соперников был гений — питчер из старших классов средней школы Коалагаока. Это было второй причиной.

Такие вот школьные истории.

В любом случае, так запомнилось его последнее лето. Несмотря на то, что учитель и бейсбольный клуб были опечалены проигрышем, четвертый номер делал вид, что ему все равно: «В спорте так уж повелось — или выиграл, или проиграл». Похоже, что в нем не было духа соперничества. И еще ему не помешало бы следить за тем, что он ест перед игрой.

⁵ Синдром раздраженного кишечника.

И все же я немного ему завидовала. Он был моим любимым сempaем. Мне всегда казалось, что он похож на самурая, взмахивающего своей катаной. Я бы хотела как-нибудь сыграть с ним.

А следующие истории уходили в область слухов.

Поговаривают, что на улицах города стали появляться одержимые демонами.

Есть парень, который родом не из Сикуры, он попал сюда с севера префектуры С, где был тюремным заключенным. Похоже, ему удалось сбежать от полиции во время перевозки, и он укрылся здесь. Совершенно обычная ситуация для этих мест. Его называли серийным убийцей, похожим на вампира, но самые лучшие страшилки, конечно же, повествуют о нашей школе. Например, о списанном с манги главе ученического совета. Или о демоне, у которого обе руки правые.

Но на самом деле в той истории было гораздо больше правды, чем вымысла.

Сбежавший одержимый — мужчина с очень старомодным именем Хиномори Сюсей.

Все подняли шум, что он и был первым одержимым, но на самом деле он был инфицирован уже давно, просто его болезнь внезапно стала манифестировать⁶. Поскольку в новостях это не освещалось, никто об этом и не узнал.

Так же никто не помнит событий двухлетней давности — два года назад была статья о девочке, зараженной синдромом А.

Мальчик, над которым издевались в школе, убил своих родителей и хотел убить старшую сестру, но ей удалось спастись, прыгнув с балкона третьего этажа.

Но на тот момент она уже заразилась синдромом А и была доставлена в больницу.

Похоже, что сама она не замечала своей одержимости. В машине скорой помощи ей делали анализ крови, чтобы спасти сломанную правую руку, и он оказался положительным на вирус.

Конечно, нехорошо так говорить, но: «Какая глупость! Если бы это была я, то я бы...» — сделала все намного лучше.

Вспоминая тот скучный репортаж, я думаю, что именно этот случай и открыл для меня новый жизненный путь.

Опробовать свои собственные силы.

Эта девочка разрушила крепко сдерживающие меня оковы, которые тлели уже долгое время.

Хотя, быть может, тогда я попросту заразилась.

СМИ говорили, что синдром А не передается от человека к человеку воздушно-капельным путем. Больше похоже, что он передается через какие-то электромагнитные импульсы.

С момента заражения через определенный промежуток времени начинаются приступы головной боли. «Бам-бам-бам», — эта пульсация в голове словно приказывает тебе: «Попробуй! Попробуй! Попробуй!»

Но я настолько нерешительный человек, что не сразу поняла, что именно мне нужно попробовать, — и время было упущено.

То, что я больна, я заметила намного позже — весной этого года. На медосмотре в прошлом году я еще сомневалась, но после нынешнего медосмотра я в этом полностью уверилась.

Внешне болезнь одержимости изменяет тело, именно поэтому на меня снизошло озарение. Мои ногти удлинились, но других изменений не было, однако позже, наверное, мой рот станет шире. Больше ничего другого я за собой не заметила.

Но ведь это лишь мой частный случай.

⁶ Проявлять яркие клинические признаки

Способности организма резко возросли. Это естественно, но в моем случае они все же не выходили за рамки того максимума, на который было способно человеческое тело.

Не имеющая каких-либо необычных признаков, моя болезнь увеличивала функциональность организма и приобретала свои «особенности».

Лечение я не принимала, так как в этом не было необходимости. Ведь это был секрет, о котором никто не знал. Конечно, я понимала, что одержимость однажды разрушит меня, но на настоящий момент считала, что все складывается просто прекрасно. Думаю, мне нужно счастливо прожить этот день, как и все остальные, чтобы не создавать никому проблем.

Учебный день подходил к концу, и наступало время заката — мое самое любимое время. Беги. Беги. Беги. Беги.

И сегодня я не могу перестать поторапливать себя.

Иногда я оглядываюсь назад.

У меня нет цели.

Сначала я ничего не понимала — ведь нет такого человека, который получает удовольствие от самого процесса бега. Спешка или пункт назначения, шанс или результат, какая-либо выгода или смысл. Ничего этого у меня нет, я человек, который просто бежит. Можно сказать, что все это мне лишь помешало бы. Какой же я была душой раньше, когда пыталась придумать причину своему бегству.

— А все ли со мной в порядке?

Такая разговорчивость совсем на меня не похожа. Что-то не так.

— Нормально ли это?

Похоже, меня все-таки волнует отсутствие цели.

— Ну и что, зато так веселее.

И с этим ничего не поделать.

Кажется, что мне лучше было бы родиться животным. Для животного бег — это смысл жизни, думаю, они не слишком озабочены остальным. Это так просто. Если бы я могла стать животным, меня бы не беспокоила беспцельность действий.

И сейчас я попробую вести себя как животное.

С крыши на крышу, с забора на забор...

Мои движения столь же отточены, как у пантеры или обезьяны.

Двухэтажные дома я перепрыгиваю за раз. Я несусь сквозь улицы, ставшие для меня джунглями. Это так бодрит.

Осень это пора уборки урожая.

Больше всего меня завораживают газонокосилки.

Спрыгивая с крыши семиэтажного здания, я перепрыгиваю одноэтажное и приземляюсь на шестиэтажное.

Изо всех сил пробегаю десять метров.

Подпрыгиваю на два метра, и в момент приземления мягко скольжу еще один метр.

Длинные волосы мне немного мешают. Ощущая, как ко мне снова возвращается наивность... нет, скорее невинность и чистота, я наслаждаюсь вечерними пробежками. На этих улицах я словно неуловимый вор.

Конечно же, такого уровня мне недостаточно. Любой из нашей средней школы способен на подобное.

Ведь у первоклассного атлета есть решимость и способности спрыгнуть с десятиэтажного жилого дома без колебаний. Как-то так.

Создается впечатление, что в городе живут одни лишь акробаты. Я уверена, что каждый здесь имеет опыт выполнения таких выкрутасов.

С самого детства я слышала, как родители говорили детям подняться в квартиру через окно на втором этаже, так как они потеряли ключи. С течением времени совершать подобные трюки становилось все сложнее, дети росли. Поэтому приходилось оттачивать свои способности и становиться более изворотливыми.

И все же многие прекращали это занятие, и помехой тому была их решимость. Они боялись свалиться, они боялись испачкать чистую одежду... Видимо, именно из-за наличия разума мы и потеряли животные инстинкты. Люди всегда будут стремиться обезопасить себя, с этим ничего не поделаешь. Мне же удалось заметить сдерживающие цепи по счастливой случайности. Я четко вижу разницу между тем, что я действительно могу сделать и тем, что не могу.

Конечно, все это благодаря влиянию синдрома А, поэтому слегка нечестно.

Я спрыгиваю с крыши на землю, я никогда не смогла бы этого сделать, если бы не заразилась. Теперь мне нужно вести себя как обычно, чтобы никто не смог обнаружить моего секрета.

— Хотя брат все же заметил «засиживания допоздна».

Я встаю и иду домой. Оглядываясь по сторонам, бросаю взгляд на небо. Словно в состоянии опьянения, падаю на землю и делаю глубокий вдох.

Именно поэтому я люблю осень.

Только в это время луна так прекрасна.

— Я дома! О, брат тоже пришел. Выходной на работе?

Я присоединяюсь к брату в гостиной. Не ожидала, что он тоже будет присутствовать на семейном собрании.

— Да, выходной. А что у тебя? Уже почти семь. Была занята в школьном кружке?

— Нет-нет, я была в караоке. Мы прослышали, что сегодня там скидка для всех девушек, поэтому решили не упускать возможности и засели на три часа. Но твоему уху, на котором потоптался медведь, все равно?

На самом деле, если бы я начала петь, то у всех вокруг бы закровоточили уши.

— Хм... А карманные деньги у тебя еще остались?

— Есть немного. Можно попросить тебя об одной услуге?

Я смущенно перебирала подол своей юбки. Отец, ожидающий меня, наверняка будет обсуждать все ту же тему. Мне хотелось, чтобы на время собрания брат ушел из дома.

— Ясно. Значит, принести записи от Исимори-сан. А разве мы не нарушим правила?

— Да там простая ошибка! Слушай, фамилии Исимори и Исидзуэ начинаются одинаково. Это все тетка из жилищной ассоциации — она уже слишком старая.

— Понятно. Но насколько бы старой она ни была, путать фамилии — это не очень хорошо. Озадаченный, мой брат ушел в прихожую. А я же, оставив портфель на лестнице, пошла в кабинет отца.

— Добро пожаловать домой, Томори. Я рад, что ты послушалась меня.

И, широко улыбаясь, отец предложил мне присесть. У кабинета была застекленная крыша, и я всегда любовалась через нее ночным небом. Я полностью игнорировала слова моего родителя. Мне только мешают звуки человеческого голоса. И почему слова человека словно загрязняют окружающую гармонию? Я никогда не обращала на это внимания, но ведь так оно и было.

— Так нельзя. Ты не думаешь, что стала слишком часто задерживаться допоздна? Мама очень за тебя переживает, да и я хотел бы обсудить с тобой этот вопрос.

Его лицо просто излучает добродушие. Прямо как в тот день.

В день, когда умер мой дедушка, у моего отца было такое же добродушно-успокаивающее выражение лица.

Когда мне было пять лет, дедушка стал бременем для нашей семьи.

В молодости дед курил и пил без конца, прожигал свою жизнь, а к старости не мог встать с постели из-за больных легких и сердца. Когда его настигал особо сильный приступ боли, он начинал стонать. Его голос был очень низким, поэтому стоны доносились до второго этажа, мы с братом их прекрасно слышали.

Во время летних каникул наша семья уехала погостить в родной город матери. И вот, когда я вернулась домой раньше остальных (почему так случилось, я даже не помню — быть может, я устала от деревни или просто хотела наконец-то посмотреть телевизор)... Когда я вернулась домой, я услышала голос и шорохи, доносившиеся из спальни дедушки, и увидела его самого. Лицо деда скорчилось и иссохло.

Пожилым людям особенно тяжело переносить летнюю жару. Я сразу же сказала об этом отцу, но так как нытье деда было обычным делом, он сказал не обращать внимания и оставить его одного.

Именно так и сказал: «У меня отпуск, поэтому я все время смотрю за дедушкой». И похлопал меня по плечу.

Отец сжал пальцы на моем плече — что же он хотел от меня?

Лицо матери не выражало никаких эмоций — словно они хотели, чтобы я игнорировала само существование дедушки.

Так и прошла та ночь.

А на утро в комнате деда мы нашли труп с тянущимися в никуда грязными и тощими руками. Если бы эта картина имела название, то она наверняка называлась бы «Спасите меня».

Лица родителей побледнели, они мигом вызвали скорую. Столько взволнованных и неискренних речей... Они уверяли меня, что его смерть была неизбежна, что мы ничего не могли сделать.

Да. Моя семья — убийцы.

И я тоже убийца.

Единственным невиновным и правильным человеком в этом доме был мой брат, и я ему завидовала.

— Томори, ты ничего от меня не скрываешь? Того, о чем я не знаю. Я никогда от тебя ничего не утаивал, поэтому и от тебя жду того же, — все с той же приторной вежливостью сказал отец.

Я смотрела на небо.

Отец считал меня своей соучастницей.

Третий день подряд, перед тем, как я уходила в школу, он повторял мне эти слова. Даже в выходные он вызывал меня, чтобы поговорить об этом.

Каждый день одно и то же.

— Я рад, что ты хорошо себя ведешь. Конечно, твоя мать сомневалась, но она не хотела держать тебя в неведении. Она так строго присматривает за тобой, потому что ты очень милая девушка.

Я смотрела на луну.

Мать считала меня своей соучастницей.

Самое печальное, что обсуждать эту тему было запрещено. Несчастный случай смерти дедушки — табу.

Я в самом деле...

— Понимаю. Тебе не в чем подозревать меня, отец. Не в чем упрекнуть. Потому что мы — одна семья.

Мне больно держать в себе эту тайну и закрывать глаза на смерть деда. Но я могу дать этому огласку.

Так называемый семейный совет — это бесконечные встречи с тайными переговорами, которым не видно конца.

Луна приводила меня в полный восторг. Она видела, какими мы становимся чудовищами. Я знаю это с уроков истории. Тигр или же лисица — думаю, это хорошая аналогия. Люди счастливы до тех пор, пока не знают, кем на самом деле являются.

И все же я считаю, что ситуация в последнее время только ухудшилась.

Если маленькому ребенку легко заткнуть рот конфетой, то взрослым уже сложнее сдерживать себя.

Похоже, отец это понял. Если бы мне было пять лет, меня просто оставили бы одну, я обо всем забыла бы. Но он повторял мне о том событии бесчисленное количество раз.

Отец добился того, что смерть деда навсегда въелась в мою память.

Наученная уму-разуму в младших классах, в средней школе я серьезно задумалась о прививаемой нам морали.

Само собой, отец начал все больше подозревать и опасаться за свою дочь, растущую порядочным человеком.

Я думаю, что это и правда беспокоило его.

Он сам втянул меня в эту чушь, сам раздул из этого проблему, сам сделал меня лишним человеком.

Сейчас давление на меня достигло своего предела, и меня раздражали даже самые безобидные вещи.

Поэтому я бегу.

Мой брат меня раздражает. Я думаю, что стоит немного его проучить.

Я правда так считаю.

Осень все больше утверждалась в своих правах, а я все глубже погружалась в себя. Мой брат занят подготовкой к экзаменам в университет. И в школе, и дома — смертная скука, поэтому я еще больше пристрастилась к своим вечерним прогулкам.

Беги ^{тук}. Беги ^{тук}. Беги ^{тук}. Беги ^{тук}.

По мере учащения пульса, я ускоряюсь. Иногда я останавливаюсь, чтобы оглядеться.

В моей жизни было много различных радостей, но бег — самая большая из них. Верно... и все же — когда время, проведенное в бегах, стало для меня самым счастливым?

«Томори — замечательный ребенок».

Я всегда была поводом для гордости.

Выйти на час раньше из-за моего нетерпения было ошибкой. По привычке я побежала вперед и, свернув за угол, столкнулась с ней.

Девочка ошеломленно смотрела на прыгавшую с крыши на крышу тень.

«Кто-то ^{отец} всегда за тобой приглядывает».

От осознания этого меня бросило в дрожь. Интересно почему? Я всегда знала, что однажды это произойдет. Ну и ладно.
В любом случае, наконец-то мой секрет был раскрыт. Все закончилось в один миг. Я уже отгаскивала тело девочки в лес, чтобы спрятать его там.

Она упала от одного удара палкой по шейному отделу позвоночника. На оригинальность идей я не претендовала.
Остановившись, я задумалась о человечности своего поступка, но так как это был уже не первый раз, я не чувствовала за собой никакой вины.
Как бы это выразить... Я лишь ощутила неприятный холодок, когда обнаружила, что меня раскрыли.

«Мы ведь соучастники ^{семья}».

Такие неожиданности являются для меня своего рода развлечением. Ничто не может постоянно доставлять тебе удовольствие. То, что тебе было интересно еще вчера, завтра уже навряд ли заинтересует. Конечно, тебе было весело, но ты уже устал от этого. И если подумать, то все это уже не ново...

Таким образом, развлечения тоже имеют степень свежести. Не существует того, что сможет доставлять тебе удовольствие вечно. Если не изменится источник развлечений, то изменится настроение потребителя. Развлечения в каком-то роде цепляются за свое существование и постоянно меняют своих потребителей, чтобы те не уставали.

— *То, что случилось в тот день...*

Мне доставляют удовольствие совсем другие вещи.

Что меня радовало раньше?

Что меня радует сейчас?

— *Именно то самое.*

Я не могу себя сдерживать. Я хочу расправиться с теми, кто меня увидел.

Цель моего бега ясна. Животные бегут, чтобы охотиться. Они охотятся, чтобы жить. И я охочусь.

Мне не важно, кто это будет — мужчина или женщина, взрослый или ребенок. И все же я предпочла бы женщину или ребенка. Однако выбор моей цели — это воля случая.

Слабые создания могут ощутить биение жизни лишь в страхе. Поэтому хищники в момент охоты помогают им почувствовать себя живыми.

— Я всегда веду себя тихо.

Да, я хочу, чтобы меня поскорее кто-нибудь заметил.

Я хочу скорее почувствовать себя жертвой.

Иногда я останавливаюсь и оглядываюсь по сторонам. Я могу быть раскрыта раз и навсегда в любой момент, и все же после трех дней, проведенных в этих опасениях, я хочу себе нового свидетеля.

«Томори... Ты ничего от меня не скрываешь?»

Словно я перешла на его сторону.

Братик не знает, но наша семья — убийцы. И правда в том, что я, как ее часть, скрываю в себе демона-убийцу.

Но отец и мать не такие уж идиоты, они, конечно же, заметили, что я что-то скрываю. Я чувствую их страх.

Ведь мы же соучастники.

Если я не смогу охотиться семь дней, то я выдам все их секреты, но если меня раскроют на охоте, то родители сядут вместе со мной. Именно поэтому знающие мой секрет люди — проблема. Для обсуждения этой проблемы и созывается семейный совет, где я сообщаю, что сама уже все решила...

Кстати говоря, а почему же тогда раскрывшие меня родители все еще живы?

Наступившая зима принесла на хвосте новый год.

С уходом осени мне стало одиноко. Отношения с отцом и матерью были все так же натянуты, и мне уже стало казаться, что иметь брата не так уж и плохо.

— Пусть и с опозданием, но давайте встретим этот новый год вместе.

Я нацелилась на своих родителей. Я была уверена, что меня ожидает увлекательнейшая охота, но мне все еще не хватало приманки.

Я аккуратно прошупываю почву, я скрываю свое присутствие, я уже наточила свои клыки.

Серийный убийца в нашем районе все еще не пойман. Лучший способ замести следы — это спрятать труп в трупе, убийцу в убийце.

Все готово.

Я выбрала для следующей охоты понравившуюся мне девочку из второго квартала Сикуры.

Падающий на улице снег заставляет чувствовать этот холодок постоянно. Уже февраль.

— Так даже лучше.

Тишина ночи, пронизанная хрустом костей. Без каких-либо на то причин, я объявила эту зимнюю ночь началом резни.

2003 год, 14 февраля, полночь.

Убийца во втором квартале Сикуры выявил себя.

Соседи слышали крики, доносившиеся со стороны дома Исидзуэ Масамити, и вызвали полицию. На вызов были отправлены двое полицейских, патрулировавших этот район.

Они обнаружили трупы в доме Яманаси, который стоял рядом с домом Исидзуэ. Это был уже четвертый случай убийств, похожих на совершаемые Хиномори Сюсеем (28-летним мужчиной). Он уже давно разыскивался полицией.

Для обеспечения безопасности жителей был отдан приказ об эвакуации близлежащих домов. После того, как полная эвакуация была подтверждена, в 0:50 полиция окружила дом, в котором скрывался потенциальный преступник.

В качестве подкрепления прибыла команда Томы Мато по отлову одержимых. После чего потерявший в этом инциденте левую руку Исидзуэ Арика (юноша 18-ти лет) был взят под охрану.

Согласно докладу Томы Мато, в 0:50 была осуществлена осада дома, преступник был успешно задержан. Во время ареста никто из соседей не пострадал. Таким образом, число жертв при задержании равнялось нулю.

Уже позже, в процессе разбирательства этого дела, выяснилось, что один человек все-таки пропал. Число спасенных и число жертв в сумме не совпадало с числом жителей, проживающих в том районе. Это было официальное заявление. И вот тогда это дело перешло в руки отряда по обеспечению безопасности.

2/Эпилог — начало 2005-го, зима

— Что? Обычная охрана. Арика, тебе такое по силам?

Да хоть бы и нет – если Мато-сан просит, ей нельзя отказать.

2004 год — я выписался из госпиталя им. Ольги, познакомился с Карё Кайэ, потом со мной произошло еще много всего, и вот — конец года, зима. Меня загнали в угол, посадили на цепь и приказали стеречь. Признаться, я был не очень рад.

Пейзаж вокруг потертого фургончика — сплошь серебряный меланхоличный мир.

Снег шел с самого утра и медленно покрывал одиночеством офисные кварталы.

Три часа дня. Ни одного силуэта на пешеходном мосту, ни одной машины на шоссе.

Словно закончив рабочий день, здания-близнецы погасили свои окна.

Создавалось ощущение, что сейчас конец года.

Руин уже не видно, ведь целых десять лет прошло с момента уничтожения человечества.

Из будущего прибыла команда в специальных скафандрах и вот-вот вынырнет из-за угла, пытаясь найти причины массового уничтожения – такие мысли навевала снежная улица.

Однако...

— Семпа-ай! Керосина хватит максимум на ча-ас! Может, лучше сэкономим его и, это, как-нибудь сами согреемся?

Однако тут была еще и эта двадцатилетняя обезьянка, которая плевала на все мои поэтические этюды. Сидит в машине, развлекается. Борется с апокалиптическими картинами своими способами, да и я примерно так же — в самом разгаре битвы за выживание.

Поистрепавшийся за десять лет видок. Посмотришь сквозь стекла, шторы — салон-то паршивый... Пол без задних кресел выглядел абсолютно голым, стоящая посередине керосинка лениво дрожала своим огоньком. На такой даже чайник согреть не получилось бы.

Наверное, все-таки это не вымерший мир – больше похоже на сборище бездомных.

— Уф, как холодно. Вот почему мы здесь в такой день и в таком составе? Эй, Кирису, ты вроде собирался вернуться домой?

— Где бы еще деньги на дорогу взять... Как раз вчера сборщики нагрянули – последнее пальто забрали. Слышь, Цурануи, у тебя есть джемпер побольше? Отдала бы ты его мне.

— Джемпер? Я в том году выкинула все старые вещи, но неношенные шмотки остались!

Только у нас, вообще-то, размер разный.

— Плевать, я его продать хотел. Однако не сильно ли много ты в последнее время тратишься? Такими темпами ничего на карточке не останется. Ну что, поделишься тряпкой?

— Нет, теперь ничего не дам! Сам виноват, Кирису-сан. Тебе осталось лишь построить иглу и там же умереть. И вообще, чего ты здесь забыл? Смотри, нам с семпаем такой уникальный шанс выпал, фью! Гигантский слалом, еле-еле краем лыжи и в ворота! Или как-то так, в общем, ты понял, что я имею в виду! Скажи ему, Арика-семпай.

— Угу, да-да. Кирису, дай кофе. И как закончишь проветривать, шторы задерни поплотнее. На четвертом этаже выключился свет.

— Ого, да ну? Хреново. Неужели он собирается убежать? Если упустим – денег не дождемся... И погреем от холода раньше, чем от голода. Лови.

— Спасибо. Все же почему мы здесь в такой день и в таком составе? — я снова возвращаюсь к теме дня. Избитой и изжеванной.

— Да уж, странно как-то. Но фургон предоставляется мной, и горелку одолжила тоже я, вам обоим впору мне в ноги кланяться.

Даже самая страшная выюга не могла охладить сердце Цурануи — сидит себе, весело болтает и дует — *фух, фух!* — на горячий чай с молоком, до того сладкий, что скулы сводит. Большой бездельницы, чем Цурануи, во всей Хасэкуре не сыскать.

— Кстати, кого вы там охраняете, одержимого?

— А что, Арика разве не говорил?

— Нет. Семпай разбудил в шесть утра, спросил: «Помнишь купленный по блату фургон, он еще остался?» Хоть и заикнулся о том, что я стала кумиром всей общаги, но силком заставил меня сюда приехать, а теперь молчит в тряпочку.

— Какой ужас. Пожалуй, сегодня тебе даже можно посочувствовать! И со мной так же было... Сказал: «Цурануи не уходит, так что дуй сюда».

— Кирису-сан должен был прийти, потому что я не ухожу? Что это значит?

— Ну-у, так если с тобой вдруг что... Погоди, ты серьезно не понимаешь?

— У-у... Арика-семпай как всегда жестоко издевается? А то ведь чем больше народа, тем меньше кислорода.

— М-да. Все-таки к таким девушкам, как ты, без толку проявлять участие. Ты самый лучший антипод Арики. Ну так что? На четвертом этаже того здания — наш одержимый?

— Ага, по крайней мере Кайэ так сказал. Хм?.. Черт, переднее кресло видно из его окна. Я пойду назад, подвиньтесь-ка.

Я перелез в салон, и мы трое расположились очень тесным кружком — фургон не отличался просторностью.

— Семпай, что еще за «наш» одержимый? Ты о нем уже говорил? Помнится, недавно один особо выделился.

— «Говорил»... Так нравится уши развесить и слушать? Никак он не выделился, да и проявился довольно давно. Раз в месяц регулярно разбойничает. Но полиция носится с ним как с обычным буяном.

— Разбойничает... Хм-м, сумки отбирает?

— Угу. Грабит всех налево и направо. Вот только выживает из жертв в лучшем случае половина.

— А разве таких не называют «маньяк-убийца»?!

— Мне-то зачем это говорить? Но до маньяка он не дотягивает. Плюс, все жертвы — мужчины за тридцать.

— Что? Э-э, то есть он на женщин руки не поднимает?

Точно так. Одержимый, которого я сейчас сторожу, убивает даже свидетелей преступления, но очевидцев женского пола игнорирует начисто. Похоже, старается быть убежденным джентльменом, который не станет трогать дам.

— Хм, странный какой одержимый! — и сразу: — Ну, раз это прояснили, пообедаем? И кому я это объяснял?..

Цурануи бодро открыла контейнер с едой. Ничего себе ларь! Королевский обед из несбыточных снов, расположившийся в четырех отдельных коробках. Цурануи начала гордо открывать одну крышку за другой. Ее заклеенные пластырем пальцы являлись ритуальной жертвой нашему провианту.

Что ж. Начнем с коробки подгоревшей жареной рыбы, продолжим коробкой подгоревших жареных яиц, добавим коробку подгоревших харумаки, и напоследок — коробка подгоревшего риса. Четыре блюда под самые разные ситуации. И зачем нужно было собирать все в один контейнер?

— Это наш обед?

— А на что еще это похоже? Кстати, расходы на продукты прошу поделить поровну! Вот,

— Цурануи протягивает нам свое черное произведение кулинарного искусства.

Убьет.

Перед одержимым, который притопает к фургончику, чтобы заткнуть нам рты — как ни крути и ни выключай движок, а машина все же подозрительна.

Перед Кайэ, который сказал, что зарплаты в этом месяце не будет и с сияющей улыбкой посадил меня на голодную диету.

Перед Мато-сан, которая в последнее время очень мрачная и ищет, в кого бы пальнуть, — эта дура меня точно убьет.

— Цурануи, мне тоже можно?

— Давай, давай, Кирису-сан. Хоть ты и незваный гость, тут на всех хватит, так что вперед. Хе-хе, только нам с семпаем не забудь оставить, ладно?

— Без проблем. Во! Круто, ты глянь, Арика! У этой рыбы внутри бутерброд!

Э-э, что?..

— Хи-хи-хи, на нормальную еду денег не хватило, так что я взяла то, что нашлось в фургоне (правда, все было почти просрочено), и сделала гамбургеры. Как же это называется... Контринтуитивное мышление! Или нет... в общем, я такая смышленная, что даже смущаюсь! Вот. Так что, семпай, давай кушать, — и Цурануи безоблачно улыбнулась.

Нет, она точно не в своем уме.

И в этом салоне наверняка уже полно угарного газа.

— Потом. Сейчас я не очень голоден. Но да, я понял, что это все-таки можно есть. Вон как Кирису уплетает.

— Еще бы. В моей деревне вообще бамбук готовят, прикинь. Мелко нарезают, добавляют сою и жарят.

— Ох, бамбук?! Я слышала, что молодые побеги вполне съедобны — может, и подросшие сгодятся? Станные у вас обычаи, Кирису-сан. Но к чему ты это сказал? Никак ведь с разговором не связано.

Отнюдь, Цурануи-кун, восхитительным образом связано...

Ленивая послеобеденная беседа. Цурануи с напускной серьезностью спрашивает:

— А что ты думаешь про феминизм, семпай? Я насчет того, который на четвертом этаже. Он же нападает только на мужчин, значит, можно сказать, что он добр к женщинам? Как тебе такое? Ах да, Кирису-семпай может помолчать, все равно он слишком охоч до баб.

— Трепло... Всяко лучше, чем до мужиков охочим быть. И вообще, Цурануи, феминизм — это женское равноправие. Если он нападает только на мужиков, то уж точно не феминист. Это называется «дискриминация».

— Ох, и правда. Хм, семпай... То есть другими словами — одержимый-сан, которого ты сторожишь, пренебрегает женским полом?

— Ну... Если он дает уйти только женщинам, то не пренебрегает, а, скорее, ценит? Впрочем, феминизм, может, и правильное слово. Женское равноправие, о котором Кирису говорил — уже старая песня, сейчас это понятие подменили, и у женщин стало просто больше авторитета.

— Так много, что некоторые стали их почитать и поклоняться?

— Ага. В общепринятом смысле он, наверное, все же феминист. К женщинам он точно хорошо относится.

Все верно. Хотя кто его знает, не нападает он на женщин или *не может* напасть. Вообще говоря, поклоняются-то из-за страха перед объектом.

— Хм-м. Враг, но с какими манерами!.. Кстати, ты таким не страдаешь, семпай?

— Не думаю, но мне кажется, что быть добреньким намного легче, разве нет? Хотя я бы больше оценил строгость и справедливость. Однако да, перегибать палку тоже как-то не того.

А то сразу готовься к общественному порицанию.

Это похоже на дуэль. Если честно отражать все удары, это можно назвать уважением к оппоненту.

— Кх-м. Ну а Арика-семпай, значит, к сестре относился вполне себе «того»?

— Стоп-стоп. При чем тут моя сестра?

— Ну, у тебя же есть младшая сестра? А ты прячешь ее от нас...

В этой фразе чувствовалось недовольство, а может быть, даже враждебность. Не то чтобы я кого-то прятал, но мне не очень хотел, чтобы о ней знали мои знакомые.

Я повел плечом.

— Да брось. У человека не может появиться сестра-другая? Кирису, согласишься же.

— Не может. Не кидай пальцы на единственного сына. Арика, ты как-то зажрался. Если бы у меня была такая красавица-сестренка, я бы свою жизнь видел в розовых тонах. Смотри-ка, двое на одного!

И кстати, розы-то красные, то есть цвета крови. Черт, Кирису, не умеешь — не хвались.

— Так-так, погоди, а ты-то откуда знаешь?

— Гр-р. Семпай, ты не возразил Кирису насчет «красавицы»!

— Да я-то случайно узнал. Знакомая девчонка, которая училась с твоей сестрой, показывала мне фотографии. Слышь, серьезно, ну познакомь? Она аккурат в моем вкусе. Эта парочка ничего не понимает.

Они даже представить себе не могут, что *это* за существо. Двое невежд, сидят, как птенцы, разинули свои клювы — пи-пи, хотим еды и объяснений!

— Знаете что. Поверьте мне, не стоит с ней связываться. Помните, как два года назад на холме Сикуры кое-что случилось? Один из преступников была моя сестра.

— Чего? — оба склоняют головы набок.

Ну да. В городе Сикура невозможно найти человека, который не знал бы о той трагедии. Варфоломеевская ночь больных с Агонистическим расстройством на терминальной стадии — потерявших рассудок, проявляющих агрессию ко всем и во всем, убивающих направо и налево. Пострадало без малого тридцать домов. За какой-то час десять трупов, шесть тяжелораненых, тринадцать просто раненых — самая беспрецедентная, но чудесная биологическая катастрофа за всю историю Сикуры.

Почему чудесная? Потому что через несколько дней все обитатели госпиталя Ольги в один голос кричали, что если «терминальщики» взбесятся, двухзначным числом жертв обойтись не удастся.

— Холм Сикуры, два года назад... А, тогда ведь убили твоих родителей?..

— Да. Преступница напоследок нанесла нам визит. Хотя какой «визит» — все-таки это ее родной дом... А может она просто решила, что вечеринка только началась, и пришла немного передохнуть.

Или зашла закончить последние дела перед тем, как уйти. Даже думать не хочу, что у *этой* в голове творится, но, в конце концов, та передышка стала началом еще более кровавопрлитной драмы.

— То есть в ту ночь ты был дома, когда по соседству разыгрывалась эта трагедия? Разве эвакуацию не объявляли?..

— Ну... Просто я дрых как сурок, — я неловко отвел взгляд.

— Понятно. Вот что значит сестра — могла убить тебя в любой момент, но все же забежала попрощаться! Не зря она столько лет наблюдала за тобой, Арика-семпай!

Да уж, трудно спорить. Все-таки... я настолько толстокожий, что пришел в себя лишь от боли в левой руке, когда отец и мать уже были убиты.

Но и такая толстокожесть иногда полезна.

Та ночь... Одетое в платье, забравшееся в постель *это*; начисто пропавшая левая рука; свет от полицейских машин, ясно видимый со второго этажа. Да еще раздавшийся в самом конце взрыв. Как будто я ввязался в войну Ультрамена с чудовищами из космоса. Моя

непробиваемость позволила полностью осознать весь этот ад и не лишиться чувств — за это я ей благодарен.

— А какой девочкой была твоя сестра? На фотографии она спокойная, похожая на принцессу, словно французская кукла... Что у нее было в руках — нож, пила?

Вот достоинство Цурануи — продолжать расспросы, пока интересующая тема полностью не исчерпает себя. Страшилок она не любит, но ничего не имеет против таких вот кровавых историй, которые случились на самом деле. Никто так и не смог забыть, как она в старшей школе весело разделявала курицу.

— Ну, ничего такого я не видел. Когда я лишился руки, она была без оружия.

— Г-голыми руками отвертела?!

Словно кадр из кульминации кровавого фильма, да? Но все равно — даже такой кадр выглядел бы несколько лучше, чем все, что произошло там на самом деле, поэтому я смолчал.

— Да-да. Она с давних пор не любила инструменты. Зато нунчаки, бильбоке всякие не могла оставить в покое. Возилась с ними, пока те не ломались.

— А, м-м. Бильбоке... Сестрица тоже тот еще развранец... — краснея, выдала Цурануи. В переводе с ее языка это, видимо, значит «развратный сорванец».

— Бильбоке — это такая ракетка с шариком на резинке. Когда вернешься домой, спроси у хозяйки общежития. У нее вполне может найтись такое.

— Хорошо, как вернусь, сразу же попрошу. Прости дурочку, ладно?

Цурануи в смущении почесывала щеку — ей было несколько стыдно от того, что она не знала развлечений простого люда. Но хоть она и вела себя, как ребенок, воспитание у нее было вполне достойным.

— Короче, она не любит оружие. Хотя до меня доходили слухи, что она бродила по улице с кучей припрятанных заточек и дубинок.

— Однако она же одержимая? И никто этого не замечал?

— Сестра была из тех, кто меняется изнутри. У большинства одержимых растут новые органы и физическая сила, ну а у *этой*, похоже, все перемены ушли только лишь в силу. Так до последнего момента и не разобраться.

Да и неинтересно было бы.

— Она была хорошей девочкой?

— Способной. Гордость родителей! Они, по-моему, смотрели на *эту* сквозь пальцы.

— А ты? Ценил сестренку?

— В том смысле, что не вредил — ценил.

— Но она точила на тебя огромный зуб...

— Верно. Вот только никак не могу вспомнить, за что.

Цурануи попала в самую точку. У меня в памяти совершенно не отложилось, на какую мозоль я мог наступить, каких тараканов разбудить, чтобы *это* сказало: «Братик, мне так не терпится тебя убить!» Значит, причина могла быть и не во мне вовсе? Хотя я уже никогда не узнаю наверняка... наверное. Скорее всего, что-то просто не срослось.

— Сёдзай, ты тут?

Меня прервали в самый подходящий момент.

Бум-бум — в дверь постучалась наш босс, Тома Мато-сан.

Она как всегда была в строгом костюме. Из карманов жутко топорщились две близняшки - «беретты».

Женщина пришла не одна — поодаль топтались двое полицейских в штатском.

— День добрый.

— Молодец, трудишься. Ну, где?

— Вон там. Ах да, не желаете присоединиться к нам?

— Спасибо, не сейчас. Я ненадолго отлучусь, сделай мне кофе.
Мато-сан махнула рукой, сказала «пока» и удалилась. С такой легкостью, как будто сказала: «Пойду скормлю бумажку шредеру».
Белоснежный снег был похож на туман — Мато-сан прошла сквозь него и растворилась в офисном здании.
Последовавшие за ней полицейские остались у входа.
Что ж, все верно. Они бы только пугались у нее под ногами.
— Ух-х, Мато-сан как всегда сурова. Такая клевая! Будь я женщиной, влюбилась бы... —
Цурануи Михая хлопнула по спинке переднего кресла.
Замечу, что, как ни посмотри, Цурануи биологически все-таки девочка.
— Чего ты на нее косишься? Ты же понял, что Цурануи хотела сказать. Можешь представить сестренку Тому мужиком?
— Не могу. Если на то пошло, уж лучше представить нас, гм...
— Во-во. Так что, Арика, Тома-сан расспрашивала тебя про этого одержимого?
Если он вдруг ударит Мато-сан, то все шишки достанутся нам. Хотя Кирису, наверное, просто хотел понять, можно ли смыться или уже бесполезно. Опять же сегодня Цурануи здесь.
— Нет, не волнуйся. Мато-сан знает лишь то, что у нас тут одержимый, которому ужасно не везет. Она сказала: хоть одной рукой, но не дай ему уйти.

Вскоре по безлюдному городу разлетелись звуки выстрелов.
Послышалась возня беспорядочного сопротивления.
А потом странно ритмичные звуки борьбы.

Шмяк, шмяк, хрясь, шмяк.

Конечно, я уже привык. Но когда на слух оцениваешь перевес в силе... это уже клиника.

— Вот суровая, а.
— М-да. Я уже сказал, что ему не очень везет, но в целом любой, кто попадает на глаза Мато-сан, теряет весь запас везения. В том числе и моя сестра — она сбежала бы, если бы не Мато-сан.
И снова: «Чего?» — недоуменные взгляды.
Ну да, если они не знали про мою сестру, то и про случай с Мато-сан не знают.
Сейчас эта парочка в режиме «О чем ты вообще?»
Честно, их счастье, что не знают.
Любопытство сгубило кошку, как говорят англичане. Именно так и распространяется несчастье.
— А что, очень интересно?... Ну ладно, только не жалейте потом, что спросили.
Понятное дело, они хотят знать.
Опять же, раз они расспрашивали про *это*, без рассказа о Мато-сан толку будет мало.
— Это долгая история. В общем, как-то ночью просыпается Исидзуэ Арика — а он уже всего-навсего инвалид...
Холод за дверью машины — прямо как в ту ночь.

В ту тихую ночь дробящейся кости.
Кровавая жатва родившейся, красивой жизни.

3/Formal hunt.

2003 год, февраль.

Произведенный в доме Исидзуэ арест был частью полицейской операции по «спасению» А-больного с необычными симптомами.

Для помощницы инспектора полиции Тома Мато это было первое самостоятельное дело. Осада второго квартала на склоне Хасекуры закончилась за двадцать минут.

Было мобилизовано сорок полицейских — половина из них уже занималась делом Хиномори Сюсея и была вызвана под предлогом его ареста, вторую половину составляли обычные патрульные.

— Был отдан приказ мобилизовать людей с оружием, но я смотрю, тут мало кто по-настоящему вооружен. Ладно, черт с ним. Внимание всем — открывать огонь при малейшей опасности. Только не смейте привыкать — сегодня у нас особая ситуация!

Обычно полицейские не носили с собой табельного оружия — оно выдавалось только лишь перед началом задержания и сдавалось после. Просто так получить его было нельзя. Даже в экстренной ситуации оружие полагалось носить в кобуре — как символ устрашения, а не принуждающей силы. Но всегда случаются исключения из правил. Даже если сверху придет приказ о вооружении, полицейские могут отказаться стрелять. Запугивать больных пулями — стражи порядка считали это очень неудачной идеей. Сделаешь такое – и можно помахать карьере ручкой.

Тома Мато отдавала приказы.

Люди за ее спиной быстро перекрывали все пути отхода из окруженного дома.

— Все поняли? Если вдруг подозреваемый решит прорываться – открывать огонь по готовности. Кажется, это будет больше походить на охоту, чем на арест.

— Помощник инспектора Мато-сан, мы можем начинать?

— Да. Ни в коем случае не дайте ему уйти. Внутри есть уцелевшие?

— Мы смогли осмотреть только двор, однако Исидзуэ Каната сообщила лишь о паре трупов в доме.

— Что с остальными?

— Жители близлежащих домов эвакуированы, однако при проверке мы не обнаружили двух человек. Вероятно, они все еще внутри.

— Что ж, увидим. Комната на втором этаже? Дайте план дома... Так... Кажется, внутри тесновато, я смогу справиться в одиночку. Остальные – разбейтесь на группы. Старшие по званию – защищайте новичков, если они первый раз осуществляют арест.

— Так точно. Когда начинаем?

— Через минуту. Думаю, стоит взять мой любимый дробовик... Это моя собственность, так что не обольщайтесь.

Женщина отошла к своей машине.

Появившийся из багажника Benelli Super 60 был настоящим произведением искусства, к тому же имел самозарядный механизм. Хотя он и был тяжелее обычных полуавтоматических пистолетов, но по надежности им не уступал. Видимо, это оружие было выбрано из расчета стрельбы с одной руки.

Тома Мато превратилась в настоящего охотника – убрала длинные волосы, облачилась в бронежилет и нежно вставила две «беретты» в кобуру на поясе.

— Начинаем! Не забудьте расставить кареты скорой помощи! Задержанных городскому департаменту не передавать! Похоже, госпиталь Ольги получит еще одного славного Д-больного.

Взяв поудобнее дробовик, она направилась к дому. Холодная ночь была прекрасным дополнением к полицейской операции.
Из недр особняка Исидзуэ раздался нечеловеческий крик.

Откуда-то издалека доносился лай собак.
М-да...
Даже вид молодой девушки не смог сбить их с толку. Это красивое платье было сшито специально ради сегодняшней кровавой ночи.
С улицы слышался противный звук полицейских сирен.
Почему полиция так быстро отреагировала?
Почему такие большие потери?
Сколько всего трупов?

Нахмутив изящные брови, девушка легким шагом плыла по коридору.

Что ж, родители умерли, это совершенно точно. Сейчас они лежат в гостиной – даже в последний миг своей жизни эти двое не отпустили рук друг друга.

Порхающей походкой взлетела по лестнице.

Угловая комната второго этажа – комната брата.
На улице становилось беспокойно, сирены звучали все громче, но сейчас это не имело никакого значения. Видимо, мы все же где-то просчитались.
Девушка резко открыла дверь комнаты, зашла и заперлась на ключ. Потом задернула занавески – чтобы не отвлекаться. Человек в комнате тихо спал, а она в очередной раз расплылась в улыбке.

С наслаждением и совершенно не стесняясь, мы получим свое.

Комната на втором этаже была заперта на ключ, изнутри доносились голоса. Ни секунды не колеблясь, Тома Мато разнесла дверь крупной дробью.

И застыла в недоумении.

Что это такое? В темной комнате находились юноша и девушка. Она обняла парня за шею, а он выглядел рассерженным и одновременно печальным. Девушка смеялась бархатным голоском. Подозреваемого Хиномори Сюсея обнаружено не было.

Обычно люди думают, что виноват всегда мужчина.

Но когда полицейская увидела руку парня, то сразу все поняла.

Тома Мато мгновенно обернулась к девушке в белоснежном платье, выхватила из кобуры «беретту» и прицелилась в левое плечо.

Выстрел.

Взвизгнув, девушка в мгновение ока спрыгнула с кровати, и пуля попала в стену. Мигом позже ствол дробовика взметнулся вверх и в комнате прозвучал *громоподобный выстрел*. Белоснежный комок в россыпи деревянных щеп и осколков с потолка приземлился на пол. Девушка поняла, что сбежать ей не удастся – противник пер напролом. Она избежала прямого попадания только благодаря тому, что сумела изменить траекторию прыжка от потолка к стене.

— Да что же это?..

Держа в руке обломок потолка, девушка поднялась – Тома Мато сразу же выстрелила в ее левое плечо.

По белому платью поползло бурое пятно.

— А-а-а-а...

Меж пальцев девушки заструилась кровь, она медленно подняла руку и начала слизывать красные капельки.

Потом спокойно перевела взгляд на целившуюся в нее полицейскую:

— И кто вас таким манерам учил, тетя?

После чего резко запустила обломком в стража порядка.

Громоподобный выстрел.

Осколки все-таки попали в девушку – и сразу после этого обе участницы действия поняли, что это была очень большая ошибка.

Обладательница белоснежного платья кинула обломок, он был разнесен выстрелом Тома Мато. А секундой позже девушка поймала еще шесть пуль.

Чтобы остановить преступника, Мато выстрелила еще два раза, кинула на землю дробовик,хватила второй пистолет и продолжила кормить свою цель свинцом.

Для девушки полицейская была всего лишь игрушкой, для Тома Мато девушка была всего лишь одержимой. И все же каждый из них считал другую достойным соперником. Однако они слишком явно понимали свое физическое различие и не делали друг для друга никаких поблажек. Не сошлись характерами. Что же касается взаимной ненависти – словами этого не передать.

— А-а-а-а-а!!!

Даже поймав в упор девять пуль, девушка осталась на ногах – кажется, ее заботило лишь белоснежное платье, которое теперь было похоже на лоскуты мокрой рваной ткани.

— Получай! Получай! Еще хочешь?

Неужели она волновалась о своем платье больше, чем о собственных ранах? Недовольно вскрикнув, девушка атаковала Тому Мато.

Сильнейший, разрывающий воздух удар ногой.

Выстрелы.

Ураган из щепок.

Выстрелы.

Смертельный танец свинцовых 9-миллиметровых шариков.

С каждым промахом сила девушки увеличивалась — 50 килограмм, 100 килограмм, случайным ударом она чуть не проломила стену. Ее не брали даже с десятков выстрелов в упор.

Они на секунду замерли.

Девушка посмотрела на рваные лоскуты, оставшиеся на ее теле, и цокнула язычком. Тома Мато кинула на пол пару пистолетов, в которых закончились патроны.

Звонящая тишина.

Преступница резко прыгнула, и одновременно с ней полицейская подцепила ногой дробовик.

Громоподобный выстрел.

Девушка, мгновенно изменив траекторию прыжка, ушла в сторону – дробь, лишь едва задевшая ее руку, проделала дырку в стене. Тома Мато очень волновалась за пострадавшего, который все это время лежал на кровати. Девушка поняла, что ловить здесь ей уже нечего, а потому, не обращая ни на что внимания, прыгнула в окно и исчезла на крыше.

А полицейская думала, что же делать с оружием.

— Это же просто немыслимо, даже дробовик ей нипочем.

К тому же ружье было слишком опасным в таком замкнутом пространстве.

Женщина подобрала пистолеты и перезарядила их, смутно надеясь, что они все-таки смогут ей помочь.

— Извиняюсь — я из полиции, — обратилась она к лежащему парню. — Произвожу арест одержимого. Пожалуйста, оставайся на месте.

А потом, держа в руках пару «беретт», женщина выбралась через окно и перескочила на крышу соседнего дома.

У Тома Мато было четыре магазина по шестнадцать патронов каждый — итого шестьдесят четыре пули. Но сколько бы у полицейской их ни было — если тому существу и десяти попаданий было мало, она даже представить себе не могла, как будет с ней сражаться.

Когда полицейская проникла на второй этаж соседнего дома, ее встретили звуки старомодного проигрывателя компакт-дисков.

— Это что еще такое?

Звук неожиданно прервался. Женщина не верила своим глазам — в проигрыватель, который сейчас казался маленьким мешком с песком, вцепилась девичья рука и просто сломала его, словно каждый день этим занималась. Превратила технику в тупое, огромное орудие убийства.

— Продолжим?

С необычайной скоростью она швырнула проигрыватель в полицейскую. Изогнувшись, Тома Мато расстреляла летящий предмет — но это было только начало. Аппарат превратился в кучу осколков, а девушка вытянула руку и сказала: «Вот мое оружие». Та часть девушки, которая превратилась в животное в человеческом облики, имела просто невероятные возможности.

Быстрота движений и сила мышц, поражающие воображение.

Неуемная энергия и мгновенные рефлексy.

Невероятная выносливость и метаболизм.

Любой предмет, которым можно было нанести вред человеку, в таких руках превращался просто в смертельное оружие.

Окружающая обстановка преобразилась в форменный ад. Книги со стола, карандаши, ручки, предметы мебели и быта — десятки, сотни вещей стали противниками Тома Мато. Немыслимый вихрь, невероятная сила. И как тут могли помочь всего два пистолета?

Обычная, неприметная комната какого-то человека стала смертельным оружием, а девушка превратилась в миксер смерти — она безжалостно уничтожала все, что попадало ей под руку.

— Да что же это?!

И в этом урагане полицейская умудрилась уцелеть. Она как могла уворачивалась, била, стреляла, пыталась уничтожить предметы, к которым тянулись руки девушки. Только все это было бесполезно — какое бы оружие ни держала в руках Тома Мато, с девушкой все равно ничего не случилось бы.

От раздражения и непонимания одержимая завизжала во весь голос. В комнате стало нечем сражаться — тут не осталось предметов, которыми можно было бы убить человека. Пробив стену, она влетела в следующую комнату, где было полным полно повседневных вещей. Но полицейская была начеку и уже целилась в девушку.

Быстро схватив дорожный кейс, одержимая начала защищаться от града пуль, в основном прикрывая голову. Видимо, травма мозга будет для нее фатальной — она не сможет двигаться.

Снова беспощадный град пуль.

Такую атаку преступница могла легко перенести – поэтому и нужно было убить ее прямо сейчас.

Но внезапно оба пистолета замолчали, и одержимая опустила кейс, после чего мгновенно ринулась к полицейской. Размахнувшись со всей силы, она запустила чемоданом в голову Тома Мато. Этот удар лежал за пределами человеческих возможностей, и, будучи простым человеком, полицейская сама со всей возможной скоростью блокировала атаку своим ударом.

— Что?!

Кейс жалобно хрустнул. Девушка мгновенно прыгнула к стене, Тома Мато закончила перезаряжать пистолеты — но момент был упущен.

Дорожный чемодан оказался довольно мал для этой одержимой. Она протянула руку к кровати, но полицейская точным выстрелом пресекла новую атаку.

— Черт!

Девушка, в очередной раз пробив стену, выскользнула наружу – ей не хватало оружия, и она очень быстро влетела в следующий дом. Женщина с завидной ловкостью последовала за ней.

Преступница была вся в крови, а на полицейской не оказалось ни одной царапины, даже учитывая то, через что ей пришлось пройти. Однако полицейская не обольщалась – в их битве преимущество располагалось на стороне девушки. Тома Мато была простым человеком – если ее изобьют или зарежут, она умрет. В отличие от девушки, которая будет жива, пока жив ее мозг. Одержимая тоже все понимала и всегда прикрывала голову правой рукой, орудуя только лишь левой.

Полицейская продолжала преследование.

— Говорит Мато Тома. Вторая машина, прием. Объект движется к первому кварталу, приготовьтесь открыть огонь. Одной мне не справиться. Если через пять минут со мной не будет связи, вы переходите под командование полицейского инспектора Тамуры.

Спрятав рацию, женщина перезарядила пистолеты. Последняя обойма. Когда кончатся патроны, ее убьют. Но до этого надо сделать одержимую беспомощной.

— Ох... Что же делать с твоей головой?

Полицейская размышляла о том, что не знает живых существ, даже близко похожих на эту преступницу. Именно поэтому она не желала ее убивать – хотела захватить живой.

Все-таки девушка не была бессмертной, и чем больше стреляла Тома, тем слабее становилось тело одержимой. Наверное, стоило просто оторвать ей все конечности. Пока будет жив ее мозг, она продолжит дышать, женщина была в этом полностью уверена.

— Как?... Почему?! – девушка на ходу утирала слезы.

Но плакала она не от боли. Просто никак не могла понять, почему не может убить эту женщину – навязчивая идея засела в голове словно железный прут.

— А вот и она!

Незнакомый дом, незнакомая кухня. Девушка тотчас же схватила нож, чтобы зарезать им полицейскую, резко атаковала, разбив по дороге микроволновую печь, но Тома Мато легко уклонилась от удара. Внезапно преступница почувствовала ослепляющую боль в пальцах. А потом поняла, что они сломаны, а нож оказался в руках преследователя.

— Ничего себе, ты прям фокусница!

Девушка на секунду замерла — она была так поражена этим оборотом событий, что забыла, где находится.

Острое лезвие молнией погрузилось в рваную плоть. Платье, которое до этого было уже черным, вдруг снова окрасилось ярко-алым. *Скрежет*. Лезвие сломалось, встретившись с костью, полицейская сразу же отбросила бесполезную ручку.

— Чтоб тебя!..

Воздух рассекли столовые вилки. Тома Мато уклонилась от двух, а третья задела руку с пистолетом. Послышались три выстрела. Это было последней каплей.

В полицейскую полетело все, что было вокруг – столовые приборы, компьютер, сковородки, кухонная плита, диван и даже плазменный телевизор... В действиях этой проклятой девчонки не было никакой логики. Все, чего она касалась, разлеталось в пух и прах.

Тома Мато бросила свои пистолеты и пошла врукопашную. Она просто с ней играла. Или же на самом деле пыталась убить.

При каждом ударе я задавала себе вопрос – почему же ничего не выходит?

Мой опыт меня подвел. Мои знания меня подвели.

Если эта девушка была сверхчеловеком, то полицейская была экспертом. Природный дар был разбит вдребезги стальной волей. Дух, закаленный временем, одержал победу за пять минут.

— А-а-а! Я проиграла? Проиграла? Проиграла?!

И девушка кинулась бежать. Она не искала следующую комнату с предметами, она на самом деле уносила ноги. Бой подходил к концу. Если одержимая действительно хотела исчезнуть, полицейская никогда бы не смогла ее догнать. Это было просто невозможно. Девушку могли спасти только ноги. Все, что могла сейчас Тома Мато – преследовать ее по крышам. А вот сама преступница могла перепрыгивать через дома.

Но как же досадно. Черт, черт, черт!

Она же обладала преимуществом в каждой схватке, она могла запросто победить, но вместо этого взяла и убежала.

Девушка спрыгнула с крыши на вымощенную дорогу. Приземление оказалось чересчур жестким — в ее теле было слишком много пуль, она слишком устала.

И поэтому не сразу заметила перед собой кордон из полицейских машин.

— Огонь!

На девушку обрушился свинцовый град, но она сумела отскочить. Прыгнула на крышу соседнего дома, оставив полицейский отряд ни с чем.

Однако одержимая была на грани. Истратив слишком много энергии на своего преследователя, она не смогла бы сейчас убить столько полицейских. Преступница направилась обратно в свой дом, там еще должна была остаться еда. Летела сквозь ночь словно балерина – она всегда гордилась своими ногами. Но сейчас эти ноги еле удерживали разбитое усталостью тело.

Девушка не смогла сразу залезть на второй этаж – просто юркнула со двора в гостиную.

— Привет!

Здесь ее поджидала Тома Мато.

— А...

Если атаковать сейчас – она сможет выиграть. Даже на грани смерти у девушки был шанс на победу. Полицейской тоже казалось, что ее противник готовится к последнему раунду. Но у сломленной одержимой не было больше сил.

Она не могла перебороть страх быть побежденной.

До этого момента она даже мысли не допускала, что может проиграть. Как и женщине, ей были чужды неудачи, и в данный момент требовалось напрячь все, что у нее было. Но сколько бы девушка ни пыталась, она не могла найти в себе такие силы.

— Я не проиграю!

Это было высокомерие, сломленное поражением.

Девушка думала, что же ее так подвело, почему она не смогла победить. У нее было очень много сил – но и столько же безрассудства и глупости.
Как только появилась эта мысль, из недр сознания начала разрастаться злость.
— Ах, вот как? Тогда, может, попробуешь использовать вот это?
Тома Мато, повернувшись к девушке, бросила ей пистолет.

Мгновенье тишины.

Все патроны давно уже были израсходованы, но девушка поддалась соблазну, подхватила оружие – ведь до этого момента ее преследовали одни лишь неудачи.
Это оружие нужно было держать двумя руками.
И когда она попыталась преодолеть наслоение своих ошибок, обеспечить своей жизни большую вероятность продолжиться...
— Ну наконец-то ты заняла обе руки.
Лязг ножа – лезвие вошло в основание шеи девушки.

Она медленно начала опускаться на спину, в ее глазах погасала жизнь. Перед самой смертью она все-таки продемонстрировала свое истинное лицо.
— Вот так...
Если у тебя нет цели – зачем ты рождаешься, зачем на что-то надеешься?
Если у тебя нет цели – зачем ты думаешь, зачем мечтаешь?
Это и было причиной ее поражения, самообороной, ставящей длительность жизни во главу угла.

Но это было уже неважно. Теперь она не будет такой, как прежде. В данный момент ей было *позволено вырасти*, пусть и в угоду Томе.
— А... ах...
Однако все это будет после.
А сейчас — не сознавая даже, что ей сохранили жизнь, девушка находилась в состоянии новорожденной.
Отсечение пуповины.
При едва-едва поддерживаемой работоспособности мозга сила девушки была на порядок снижена.
Иными словами, все кончено. Для Тома Мато и одержимой первый раунд закончился победой человека.
— Я вот думаю...
Тома посмотрела на сраженную сверху вниз. Подобрал любимое оружие, она на всякий случай вогнала оставшиеся пули в тело девушки.
— Ты ведь даже с обычными предметами обращаться не умеешь.

Полицейская поняла, что сражаться на одном уровне с этими существами не так уж и скучно.

4/Эпилог — окончание (2004 год, зима)

— Вот так все и было.

Ф-ф, в-х. Салон, погребенный в тягостном молчании. Звуки потягивания кофе и молочного чая.

Непридуманная история о выжившем в ту ночь Исидзуэ Сёдзае. Кирису и Цурануи явно предвкушали душераздирающую трагедию, но где-то с момента появления Томи Мато, видимо, ощутили, что все было не так уж и плохо.

В процессе представления, то есть рассказа, все присутствующие до пота в ладонях глубоко прочувствовали — с Мато-сан шутки плохи.

— Какая закалка у сестрицы Томи — ну, это и по телу видно. Она же вроде еще и врач?

— Черт ее знает. Если ходит по больнице в белом, это еще не значит, что действительно лечит больных. Хочется верить, что хотя бы за терапевта прикинуться сможет. И вообще, если бы такие как она были врачами — здравоохранению страны пришел бы конец. Она же явно любит пооперировать больше, чем нужно, — однажды даже простуду вырезать пыталась.

— Думаешь? Она ведь еще раньше ныла, что наркоз при операции — это незелегантно или что-то вроде того. Неврач ведь такого не скажет?

— Ну, знаешь. Это уж точно была шутка.

Она не была любителем отпускать всякие хохмочки, но мне хотелось думать, что тогда Мато-сан проявила чувство юмора. А то уж очень садис... спартански как-то получалось.

— Можно вопрос? Сестренку откачали и отправили в больницу? — подала голос Цурануи.

— Ага. Наверное, сильно повредила голову — когда она потеряла сознание, проблем только прибавилось. То кровотечение не останавливается, то работают лишь мозг, сердце и дыхательные пути...

Вот что бывает, когда плюешь на здравый смысл. Свалишься — все накопленные чеки разом оплатишь.

— Хм-м. Как-то неубедительно, — задумчиво произнесла девушка.

— Да вообще полная бессмыслица. Тут хоть слово правды есть?

— Да я не о том. То есть получается, что семпая-то не за что ненавидеть! Ее же поймала Мато-сан. Сам семпай вправе злиться на такую сестру! Она убила отца, мать, еще и руку оторвала...

Виновница смерти родителей.

Маньяк-убийца, без разбора убивающая всех в округе.

Кто преступник, а кто жертва — теперь все как на ладони. И все понимают, что по многим причинам *этой* не следует сочувствовать.

— Нет, у истории есть продолжение, — к нам вновь вернулась Мато-сан.

У входа в здание виднелась одержимая, которую волокли двое сыщиков. Она дышала.

Ноги и руки свисали безжизненными плетями, но как минимум она была живой. Мато-сан сегодня и мухи бы не обидела, хоть и казалась Злым Томатом.

— Отличная работа, босс. Здесь все как положено.

Мато-сан открыла дверь фургона, взяла бумажный стаканчик и начала смывать усталость импровизированным кофе, который был на каких-то пятьдесят иен дороже нашего.

Картина маслом — только нам с открытой дверью чертовски холодно.

— Продолжение?.. Неужели история сестры семпая на том не кончилась?

Впрочем, Цурануи даже холод был нипочем. Ее любовь к кровавым историям была настолько жаркой?..

— Нет. У сестренки Сёдзая была одна веская причина возненавидеть своего брата. Ну что, рассказать?

— Еще бы! — Цурануи с энтузиазмом взмахнула кулачком.

Мато-сан с глубоким отвращением потягивала кофе и, чуть заметно улыбаясь, продолжила мой рассказ.

Это было самое крупное упущение в жизни Томы.
Она отвела взгляд от еще дышащего врага. Тот, кто ее знает, спутал бы это с новомодным способом казни.
Вот только она не могла прикончить ту, кого требовалось взять в плен.
Вполне естественно отвести взгляд от поверженного в честной дуэли противника.
К тому же полицейская была на пике усталости.
Хоть на лице Мато-сан не было ни единой эмоции, в тот момент она была на пределе. Еще чуть-чуть – и свалилась бы на пол.
Женщина прикрыла глаза и глубоко вздохнула. За такую малость никто не стал бы ее осуждать.
Скорее стоило осудить того подлого противника, который решился воспользоваться этой слабостью.

— Стареешь, тетка...
Оборачиваться было поздно.
Как кукла на ниточках, девушка с пылающим взглядом нависла над Томой...
— Э, что?
...и расчетливо подкраившийся к сестре Исидзуэ Арика – *бам-м!* — вlepил ей битой по голове.

— Че?! Так это ты ее добил?! — вдруг заорал Кирису, разбрызгивая кофе прямо мне на голову.
— Ну, по ситуации как-то само вышло...
Если бы *она* убило Мато-сан, следующим был бы я — ты об этом не подумал?
В итоге Мато-сан была спасена, *это* потеряло сознание и отправилось напрямик в госпиталь.
И как только *она* вновь открыла глаза, ее первыми словами были: «...Что хотите делайте, а приведите сюда моего глупого брата». Говорила она сквозь зубы. Прискорбно, что сие событие низвело меня с «братика» до отстраненного «брата».
— Ну да, на такое вполне можно обидеться. Потому что я думаю, что семпай на всю катушку показал свою самую дурную сторону.
— Какую еще дурную?
— Если ты что-нибудь решил, то идешь до конца. То ли это твоя непоколебимость, то ли стальная решимость.
— Логично, — покивала сеньорка Помидорка.
Дружный девичий кружок, любо-дорого посмотреть, хе-хе. Впрочем, такое бывает крайне редко.
— Ну а я что сделаю? Там ставка была не на жизнь, а на смерть... стоп, пардон, Кирису, дай-ка я выйду.
На мобильный пришло новое сообщение.
Я выбрался наружу, в безлюдный пепельный город.
Снег начал валить хлопьями.
Ни одного человека на улице — даже шум от офисного квартала окончательно стих.
Наконец-то все вокруг стало похожим на настоящий конец света.

— Ладно, приду. Часа через два. Какой автобус? Не дури, кто в такой снег по сугробам поедет? Ничего, пешком дойду. Ну все, до скорого.
Я оборвал связь. Теперь у меня были планы до полуночи.
— Семпа-ай? Кто там звони-ил?
Потом вернулся в фургончик и собрал брошенные на переднем сидении вещи.
— Так, мелкое дело. Сами с машиной управитесь? Я пошел на следующую работу.
— Работу? Ты сейчас к Кайэ-сан? Ну-у, семпай, давай завтра-а... Ты же так рвался хоть сегодня влезть под котацу, повисить температуру тела и улизнуть от всех в глубокий сон!
— Точно. Поэтому пойду и получу свой новогодний подарок.
— Боже! Семпай, ты же совершенный альфонс!
Да фигня — я и так большую часть дня проторчал в засаде. А в том подвале меня ждет очень удобная софа, на которой так мирно спится. К тому же сегодня последний день года, и я до сих пор не получил ни одного подарка.
— Пока. Спасибо за помощь, Цурануи.
— У-у, опять мной бесстыдно пользуются. Я обиделась, поэтому вот тебе последний контрудар. Так как ты вообще к сестре относишься?
Черт, эту сетевую инвалидку нельзя недооценивать.
— Да как-макак... Слышь, Арика. Сестра там или кто — она убила твою родню. Она должна быть тебе как чужая, да?
Что бы Кирису ни говорил, а кровное родство останется таковым, скольких бы она ни убила, и порвать эту связь не выйдет, пока один из нас не ляжет в гроб.
А раз так — наверное, *это* стремится меня убить потому, что хочет стать чужой...
— Да нет... Так скажу — я молюсь, чтобы она не вышла на свободу из этой адской больницы, — я повернулся к ним спиной. — Ладно, увидимся.
— О, погодь. У меня тоже вопрос. Как, бишь, твою сестру-то зовут? — Кирису высунулся из салона.
Да что такое...
Я не хотел говорить и изворачивался как мог, но под конец меня все же поймали.
Если забыть о маньяках, то Кирису, похоже, всерьез *этим* увлекся. Но блин — если всерьез, то тем более лучше ведь не знать...
— Ну, скажи!
— Каната. Исидзуэ Каната.
Да, вот так просто. Легко запомнить.
Кирису о чем-то подумал, после чего стукнул кулаком по ладони.
— Ага-а, неплохо. Твои предки шутники! Сёдзай — «тут», Каната — «там»⁷. Дружная семейка!
— Не-а. Каната от «огонь» и «топорик» — «пожарный топор».
Неуютная пауза.
Ровно десять секунд мы всматривались в серьезные лица друг друга.
— Как тебе?
— В общем, человека так звать нельзя.
Еще бы.

Но если подумать — оно тоже звучит довольно мило. Когда привыкнешь.

／ памяти охотничьей луны — конец

⁷ Имеется в виду смысл кандзи, которыми записываются эти имена.

2.5/Наши дни (2004-й год, зима)

Я даже сейчас продолжаю бег. Но если честно, не вижу и тени той скорости, с какой бежала недавно.

Я так устала за эти два года, что даже охота, которая мне нравилась, стала происходить лишь раз в месяц, да и то по инерции. В последнее время она нисколько меня не радует. В офисном здании, куда я проникла, было удобно. Электричество, сладости, чай, компьютеры. К тому же сейчас праздники — никто не придет, и это хорошо. Все довольны.

И вот я сонно готовлю кофе. С тех пор много чего случилось, но кофе так и остался для меня отвратным пойлом.

«Явились...»

Но свободе настает конец.

Я слышу снизу звуки шагов.

Один идет впереди, двое позади.

Первой вошла женщина, за ней мужчины.

Женщина — уф, кажется, взрослая... Значит, ни к чему бояться.

«Этот фургон с самого утра мозолил мне глаза... Надо, надо было с ним разобраться...»

Я знала, что в фургоне, который остановился на шоссе, были подозрительные люди. Но там находилась женщина, и я не желала к ним приближаться. С той ночи и до сих пор я не могу смотреть в глаза женщинам, похожим на девочек.

«Они уже на третьем этаже... Ах-ха-ха, а мне так нравилось это место».

Я уже не такая быстрая, но трое — это ничего, это не проблема. Надо просто разобраться с ними и, пока не село солнце, найти новое место для ночле... А?

■

«А?...»

Когда я обернулась, исход дуэли был уже предрешен.

Нет. В тот самый момент, когда появилась эта женщина, моей охоте настал конец.

Она подавляла.

Словно шквал, она взмыла по ступеням, подобно молнии ворвалась в помещение, она была похожа на бурю.

Но у меня есть животная гордость.

У меня есть сформированный охотой нрав.

Я металась туда-сюда, кое-как отбивалась, решив сражаться, пока еще стою на ногах — но битва не продлилась и двух минут.

Будь ты хоть самым сильным животным — оказавшись в человеческом обществе, ты будешь жертвой, а не охотником.

— Это ты Яманаси Томори?

Она прекрасно олицетворяла Человека.

Сбалансированная, тиражная.

Без какого-то особого оружия — ей это даже не было нужно.

Идеальные солдаты не могут быть особенными в своем массовом исполнении. Для них, для легиона, такой уникальный солдат будет «недоброкачественным».

Для них будет хорошо то, что делается по заданному плану, в массовом производстве с гарантированным качеством.

Именно такое оружие и было в руках женщины.

Беретта-М92. Стандартный представитель современного полуавтоматического огнестрельного оружия.

Масса, отдача, вместимость обоймы, соотношение цены и качества — все ясно и усреднено.

С минимумом сравнительных недостатков, годный даже для женской руки, формально принятый на армейское вооружение пистолет.

Отнюдь не такая — я, кто была больше, чем человек. Я оказалась очень слабым существом, попавшим под каток созданного людьми массового производства.

— Вот и все. Дело, начавшееся два года назад на холме Сикура, сегодня будет закрыто.

Похоже на карму — единственный пропавший без вести житель оказался одержимым.

Она знала все.

Все, что случилось ночью два года назад. Все, что я делала, с чем столкнулась, от чего бежала.

— Я же не всемогущая. Я могу оперировать только фактами, записанными в протоколе.

Той ночью... С первого убийства до осады дома Исидзуэ прошел час, но основное буйство кончилось за полчаса. Прочие дома заняли 30 минут, и 30 минут ты потратила только на то, чтобы не спеша перебить семью Исидзуэ? Тут что-то не сходится. Преступник выигрывал в скорости. Так почему же тот дом отнял столько времени?

Прекрати. Я не хочу вспоминать... об этом доме... о той дьявольской девочке, что была там...

— А на самом деле все просто — преступления захлебнулись на особняке Исидзуэ. До той минуты бесшумный взломщик-убийца действовал тихо — и тут вдруг крики жертв... Как-то это слишком отличается от предыдущего почерка и вообще не складывается в общую картину. А что это значит? Это значит, что орала в доме Исидзуэ не жертва.

...да. Это я тогда орала.

Когда я начала охоту, когда я выслеживала всех вокруг без разбора, когда, наконец, вернулась домой к избранным жертвам, к отцу и матери, — о черт, зачем в тот миг я подумала: «Заодно пройду по соседям»?! Во всей этой суматохе лишь дом Исидзуэ-сан был окутан тишиной. У меня волосы встали дыбом, но я решила, что мне просто показалось.

Я вошла. И там, в гостиной, мне встретила одна девочка.

Исидзуэ Каната.

Я стояла перед ней вся в крови, а она совершенно не удивилась, просто посмотрела на меня укоряющим взглядом, словно на грязного пса, и сказала: «Не мешайте мне. Кажется, вам пора домой».

И ее улыбка — словно распутившийся цветок.

Своей животной самонадеянностью я ощутила в ней такого же зверя, поэтому и не могла отступить. Мы казались равными, потому я решила — она не должна смотреть на меня свысока — и кинулась вперед.

От страха, что сковал меня тогда, я дрожу до сих пор.

Формально она была таким же животным, но масштаб был совсем иным.

Законы перспективы перевернулись с ног на голову. Я считала нас обоих львами, но чем ближе подходила к ней, тем больше теряла чувство реальности происходящего, потому что *это* отличалось от меня в десятки, а то и в сотни раз.

С тех пор я боюсь и не могу прямо смотреть на все, что выглядит как девочка. Стоит мне только представить охоту на девочку, я уже не могу довести жатву до конца. — Так вот чего ты такая. Ну, не знаю, как вы, одержимые, друг друга чувствуете, но ты могла бы не терять дар речи-то. Подумаешь, испугалась.

О чем ты?.. Я весьма словоохотлива и уже какое-то время только и делаю, что говорю. — Ладно, бормочи дальше, я вроде понимаю. Сама не осознаешь? Ну и пусть. Так что, явишься с повинной? Я сегодня здесь как офицер полиции и не собираюсь становиться тебе врачом.

Явка с повинной?.. Это все людские правила. Когда это зверь считал собственные клыки за грех?

Я всего лишь бегала по городу, следуя своим инстинктам. Я всего лишь затыкала рты свидетелям. Ведь каждому понятно, что упусти одного — зверя по кличке Яманаси Томори обязательно поймают и забьют, так что считай это обычной самообороной.

— Людские правила? Странная фраза. Интересно, уж не считаешь ли ты себя зверем или кем-то в этом роде?

Еще бы. В противном случае я так и не поняла бы, почему мне нравится просто бежать.

— Дуреха. Все ясно как день — Яманаси Томори, у тебя по протоколу значится «привычка оборачиваться». И я долго не могла понять почему. А могла бы чуть порыться и все выяснить. Ты всегда чего-то боялась. Ты не бега хочешь. Ты просто не хочешь останавливаться.

Не хочу останавливаться.

Да, я не хотела останавливаться. Потому что...

— Когда тебе было пять, ты потеряла дедушку.

Потому что я поступила плохо.

Меня всегда преследовал тот летний день.

— У психически больных бывает мания преследования. Без каких-либо на то причин они убеждены, что их кто-то преследует. В твоем же случае причина есть, хоть и слабоватая для А-больного. Нервные токи напряженного мозга хотят стряхнуть с себя фокус «преследователя» и создают демона. Не хочется признавать, но одержимый заболевает, чтобы спасти организм.

— Так что ты, — продолжила женщина, — развилась, так и не осознав, чего хочешь.

Чего я хочу.

Бежать, стать зверем, так легче, отец и остальные были обузой, а я — убийцей. И в ту ночь, когда меня впервые увидели, меня затрясло, но я...

— Да, ты не боялась, что тебя заметят. Ты хотела, чтобы тебя заметили. Чтобы *наконец стало легче*.

Я оборачиваюсь.

Где меня предали? Значит, отринуть все человеческое было ошибкой?

— На самом деле ты человечна. Демоны делают одержимыми только людей, говорю это как офицер. Считаешь себя зверем? Не смейся. Почему тогда ты не стала тем чудовищем, не напала на своего единственного брата? Не думая ни о прошлом, ни о будущем, а только глядя перед собой? Знаешь, есть два типа маньяков, которые убивают ради удовольствия. Те, кто не могут адаптироваться к обществу, и не могут даже понять, что они совершают преступления; анархичные. И напротив, те, кто относят свои действия к разряду преступных и утаивает свои грехи, адаптируясь к обществу; систематичные. Можно даже не уточнять, к какому типу ты относишься...

Я думала о самозащите.

Чтобы скрыть убийство родителей, я поднимала руку на непричастных людей. Чтобы скрыть, что я маньяк-убийца, я убивала еще больше. Я пыталась переложить свой грех на незнакомых людей. В то самое время я и стала низменным недочеловеком...

— Поняла, наконец, Яманаси Томори? Ты всего лишь невезучая убийца, которая умудрилась вломиться в дом, оказавшийся вратами ада.

Я мотаю головой из стороны в сторону.

Я не могу поднять ни рук, ни ног. Не потому, что подстрелена, а потому, что теряю силу жить в самом корне своего существа.

А впрочем... эти руки и ноги уже на пороге усталости... верно?

— Ого, ты подняла голову. Не хочешь с повинной, значит?

Естественно. Я — животное, а раз так, я буду обнажать клыки до самого конца.

— Ну и шут с тобой. Ну? Что там было?

На меня смотрят дула пистолетов.

И напоследок она спрашивает что-то непонятное.

— Да я про дом Исидзуэ. Сначала ты всех убила, а потом встретила ее, или вы сошлись до убийства? Это может сильно повлиять на обстоятельства. Смешно даже предполагать такое, но вдруг она на самом деле ни единого человека...

Про гостиную в доме Исидзуэ?

Еще бы я после такого потрясения что-то запомнила.

Я делаю последний скачок.

— Вот как. Ну... В общем, меня устроит и то, и то.

Бух-кляц.

Одновременно с сухим звуком у меня подкашиваются колени.

Не ожидала. Я думала, что с ее силой она прошибет мне череп. Но вместо этого продолжавшие двухгодичный забег тело и сознание растворяются в объятиях сна.

— К сожалению, сегодня я офицер полиции, и должна сохранить тебе жизнь. Так просто я не могу облегчить твою участь. Хотя, если честно, снотворное — не мой конек, — тихо проговорила она и, стоя надо мной, отдала приказы двоим вошедшим.

Да уж, моему невезению можно только позавидовать.

Тоскливо несбывшаяся последняя охота. В этот памятный день, когда я должна была блистать инстинктами, последние оказались на минимуме, зато появилась лучшая из охотниц.

Впрочем, теперь я, наконец, смогу уснуть.

Наконец меня настиг и поймал тот летний день.

／formal hunt.end

/FH

Начался 2005-й год.

Мато-сан принесла подарок на день рождения. На день рождения *этой*, а не мой, конечно же.

— Между прочим, это все под грифом. Показываю только один раз, так что смотрим внимательно. Тут ее самая большая надежда.

Мато-сан поставила передо мной свой ноутбук и включила видеофайл с неудобоваримым названием «FH5.2.13».

А что значит это «FH»?

— Н-нашел кого спрашивать. Это докторишки издеваются. Наверно, они так сократили *flame* и *hatchet*.

Между прочим, *hatchet* — это тяжелый и широко-окий такой колунок для рубки дерева.

— Ну ладно... Название словно из 80-х, Мато-сан.

— Кому говорю, это в госпитале так называли. Я просто дала добро... О, начинается, вот отсюда. Смотри как следует! От этого зависит, как прилично она будет себя вести. Если прозеваешь — заметит по скрытым признакам.

Бр-р, каким еще признакам? Тоже мне ниндзя.

— Хорошо. А кто-нибудь позаботится обо мне, если вдруг у меня случится душевное расстройство?

— Если ты скуksiшься, но *это* пойдет нам навстречу — можно не то что не заботиться, а вообще не принимать тебя в расчет. Это ж какая ценовая эффективность!

Видео кончилось через две минуты.

Внутри чего-то вроде спортзала неведомая красотка развлекалась с мешком с песком. В объектив она не смотрела, комментариев никаких не давала.

— Это что, Лара Крофт?

— Изображение с камеры охраны. Сказала, принеси, мол, любую обычную запись, все-таки два года не виделись. Может, она хотела напомнить тебе о себе?

Кстати, сегодня ей исполнилось семнадцать? Вот так подумаешь, и теплое чувство... не возникает вообще. Вы только посмотрите на этот мешок! В нем же больше ста килограмм.

— Вот и все кино. Я пошла, какие комментарии напоследок?

Ну что... Я не хотел спрашивать, но почувствовал, что если не спрошу, то это будет давить мне на нервы. Конечно, вопрос сомнительный во многих смыслах, но больше всего я задумался вот над чем:

— Гм. По-моему, она развилась?

— Ага, совсем взрослая.

— Я не о том. Больше, хм, в биологическом смысле.

На том диалог кончился.

Мато-сан убрала ноут, разом прикончила оставшийся кофе и пошла на выход.

— М-да, я могу тебе сказать только одно. Честное слово, тяжело тебе с половозрелой сестрой, «братишка».

Тома ехидно улыбнулась и откланялась.

Застала меня расплож...

И даже не тем, что ответила на мою шутку, а... Э-э, да, к стыду своему, я слегка засмотрелся, Томато-тян.